

P478

P 478

УНИВ. БИБЛИОТЕКА
И. Бр. 22526.

КАШЕТАНОВА БЕРКА.

ОДЪ

А. ПУШКИНА.

ИЗДАО

Милошъ Поповићъ.

У БЕОГРАДУ,

Словила књажеско-србске Печатниъ.

1849.

Handwritten text at the top left, possibly a date or reference number, including the number 2225.

Faint, mirrored text at the top, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, mirrored text in the middle section, also likely bleed-through from the reverse side.

Faint, mirrored text in the lower-middle section, likely bleed-through from the reverse side.

Faint, mirrored text in the lower section, likely bleed-through from the reverse side.

Faint, mirrored text at the bottom center, likely bleed-through from the reverse side.

Глава I.

Сержантъ Гвардіє.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.
— Того не надобно: пусть въ арміи послужитъ.
Изрядно сказано! Пускай его потужитъ
Да кто его отецъ ?

Княжнѣцъ.

Отаць мой Андрія Петровиѣъ Гриневъ служію є у младости своіой подѣ грофомъ Минихомъ, и као првый маіоръ оставію є службу 17. године. Одъ тога времена живію є на свомъ Симбирскомъ добру, и ту є Авдоту Васильвну Ю., едногъ убогогъ дворанина кѣрѣ, себи за жену узео. Съ нѣомъ є деветоро дѣце родію. Сва моя браѣна и сестре помру у младости. Я самъ быо у полкъ семеновскій за сержанта уписанъ, и то изъ милости маіора гвардіє, кнеза Б., поизблизу сродника нашегъ. Држали су ме на допусту, докъ науке не свршимъ. Мы, у оно време, нисмо се по данашнѣмъ обичаю воспитавали. У петой години мога узроста добыемъ за наставника Савельиѣа, мужа честна и трезвена. Подѣ нѣговымъ надзиранѣмъ научію самъ до дванаесте мое године руски читати и писати и о свойствима брзога хрта веома добро судити. У то време доведе ми отаць изъ Москве Француза, мусъ Бопра, за учителя, кога є осимъ плате у новцу, у куѣи еломъ и пишемъ издржавао. Овай се Савельиѣу ни мало не допадне. — „Хвала Богу“ — говорію є онъ у себи — „дѣте є умивено, очешляно и наранѣно. Каква є дакле нужда да господинъ излишно троши новце на мусъ, као да нема у насъ и наши способни людї!“

Бопре правіо е у отачаству своѣмъ пароке, после быо е войникъ у Пруской, найпосле дође у Русію pour être outhitel, веома слабо познаваюћи пита ове рѣчи значе. Онъ е быо доста добаръ, но вѣтренясть и неуштанъ до крайности. Главна слабость нѣгова была е страсть къ прекрасномъ полу, и често е за свою нѣжность награђиванъ бывао турканѣмъ, одъ чега е уздисао често по васъ данъ. При томъ (као што се онъ изражавао) ніе (нашки говорећи) ни на чаше мрзіо. Но будући се кодъ насъ вино само о ужини употреблявало, и то у бокалићима, којомъ приликомъ и учитель ніе се обилазіо, то се мой Бопре врло навикне на руско наливанъ, и већ е наше вино више цѣнити почео одъ вина отачаства свога, доказуюћи, да е болъ и полезніе за желудаць. Мы се брзо познамо; и ма да е онъ по писменомъ уговору обвезанъ быо *французсколъ и нѣмачколъ взыку и другила наукала* мене наставляти; то е онъ опетъ волю одъ мене руски учити коєкако брбляти — и тако свакій одъ насъ занимао се своимъ посломъ. Мы смо живили као една душа. Другогъ ментора я нисамъ ни желіо. Но на скоро насъ судба растави, и ево какъвѣмъ начиномъ.

У насъ су были двѣ дѣвѣйке у служби. Праля е была дебела и по образима бубульичава и звала се Палашка, а станарица была е мало мршавія и звала се Акулька. Обадвѣ ове у едно време падну предъ матеръ мою на колѣна, и стану се съ плачемъ на мусъ тужити, како е нѣя преварио. Матери ова мусѣва шала ніе была повольна, и зато га отцу одма отбужни. Кодъ нѣга парница ніе за дуго траяла. Онъ одма канайльію Француза позове къ себи. Кажу му да мусъ уроке мени предае. Отаць дође у мою собу. У то е време Бопре на постельи у сну невиности спавао. Я самъ се съ посломъ занимао. Треба знати да е отаць мой земльовидъ (мапу) дао изъ Москве за мене донети. Ова е высила о зиду безъ икаковогъ употреблѣня, и мене е шириномъ и добротомъ артіе одавна едила. Я наумимъ одъ нѣ змай начинити, и спаванѣмъ Бопра ползуемъ се и латимъ се посла. У само то тренуће, кадъ самъ я одъ предградія добре надежде змаю репъ правіо, уђе

отаць у собу. Видећи моя у земљописаню упражнѣня, повуче ме добро за уво, после оде къ Бопру, сасвимъ безобзирно пробуди га и добро изгрди. Бопре смуѣнешь хотѣо е устати но ніе могао: несреѣный Французъ као мртавъ опіо се быо. Седамъ питаня еданъ одговоръ. Отаць га најпосле счепа за вратъ и съ постелѣ дигне, на врата истура, и тай данъ, на неописану радость Савельиѣа, протера га изъ двора. И съ тимъ се момъ воспытанію край учини.

Я самъ живіо сасвимъ у слободи, хватао самъ голубове, и съ дворскомъ дѣцомъ сиграо самъ се. Меѣутимъ проѣ мени шестнаестъ година. Тада се судба моя промѣни.

Еданпутъ у всенъ кувала е мати моя у куйни медовину, и я облизиваюћи се гледао самъ на кипѣћу пѣну. Отаць е сѣдіо кодъ прозора, и читао е придворный календаръ, кои е сваке године добывао. Книга та имала е на нѣга увѣкъ великій упливъ: нигда е ніе читао безъ особитога учестія, и читанѣ то свагда е у нѣму удивително волноваѣ жучи производило. Мати, све нѣгове наваде и обичае на память знаюћи, свагда е гледала, како ће ту несреѣну книгу тако забацити, да му она више пута за цѣо мѣсець дана на очи изилазила ніе. Зато, кадъ бы е онъ кадъ случайно нашао, држао бы е по више сатій у рукама. Тада пакъ случайно нашавши е кодъ прозора и читаюћи е, слегао е кадкадъ раменима, и ово е полагано повтаравао: „ѣнераль-поручикъ!... Онъ е быо сержантъ у мојой роти!... Оба руска ордена кавалѣръ!... А одкадъ смо мы?“... Најпосле баци календаръ и пусти се у мысли, кое ништа добро предсказивале нису.

У томъ окрене се матери: „Авдото Василѣвна, колико е Петру година?“

— Сада му е прошло седамнаестъ, — одговори мати. Пера се родіо те исте године, кадъ е оѣоравила тетка Наста Герасимовна, и кадъ е іоштъ...

„Добро“ — рече отаць — „садъ е за службу. Већ онъ трчи за дѣвојкама и хвата голубиѣе.“

Мысао, да ће се са мномя скоро растати, тако порази матеръ мою, да е она варячу у кастрюлу испустила, а да іой сузе по образу потеку. Напро-

тивъ пакъ тешко є мою радость описати. Мысао о служби сливала се у меня съ мыслима о слободи и о удовольствіи петрбургскогъ живота. Я самъ себи уображавао, да самъ већъ офицеръ гвардіе, и мыслио самъ, да за човѣка веће среће нема.

Отаць мой ніє радо промѣнѣвао своя намѣреня, и съ тима нигда одлагао ніє. Данъ одлазка мога буде одреѣенъ. Кадъ се сумрачакъ хватао, яви отаць, да намѣрава момъ будућемъ начелнику писати, и искао є перо и артиє.

„Андрія Петровићу“ — рече мати — „поздрави и одъ мое стране Б.; я се надамъ да ће онъ Перу нашегъ милостиво примити.“

— Кога да поздравимъ! — одговори мой отаць намрштень. У каквомъ ћу послу я кнезу Б. писати?

„Нуто, та казао си да ћешъ писати начелнику Периномъ.“

— Но, па шта ћешъ съ тимъ?

„Та начелникъ є Перинъ кнезь Б. Знашъ, Пера є записанъ у семеновскій полкъ.“

— Записанъ! Шта я маримъ, што є онъ записанъ? Петаръ неће у Петрбургъ ићи. Шта ће научити, служећи у Петрбургу? Скитати се и неваљалымъ бити. Не, нека онъ иде у войну, нека мало ознои кркаче, нека се нагута пращине, нека буде правый воиникъ, а не безносличаръ кодъ гвардіе! Гдѣ є његовъ путный листь? Дай га овамо.

Мати донесе мой путный листь, кои є досадъ у кутии заедно съ моимъ крзницомъ чувала, и пружи га отцу дрѣћуномъ рукомъ. Отаць га съ пажњомъ прочита, метне га предъ себе на трапезу, па почне писати.

Мене є любопытство морило. Куда ће отаць са мноимъ, заръ неће у Петрбургъ? Я писамъ ока скидао съ пера, кое се у отчинимъ рукама доста брзо крећало. Найпосле онъ сврши, запечати, метне га у еданъ свежанъ съ путнымъ листомъ заедно, скине наочари, зовне ме къ себи и рече: „Ево писмо на Андрію Карловића Р., могъ старогъ побратима и друга. Ты ћешъ ићи у Оренбургъ и служићешъ подъ његовомъ командомъ.“

И тако се уеданпутъ све сѣйне мое надежде сруше! У мѣсто веселогъ петрбургскогъ живота очекиваше мене чама и ядикованѣ у глувой и удалѣной пустинѣи. Служба, о којой самъ у едно време съ найвећимъ восторгомъ мыслио, указа ми се као найвећа несрећа. Но отцу противна рѣчь нѣ се смѣла прословити. Другій данъ у ютру дотеране буду саонице предъ ходникъ, на коя се све потребе за путъ натоваре. Родители мои мене су благосиляли. Отацъ ми рече: „Прости Петре. Служи вѣрно, коме се закунешъ, старѣшине слушай, нѣину благонаклоность чувай, на службу се не намећи, одъ службе се не извлачи, и опомени се пословице: Чувай одѣло докъ в ново, а часть докъ ся младъ.“ Мати у сузама свѣтовала ме в да здравлѣ чувамъ, а Савельићу в наручивала да пази на мене. Обуку ме у земљу ћурдию, а преко нѣ у лисичию бунду. Я са Савельићемъ сѣднемъ на саонице, и кренемъ се на путъ, ро-нећи сузе.

То вече дођемо у Симбирскъ, гдѣ смо купујући потребне ствари, кое су Савельићу наручене быле, ѣданъ данъ пробавити морали. Савельићъ у ютру оде за своимъ посломъ. Я останемъ у гостионици, гдѣ самъ за неко време съ прозора на неуредне улице гледао. Кадъ ми се то досади, изиђемъ изъ себе, пођемъ по ходнику, тамо и амо, и одемъ у билиярницу, гдѣ застанемъ двоицу на билијару. Ёданъ одъ нѣи быјаше бояринъ, око 35 година, высокъ, приманястъ и бркатъ, у кафтану, съ дакомъ у руди и съ луломъ у зуби. Другій в быо маркеръ, и бояринъ се съ нѣиме играо, кои при свакомъ краю игре по едно чашу водке испити и кадъ онай изгуби, овай четвероношке подъ билијаръ по новце нѣи мораше. Я самъ гледао како се они играю. Што в дуже игра траяла, тимъ се чешће четвероношке по новце ишло, докъ найпосле маркеръ подъ билијаромъ не оста. Бояринъ изговори надъ нѣимъ неколико оштры рѣчий у виду надгробнога слова, и понуди мене да играмъ кою партию. Я му кажемъ да не знамъ. Онъ погледи на мене као са некимъ сажалѣнѣмъ; но мы смо се опетъ зато и далѣ разговарали. Я самъ дознао, да се онъ zove Иванъ Ивановичъ Зуринъ, да в ритмайсторъ * *

хусарскога полка и да се налази у Симбирску рекруте примајући, и ту у гостионици пребива. Зуринъ позове мене, да съ нѣмъ ручамъ, што му е Богъ дао, солдатски. Я на то пристанемъ. Мы смо сѣли за трапезу. Зуринъ е піо много, а нудио е и мене, говорећи, да треба на службу привикавати се, онъ ми приповѣди неколико войнички анекдота, на кое самъ се я и одвише смѣао, и мы као највећи приятели иза трапезе устанемо. Тада ме позове да ме учи биліяра играти. „То е“ — говораше онъ — „необходно потребно за нашегъ свакогъ брата, кои се у служби налази. На путу, на примѣръ, дођешъ у мало какво мѣсто; чимъ ћешъ се забављати? Не можешъ бити Чивутинъ, да новце котипшъ. По невољи отидешъ у гостионицу и ту се играшъ биліяра; и зато треба знати играти!“ Я рѣчма Зурина будемъ убѣђенъ и съ највећимъ прилѣжанѣмъ почнемъ учти. Зуринъ е мене ободравао, дивіо се момъ брзомъ успѣху, и после неколико урока, понуди ме да играмо на новце, партію на еданъ само грошъ, не добитка ради, но само да се бадава не играмо, кое е по нѣговима рѣчма само поганый обичай. Я се и на то склонимъ. Зуринъ заповѣди пунча донети, повтаравајући, да се треба на службу привикавати; а безъ пунча шта е служба! Я самъ нѣга слушао. Међутимъ игра се наша продужавала. Што самъ я чешће гуцкао изъ мое чаше, то самъ све одважнии бывао. Варнице су ми изъ очію сѣвале, я самъ се распальвао, псовао самъ маркера, кои е Богъ зна како брояо, одъ часа на часъ умножавао самъ партіе, еднимъ словомъ — я самъ се владао као младѣнь, кои е сасвимъ слободанъ и ни одъ кога не зависеѣій. Зуринъ погледи на сатъ, остави даку, и да ми на знаиъ, да самъ проиграо сто рубаля. То мене ніе здраво ожалостило. Новци мои бяху кодъ Савельиѣна. Я се почнемъ извинявати Зуринъ ме предвари: „Молимъ! Немойте се бринутти. Я могу и почекати, а садъ да идемо къ Арипушки.“

Шта ћете рећи? Данасъ самъ данъ провео тако исто неупутно, као што самъ га и започео. Мы смо ужинали кодъ Арипушке. Зуринъ е свакој часъ мене пићемъ нудио, повтаравајући, да се треба на службу

привикавати. У полноћи одведе ме Зуринъ у гостіоницу.

Савельићъ сретне насъ на врати. Онъ уздане, кадъ на мени примѣти несумнѣне знаке усрдія мога къ служби. „Шта є то, господине, одъ тебе?“ — рече сажалѣваюћимъ гласомъ. „Гдѣ си се тако наиктіо? О Господи! да велика грѣха!“ — Мучи, старый мрмляло! — одговоримъ му я запинюћи; ты си заиста піянъ, — иди испавай се а мене се окани.

Сутраданъ кадъ се пробудимъ, осѣтимъ да ме глава боли, и съ грозомъ опоменемъ се синоћнигъ догађая. Мене у мыслима моима Савельићъ поремети. Онъ дошавши къ мени донесе ми чашу чая и рече вртећи главома: „Рано Петре Андрієвићу! — рано си се почео опіяти. На кога си се изметнуо? Ни отаць, ни дѣдъ твой нису были піянци, а о матери ни рѣчи прословити не треба, која осимъ кваса нигда друго пиће окусила ніє. А ко є свему томе кривъ? Проклетый мусъ. Тако є то, кадъ се наклоность Антипѣвне тражи: „Мадамъ! же ву при водке.“ Ето и теби же ву при! Но бадава є было говорити: пасіи сынъ, добру те є научіо. Заръ є старый господинъ морао битангу у кућу довести? Заръ ніє было у насъ честиты людій!“

Я самъ се стыдіо. Я се къ виду окренемъ и речемъ му: — Савельићу! я чая нећу, изиђи на полѣ. — Но Савельићъ то нехтѣ учинити. Онъ ми стане проповѣдати, и я га пазливо морадо слушати. „Видишь ли Петре Андрієвићу! шта піянченѣ чини. И глава те боли, и ести ти се неће. Човѣкъ, кои се опіє, ни за што ніє Садъ да ти є да испієшь єдну чашу расола, то бы ти бољ мамурлукъ истерало, него ма какова медицина.“

У тай часъ дође дѣчко еданъ, и преда ми писмо одъ И. И. Зурина. Одпечатимъ га и прочитамъ слѣдуюће рѣчи:

„Любезный Петре Андрієвићу, имайте любавъ послати ми по момъ дѣчку сто рубала, коє сте ми се синоћ задужили. Мени є новаць врло потребанъ.

На служби готовъ
Иванъ Ив. Зуринъ.“

Шта ће се садъ радити? мысліо самъ у себи. Я се учинимъ, као да за то ништа и не маримъ, окренемъ се къ Савельићу, кои є и на мов новце и на мов рубине, и на моя дѣла пазіо, и речемъ му: — Савельићу! подайте томъ дѣчку сто рубала. — „Како! зашто?“ запыта изумлѣнъ Савельић. — Толико самъ му дужанъ — одговоримъ я колико се могло съ ладности. „Дужанъ!“ повтори Савельић све у веће изумлѣнъ долазећи — „а кадъ си се, господине мой, могао нѣму задужити? То нїє мала стварь! Шта ти драго, господине, я новаца не дамъ.“

Помыслимъ, ако садъ у овомъ одсудномъ часу не надговоримъ мога упорнога старца, да ћу се у послѣдуюће време тешко нѣму противити моћи, и зато гордо погледимъ на нѣга и речемъ му: — Я самъ твой господарь, а ты си мой слуга. Новци су мои. Я самъ ий проиграо, зато, што самъ тако хотѣо. А тебе савѣтуемъ, да не мудруешъ, но да чинишъ оно, што ти се заповѣда.

Савельић тако є быо моима рѣчма пораженъ, да се плѣснуо рукама и читаво окаменіо. Шта стоишъ! — викнемъ я срдито. Савельић се заплаче. „Господине Петре Андриєвићу“ — проговори дркѣћимъ гласомъ — „немой ме жалости морити. Свѣте мой милый! послушай мене старца, напиши томъ айдуку, да си се ты шаліо, и да мы немамо толико новаца. Сто рубала! Боже мой милостивый! Кажи му, да су теби родители твои на новце играти забранили, да ты само на орахе играти смѣшъ“ Платити се мора — проговоримъ я строго — подай таки новце — или ћу те садъ за шіо.

Савельић съ дубокомъ жалости погледи на мене, и оде по новце. Я самъ жаліо бѣдногъ старца, но я самъ хотѣо доказати, да самъ я слободанъ и да више нисамъ дѣте. Новци се пошло Зурину. Савельић ускори мене изъ проклете гостіонице извести. Опъ ми яви, да су коньи упрегнути. Съ неспокойномъ савѣсти и ћутећимъ каянѣмъ изиђемъ я изъ Сямбирска, не опростивши се съ моимъ учителѣмъ и не надаюћи се да ћу се съ нѣмъ игдѣ кадгодъ видѣти.

Г л а в а ІІ.

Калаузь.

Сторона ль моя, старонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя нашель,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, добротъ молодецкая
И хмѣлннушка кобацкая.

Старинска пѣсла.

Размышляваня моя на путу нису была за мене найпріятнѣя. Новаць, кон самъ на биліару проиграо, ніе быо маленъ. Я самъ морао у души моѣй признати, да самъ у симбирскомъ гостиннику глупость мою показао, и осеѣао самъ да самъ Савельиѣа увредіо. Све є то мене мучило. Стараць смуѣнъ сѣдіо є до мене. Онъ є кадкадъ прокащльвао, окреѣуѣи лице своє непрестано одъ мене. Я самъ желіо одма се съ нѣимъ помирити, но писамъ знао како ѣу почети. Найпосле речемъ му: Но, но Савельиѣу, треба да се помиriamo, я самъ кривъ; видимъ и самъ да самъ кривъ. Я самъ се синоѣъ разсрдіо и тебе самъ напрасно увредіо. Обеѣавамъ ти се, да ѣу се у напредакъ паметнѣе владати и тебе слушати. Но, не срдѣ се; помиriamo се.“

— Ахъ, баѣушко Петре Андрієвиѣу —!— одговори онъ съ дубокимъ узднсаемъ. Срдимъ се я самъ на себе; я самъ свему кривъ. Зашто самъ те сама у гостіонницѣ оставіо. Али шта знамъ радити? Грѣхъ є учинѣнъ. Хотѣо самъ походити звонарку, видити се съ кумомъ. Тако є то: задржа се кодъ куме, засѣ подъ звонаромъ. Неее:

ћа е то за мене велика. Како ћу изићи на очи господину? Шта ће онъ рећи, кадъ дозна да му дѣте нѣ и игра?

Да бы самъ утѣшио бѣдногъ Савельића, обѣхамъ му се да у напредакъ безъ нѣговогъ сугласія ни едну копѣйку потрошити нећу. Онъ се мало по мало умири, по опетъ е јошѣ у себи кадкадъ вртећи главомъ поговарао: „Сто рубала; е ли то мала стварь!“

Ј самъ се приближавао къ мѣсту мога опредѣлѣнја. Около мене простирале су се печалне пустињѣ, изпресѣдане брежуљцима и яругама. Све е свѣгомъ покривено было. Сунце е сѣдало. Саонице су наше ишле по узкомъ путу, или болъ трагомъ, кога су селянске саонице направиле. Кочіяшъ стане наѣданпутъ погледати на страну, и наипосле, скинувши капу, окрене се къ мени и рече: „Милостивый господине, не бы ли изволѣли да се вратимо?“

— А зашто?

„Време нѣ найболъ: вѣтаръ се подиже; видите, како се свѣгъ сметава.“

— Па шта е то?

„А видите ли шта е тамо?“ (кочіяшъ показиваше камѣномъ на истокъ.)

— Ј ништа друго не видимъ окромъ бѣлу пустиню и чисто небо.

„А онамо — онамо: онаѣ облачакъ.“

И ја опазимъ на краю неба еданъ малый облачакъ, кои самъ съ почетка за удалѣнный брежулякъ сматрао. Кочіяшъ ми каже, да таѣ облачакъ буру предсказуе.

Ј самъ слушао о тамошњимъ сметовима, и знао самъ, да су читаве караване заваявали. Савельић ме е као и кочіяшъ свѣтовао, да се вратимо. Но мени се чиняше, да е вѣтаръ слабъ, и надао самъ се да ћу благовремено до прве штаѣѣ стићи, па зато заповѣдимъ брже терати.

Кочіяшъ потера болъ; но све е на истокъ погледао. Конѣи су трчали сложно. Вѣтаръ међутимъ све е силнѣ дувао. Облачакъ се преобрати у бѣлый градъ, кои се све већма подизао, растао, и постепено небо облегао. Пролеташе ситный свѣгъ

— а наеданпутъ страханъ се спусти. Вѣтаръ зарикне; меѣава се направи. У ѣдномъ се магновеню тамно небо смѣшало са снѣжнымъ моремъ. Све в изчезло. „Но, милоствый господине“ — викне кочіашъ — „несреѣа: ето меѣаве!“

Я извириимъ изъ саоница, свуда се виѣаше виоръ и помрчина. Вѣтаръ е тако свирѣпо звиждао, као да се напео. Снѣгъ е засипао мене и Савельиѣа, коньи су милили и скоро стали. „Што не терашъ болъ?“ запытамъ кочіаша. — Како ѣу терати? — одговори онъ, слазеѣи доле; — не знамо и тако куда идемо, пута нема а магла е у наоколо. — Я га почнемъ псовати. Савельиѣъ га е браніо. „Болъ бы было да я слушао нисамъ,“ — говорио е кочіашъ срдито, — „да самъ се натрагъ вратио на конакъ, нашо бы се чая, одмарао бы се до уютру, бура бы се утишала, па бы се онда далъ кренули. А куда намъ се хити. Вальда у сватове!“ — Савельиѣъ е ѣутао. Учинити се ніе могло ништа. Снѣгъ е здраво падао. Око саоница нагомилао се сметъ. Кочіашъ е ходао око саоница, одъ муке е намѣштао на коньма амове. Савельиѣъ е извиривао, я на све стране погледао, надаюѣи се да ѣу видѣти знакъ какве куѣице или пута, но ништа се ніе могло разликовати окромъ силны сметова Наеданпутъ опазимъ нешто црно: „Ей, кочіашу!“ — викнемъ, „глешта се оно тамо црни?“ Кочіашъ стане разгледати. — „А Богъ зна, милостивый господине“ — рече онъ посаѣуюѣи се на свое мѣсто, — „возъ ли е, шта ли е, дрво ли е шта ли е, а чини ми се да се мяче. Мо-ра быти или вукъ или човѣкъ.“

Я му реко да држи управо на незнанный предметъ, кои у истый махъ нама на сусрѣтъ креѣати се стаде. За два минута састанемо се съ човѣкомъ. „Ей, добрый човѣче!“ — викне му кочіашъ. „Казуй, звашъ ли гдѣ е путь?“ — Путь е овдѣ, я стоимъ на утренику, одговори путникъ, па шта ѣеши зато?

Послушай чичо — речемъ му я, познаешъ ли ты овай предѣлъ? Можешъ ли ме до каквогъ конака одвести?

„Мени е предѣлъ познать“ — одговори путникъ. — „Хвала Богу, може се по нѣму путовати и пре-

ко и уздужъ. Но видите ли вы каква е то меѣва: како веявица затрѣпава путъ. Болъ постоите мало овдѣ, причекайте докъ се меѣва утиша и небо очисти. Тада ѣмо путъ по звѣздама наѣи.“ Рѣчи путника мене ободре. Я самъ се веѣхъ рѣшио, предаваюѣи се воли Божіой, у пустыни преноѣити, кадъ путникъ брзо до кочіяша на саонице сѣдне и рѣче му: „Но, хвала Богу, конакъ нѣ далеко, држи право, и потеряй болъ.“ — А куда знамъ право? рече кочіяшь забринуть. — Заръ ты не видишь путъ? Не брини се рече путникъ; коньи су туѣи, а хамови нису твои, потеряй болъ, не стой. — Мени се учини да кочіяшь право има. „А зашто — мыслишь ты — да конакъ нѣ далеко?“ — Зато, што се вѣтаръ одтуда утишао — одговори путникъ, — и што чуемъ гдѣ пси лаю, крчма е близу. — Разуѣенъ и танкость слуха нѣговогъ мене у изумлѣнѣ доведе. Я заповѣдимъ кочіяшу да тера. Коньи су по дубокомъ снѣгу полагаю мѣлили. Саонице су се тихо креѣале, часъ изъ прѣа изилазеѣи а часъ у прѣтѣ враѣаюѣи се, залоблююѣи се часъ на едну часъ на другу страну. Ово е наличило пловеню галие по бурномъ мору. Савельиѣхъ, додиркуюѣи често у мое бокове, уздисао в. Я навучемъ капу на очи, замотамъ се у бунду, задремамъ, и заспимъ.

Я самъ тада сневао, што нигда заборавити не могу, и у чему до данашнѣгъ дана неко пророштво налазимъ, кадъ съ тимъ догаѣае живота мога сравнимъ. Читатель ѣе извинити мене; ербо ѣе вѣроятно по искуству знати, да е природно човѣку предавати се суевѣрїю, не сматраюѣи на свеможно презрѣнїе предразсуда.

Я самъ се налазио у томъ станю чувства и душе, гдѣ существеность, уступаюѣи мечтаньима, слива се съ нѣима у неяснимъ видѣнѣима првога сна. Мени се чиняше да бура іоштъ свирѣпствуе, да мы блудимо по снѣжной пустыни. Наеданпутъ спазимъ врата, и уѣемо у господско двориште нашего салаша. У првомъ помышляю боао самъ се да ѣе се отацъ на мене срдити, што самъ се безъ нѣговогъ позволѣня подъ кровъ родительскїй вратїю, и тимъ му непослушность мою показао. У страху извиримъ

изъ саоница: и видимъ у дубокой жалости погружену матеръ мою предъ мене изилазећу. „Гиніе,“ — рече ми — „отаць ти є на смрть болестанъ, и жели се съ тобомъ опростити.“ Я се ужаснемъ и поћемъ за нѣомъ. Ућемъ у собу слабо освѣтлѣну, у коіой наћемъ многе люде са жалостнимъ лицима око постель стоеће. Я лагано приступимъ къ постельи, мати дигне завѣсу и рече: „Андрія Петровићу. Петра є дошао, онъ разумѣвши о твоіой болести вратио се; благослови га.“ Я паднемъ на колѣна и очимов на болнога отца управимъ. Шта? . . . У мѣсто отца мога, видимъ на постельи човѣка съ црномъ брадомъ, весело на мене погледаюћа. Я у незнаню окренемъ се къ матери, и речемъ: Шта то значи? То нѣ отаць? И како ћу я одъ тућегъ човѣка благослова искати? . . . Све є то єдно Перо, — одговори ми мати, — то є твой поочимъ, полюби га у руку, и онъ ће тебе благословити.“ . . . Я то нисамъ хтѣо учинити. На то онъ скочи, узме сикиру иза леђа, и на све стране замахивати стане. Я хтѣдо бѣжати . . . но не мого; соба се напуни мртвима тѣлесима; я запнемъ о єдно мртво тѣло и паднемъ међу кржаве лешеве. Страшный онай човѣкъ умилно мене вичући, рече: „Небой се, но оди да те благословимъ.“ . . . Страхъ и незнањє овлада са мномъ . . . И у то магновєнъ пробудимъ се; коньи су стаяли; Савелићъ држао є мене за руку, говорєћи: „Сићи се, господине: дошли смо.“

— Гдѣ смо дошли? — запытамъ тарећи очи. — „На конакъ. Помози Боже, кадъ смо се видѣли овдѣ. Сићи се, господине, брже, да се одгрєвшь.“

Я се сићемъ са саоница. Бура є іоштъ свирѣпствовала, но съ манѣомъ силомъ. Помрчина є была така, да се ништа предъ очима видило нѣє. Домаћинъ изиће предъ насъ на врата, држећи фєнѣръ у руци, и одводе мене у собу тєсну, но доста чисту; лучъ є освѣтлявао. На зиду є висіо рогъ и висока козачка капа.

Домаћинъ родомъ яйцки козакъ, вићаше се човѣкъ око шестдєсетъ година, іоштъ здравъ, и бодаръ. Савелићъ донесе за мномъ пивничаць (Flaschenkeller), заиште ватре, да чай зготови, кои ми се нигда

тако, као садъ, потребанъ учиніо ніє. Домаћинъ оде гледати посла.

— Гдѣ є калаузъ? — запытамъ я Савельиѣна. „Ево га, ваше благородіє,“ одговори мени гласъ съ банка. Погледимъ тамо, и видимъ црну браду и два зверкаюћа ока. — Шта брате, прозебао си? — „Како небы прозебао у єдномъ слабомъ гуньцу! Имао самъ кожухъ, грѣхота є таити, но синоћъ самъ га заложіо у крчми, будући се великомъ мразу надао нисамъ.“ Домаћинъ уђе съ кипећимъ самоваромъ. Я пружимъ калаузу єдну чашу чая, и онъ се сиђе съ банка Спољашность нѣгова показиваше се мени чудновата. Онъ є могао четрєсетъ година имати, быо є среднѣгъ возраста, мршавъ и широко плећа. У црной бради нѣговой показиваше се гдѣ-коя сѣда власъ, очи му се свѣтлише и играше. Лице нѣгово виђаше се доста пріятно, но притворно. Коса му є была подстрижена у наокругъ; на нѣму є старый гунь, и татарске чакшире. Я му поднесемъ чашу чая, но онъ се намршти и одговори ми: „Ваше благородіє, учините ми ту милость — заповѣдите, да се чаша вина за мене донесе; чай ніє наше козачко пиће.“ — Я радо нѣгову желю испунимъ. Домаћинъ му донесе вина, но кадъ у нѣга погледи, рече му: — „Опетъ си намъ дошао! Одъ куда те садъ Богъ донесе?“ — Калаузъ мой намигне, и съ овомъ пословицомъ одговори: „Изъ кавеза самъ излетіо, крозь кудєло самъ пролетіо, и до васъ самъ долетіо, а нико ме ніє устрѣліо, ма да су нишанили на мене. — А како су ваши?“

— Како су наши! — одговори домаћинъ, продужуюћи другозначєій разговоръ. — Синоћъ су звонили, да попадіи не вели: попъ є угостима, ѣволи су на погостби. — „Ћути старче,“ — рече мой сапутникъ, — „ако буде кише, быће и сѣваня, ако буде сѣваня, быће и пуцняве, а садъ, (тада онъ опетъ намигне) обѣси сикиру о зидъ, шумаръ є овдѣ. Ваше благородіє! за ваше здрављѣ!“ — При овима рѣчма узме чашу, прекрсти се, и на душакъ испіє. После поклони се мени и опетъ попне се на банакъ.

Я ништа не мого изъ тогъ айдучкогъ разговора разумѣти, но после самъ дознао да су се они о ста-

ню яицке войске, после побуне 1772. године скоро текъ у то време умирене, разговарали.

Савельићу овај њинъ разговоръ ни мало нѣ было поволянъ. Онъ е на нѣ подозревао и часъ на домаћина часъ на калауза погледао. Крчма, или као што тамо говоре, *улетъ*, налазила се на страни у пустиньы, удалѣна одъ села, и изгледала е на рабойничко станиште. Но шта смо знали радити? О далѣмъ путованю ни помислити нисмо могли. Безпокойство Савельића мене е врло занимало. Међутимъ я се намѣстимъ спавати, и легнемъ на клупу. Савельић се наслони на трапезу. Домаћинъ изиђе наполю. Скоро сви у соби захрчу, и я заспимъ као убиенъ.

Кадъ се у ютру доста подоце пробудимъ, видимъ да се бора утишала. Сунце е сѣяло. Снѣгъ свуда по непрегледной пустиньы бѣлю се. Коньы су были ухаћени. Я платимъ домаћину, кои е одъ насъ тако умѣрену плату узео, да се Савельићъ по своемъ обичаю съ њимъ погађао нѣ, и на синоћный њинъ разговоръ сасвимъ заборавио было. Я зовнемъ калауза, благодаримъ му на указаной помоћи, и заповѣдимъ Савельићу, да му едну полтину — по рубль — на водку даде. Савельићъ намргоди се. „Полтину на водку“ — рече онъ — „а зашто? Зато, што си га изволю у крчму довести? Воля твоя, господине: но мы немамо сувише полтина. Свакомъ на водку давати, па ћемо сами скоро гладовати.“ Я се нисамъ могао са Савельићемъ прети. Новци, по момъ обећаню, налазили су се сасвимъ у његовой власти. Мени посве тешко быяше, што не мого благодарити човѣку, кои е мене, ако не изъ несреће, а оно по крайной мѣри изъ положеня сасвимъ неприятногъ избавио. Добро, речемъ я ладнокрвно, ако му нећешъ дати полтину, подай му ма што одъ мога одѣла. Онъ е веома слабо одѣвенъ. Подай му мою зечю ѣурдию.

„За Бога господине Петре Андрѣивићу.“ — рече Савельићъ. „Што ће му твоя зечя ѣурдиа? Онъ ће ню, псето, у првой меани поцити.“

— О томъ, старче, нѣ твоя брига — рече мой сапутникъ, поію я или не. Његово благородіе,

дає ли мени ѱурдію съ твою леѱа? То є нѱгова господска воля, твой посао нїє сваѱати се, веѱъ слушати.

„Не боишь ли се Бога, ты разбойниче!“ — Савельиѱъ му срдитымъ гласомъ одговори. „Ты видишь да дѱте іошть ништа не зна; па си га радъ у простоти нѱговой оплѱнити. Што ѱе теби господска ѱурдія? Ты є на твоя окаяна плеѱа неѱешъ ни навуѱи.“

— Молимъ те немой толико мудровати — речемъ я момъ старцу, овай часъ амо дай ѱурдію.

„Владико светый!“ уздане мой Савельиѱъ — зечїя ѱурдія сасвимъ нова! и коме да се да, оголѱломъ пїяници!“

Зечїя се ѱурдія донесе. Простакъ стаде є прегледати. ѱурдія, изъ кое самъ и я готово веѱъ израстао, была є за нѱга доста поузана. Но онъ се досѱти, гдѱгдѱ по шву распори є, и тако обуче.

Савельиѱъ у мало што нїє заплакао, кадъ є чуо како конци пуцаю. Ова свѱтска скиталица био є съ моимъ даромъ врло задоволянъ. Онъ ме допрати до саоница и рече ми съ нискимъ поклономъ: „Богъ да благовости ваше благодїє, да награди господъ васъ за вашу доброту. Никада вашу милость заборавити неѱу.“

Онъ оде на свою страну, а я поѱемъ далѱ, и не узимаюѱи на умъ Савельиѱа, и нѱгову жалость за зечїомъ ѱурдіомъ, и скоро заборавимъ на синоѱный догаѱай, на нашегъ калауза и зечїю ѱурдію.

Кадъ доѱемъ у Оренбургъ, ѱенералу одма прїлвимъ се. Онъ быяше узраста висока, но одъ старости веѱъ мало погрблѱнъ. Дугачка коса нѱгова быяше сасвимъ бѱла. Старый полинялый мундиръ нѱговъ представляо є войника одъ времена Ане Іовановне, а у нѱговима рѱчма силно се нѱмачкїй изговоръ одзвїао. Я му предамъ писмо одъ отца. При имену нѱговомъ, онъ погледи на мене оштро: „Поже мой!“ рече онъ; „таѱно є то было. Андрїя Петровиѱъ твою кодина, а кле какавъ є у нека сынаць! Ахъ, ѱреме, ѱреме!“ — Онъ распечати писмо и почне га у полакъ гласно читати, твореѱи своя примѱчаня. „Милостивый господине Иване Карловиѱу, надамъ се, да ѱе ваша преузвышеность“ Каква є то серемонїя? Фуѱ, како му нїє соѱѱсно! Заста: дисциплина є првїй посао, но тако се не пише

старомъ коморату? „Ваша преузыщность заборавила ніє“ хм „или кадь покойнымъ фелдмаршаломъ Мин. у путу тако я Каролину“ Охо брудерь! како се онъ іошть старогъ нашегъ несташлука опоминѣ? „Садъ о ствари къ вама, къ моме другу младости“ хм „држати у ежевимъ рукавицама“ Шта су то ежеве рукавице? То мора быти руска пословица Шта е то у рукавицама ежевимъ држати? — повтори онъ къ мени окренувши се.

— То значи — одговоримъ му я колико е веѣна можно было невинимъ начиномъ — обходити се граѣански, не сасвимъ строго, давати мало на волю, држати у ежевимъ рукавицама.

„Хм, разумѣмъ и не давати му на волю.“ не, то управо ежеве рукавице не значе „При томъ нѣговъ путный листъ“ Гдѣ е? А, ево га. Подписанъ „у Семеновски“ Добро, добро, све ће быти учинѣно. „Дозволите безъ комплимента загрлити себе и старымъ пріятельмъ и другомъ“ — а, наипосле погоди. и тако далѣ и тако далѣ Но, баѣушко — рече, кадь писмо прочита и на страну мой путный листъ остави — „све ће быти учинѣно: ты ћешъ быти произведенъ за офицера у *** полку, и да време губіо не бы, то у ютру одма у тврдиню Бѣлогорску похити, гдѣ ћешъ быти у команди капетана Миронова, доброгъ и поштеногъ човѣка. Ты ћешъ се тамо у служби, коя ти предстои, научити дисциплини. У Оренбургу ты немашь никаква посла; безпосленость е шкодљива за млада човѣка. А данась укажи ми любавъ да кодъ мене ручашъ.“

То е све горе, помыслимъ у себи: одъ какве ми е то файде было, што самъ готово іошть у утроби материной сержантъ гвардіе быо! Кудъ ме е то завело? У *** полкъ и у главу тврдиню на граници кирхиско-кайсацки пустиня Я самъ ручаю кодъ Андріе Карловиѣа съ нѣмъ и нѣговымъ ста-

рымъ абутантомъ. Строга нѣмачка економія цар-
ствовала е за нѣговымъ трапезомъ, и я мыслимъ, да
е страхъ: видити кадкадъ по едногъ госта више за
своіомъ трапезомъ, узрокомъ одъ прилике бы, што
самъ я тако хитно у гарнизонъ упућениъ. Другій данъ
опростимъ се съ генераломъ, и поћемъ на мѣсто мо-
га опредѣлѣня.

Г л а в а III.

Тврдиня.

Мы въ Фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирושку;
Зарядимъ картечью пушку.

Войничка пѣсма.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорска тврдиня одстаяла е четрдесетъ врстїи одъ Оренбурга. Путь се пружао по не равномъ берегу Яика. Рѣка се іоштъ нїе была замрзла, и нѣни су густы таласи тужно лупали о тврде, бѣлымъ снѣгомъ покривене брегове. Свуда у наоколо простирале су се кирхиске пустинѣ. Я се пустимъ у мысли, по већой чести печалне. Гарнизонскїй животь мало е имао за мене радости. Я самъ себи капетана Миронова ваображавао, мога будућегъ начелника, и представляо самъ га себи као строга и срдита старца, да ништа друго не зна осимъ свое службе, и да е готовъ свога подчинногъ за найманю бездѣлицу у тавницу бацити, и ту о сувомъ хлѣбу и води држати. Међутимъ почело се смркатви. Мы смо ишли доста брзо. Е ли далеко іоштъ тврдиня? — запытамъ мога кочіяша. — „Нїе далеко“ — одговори онъ. „Ено већъ се види.“ — Я погледимъ на све стране, надаюћи се да ћу видѣти высоке и яке бедеме, куле и шанчеве; но ништа не видо, окромъ едногъ бѣдногъ сеоца, обграђеногъ тарабомъ одъ греда. На одной страни стаяла су три или чети-

ри пласта сѣна, у полакъ снѣгомъ завейна; а на другой една накривлѣна вѣтренича, съ вѣтрилма одъ лике, лѣнливо спуштенима. — Гдѣ е тврдиня? — запытамъ съ удивлѣнїемъ. — „Та ето е,“ — одговори кочияшъ, показуючи сеоце, и съ тимъ рѣчма мы унутра уѣмо. На капиі смотримъ еданъ забаталнѣ гвозденъ топъ, улице су были узке и криве, куће низке и по већой чести сламомъ покривене. Я заповѣдимъ да тера къ команданту, и за часъ зауставе се кола предъ дрвеномъ кућицомъ, саграѣеномъ на високомъ мѣсту близу дрвене цркве.

Нико пред-а-ме изишао нїе. Я поѣмъ у ходникъ и отворимъ врата одъ предсобице. Старый еданъ инвалидъ сѣѣаше на столици, пришиваючи угасито-модру закрупу на лакать зеленога мундира. Я му речемъ да ме прїави. „Уѣтите, баѣушко“ — одговори инвалидъ; „наши су кодъ куће.“ Я уѣмъ у чисту собицу по старински намѣштену. У роглу стаяо е орманъ съ посуѣмъ; на зиду висила е диплома офицерска подъ стакломъ у раму; около нѣ виѣяху се дрвене иконице, представляюће заузѣће Кистрина и Очакова, и избираѣнїе невѣсте и погребъ мачка. Кодъ прозора сѣдила е баба у ѣурку съ марамомъ на глави. Она е мотала конце, ков е држао, на разширенїмъ рукама, еданъ, у офицерскомъ мундиру, грбавый стараць. „Ков добро баѣушко?“ — запыта она продужуючи свой посао. Я одговоримъ, да самъ у службу дошао, и по дужности моїой являмъ се сподину капетану, и съ тима рѣчма обратимъ се старцу, мыслеѣи, да е онъ командантъ; но домаѣница уѣ мени у рѣчь. „Иванъ Кузмиѣ нїе кодъ куће,“ рече она; „онъ е отишао къ отцу Герасиму у госте; но све едно, баѣушко, я самъ нѣгова супруга. Молимъ, будите слободанъ. Сѣдите баѣушко.“ Она викне дѣвойку и рече їой да зовне редовника. Стараць е све еднако погледао на мене съ любопытствомъ. „Смѣмъ ли запытати“ — рече онъ: „у каквомъ степолку извольѣли служити?“ Я задовольимъ нѣговомъ любопытству. „А смѣмъ ли запытати“ — настави онъ: „зашто сте извольѣли преѣи изъ гвардіе у гарнизонъ?“ Я одговоримъ да е то была воля начелства. „Безъ сумнѣ за не пристойне гвардїйскомъ офи-

циру поступке,“ — продужи не утомимый пытаоць.
 „Не говори у вѣтарь“ — рече му капетаница, —
 „ты видишь да е младь човѣкъ, съ пута дошао; нѣму
 нѣе до тебе (држи те руке правѣ) А
 ты, мой баѣушку“ — продужи она, обративши се
 къ мени — „немой се печалити, што су те у
 нашъ удалѣный предѣлъ послали. Ниси ты првый,
 ниси ни последній. Трѣя па ѣшь се спасти. Шва-
 бринь Алекса Ивановичъ ето веѣть петъ година како
 е къ нама за смртоубисто доведенъ. Богъ зна, шта е
 онъ юшь сгрѣшио; онъ е, можда си ты то видіо, изишао
 иза града съ єднымъ поручикомъ, са мачевима ту е в-
 данъ на другоѣ ударію, и Алекса Ивановичъ убѣ
 поручика, па юшь предъ двонцомъ свѣдоцима. Шта
 бы садъ ты на то казао? А ко не може погрѣшити?“

У то тренуѣе уѣе редовникъ, младъ и красанъ
 козакъ. „Максимиѣу!“ — рече му капетаница. —
 „Одведи господина офѣцира на конакъ, но честить.“
 „Разумѣмъ, Васялисо Ёгоровна“ — одговори редовникъ.
 — „Хоѣу ли нѣгово благородіе намѣстити кодъ Ива-
 на Полежаева?“ — „Не, Максимиѣу“ — рече капета-
 наница: „у Полежаева и тако е тесно; онъ е мой кумъ,
 а помысли, да смо мы нѣгови начелници. Одведи г.
 офѣцира како е ваше име и отачество, баѣуш-
 ко?“ — Петаръ Андрієвиѣъ. — „Одведи Петра Андріє-
 виѣа къ Семену Кузову. Онъ е, хуля, пустио своѣго коня
 у нашу забранъ. Но како Максимиѣу, е ли све на миру?“

— Све, хвала Богу, лагано одговори козакъ; — са-
 ию капларъ Прохоровъ што се, за єдну чапу вреле
 воде, у баньи съ Устиномъ Пугелиномъ потукао.

„Иване Игнатиѣу!“ — рече капетаница съде-
 ѣемъ старцу. — „Иди испытай, ко е кривъ, ко ли
 правъ, Похоровъ или Устина. И обое казни. Но Мак-
 симиѣу, садъ иди съ Богомъ. Петре Андрієвиѣу,
 Максимиѣъ ѣе засъ одвести на вашъ конакъ.“

Я се поклонимъ. Редовникъ одведе ме у куѣ-
 ракъ, стовѣій на високомъ брегу рѣке, на самомъ краю
 тврдинѣ. Половина куѣерка заузета е была породи-
 цомъ Семена Кузова; друга е мени дата. Она се са-
 стаяла изъ єдне себе доста чисте, на двое прегра-
 домъ раздѣлѣне. Савельиѣъ е у нѣой спремао, а я
 стовѣи гледао самъ крозь узацакъ прозорчиѣъ. Пред-

а-многъ простирала се печална пустиня. Косо ста-
яше неколико земуница; по улици ишло е неколико
кокошака. Баба, стоѣћи на врати, съ коритомъ, ра-
нила е свинѣ, коѣ су іой друголюбнымъ кроканѣмъ
одговарале. И гле у каквомъ самъ предѣлу осуѣнтъ
быо младость мою проводить. Я се смутимъ, съ про-
зорчиѣна уклонимъ се, и не вечеравши легнемъ спава-
ти, не сматраюћи на увѣштанѣ Савельиѣна, коя са са-
крушенымъ срцемъ повтoраваше: „Господи Боже!
зарѣ неѣте ништа ести? Шта ѣе милостива госпоѣа
реѣи, ако се дѣте разболи?“

Другій данъ у ютру текъ што се я облачити ста-
немъ, врата се моя отворе, и къ мени уѣе еданъ
младъ официръ, помаленъ, съ лицемъ црнымъ, руж-
нымъ, но не обично живымъ. „Извините ме“ — рече
ми онъ французски — „што я безъ церимоніе дола-
зимъ съ вама познати се. Синоѣ дознамъ да сте
дошли; желя видити еданцутъ човѣческо лице, тако
е са многъ овладала, да я истринити не мого. Вы ѣе-
те се о томъ увѣрити, кадъ овдѣ коѣ време прожи-
вите.“ — Я самъ се досѣтио, да е то быо онаѣ офи-
циръ, што е изъ гвардіе за удвой исписанъ. Мы смо
се одма познали. Швабринъ ніе быо сасвимъ глупъ.
Разговоръ е нѣговъ быо оштаръ и занимливъ. Онъ
ми съ великомъ веселости опише породицу коман-
данта, нѣгово саобраштенъ и предѣлъ, у коя е мене
судбина завела. Я самъ се изъ срца смѣяо, кадъ къ
мени онаѣ истый инвалидъ уѣе, кои е у предсобици
команданта мундиръ крпю, и именовъ Василисе Бго-
ровне позове ме къ нѣма на ручакъ. Швабринъ се
обеѣа са многъ одма доѣи.

Идући къ кући команданта, на отвореномъ мѣ-
сту спазимо мы око двадесетъ стары инвалида съ
дугачкими косама у троуголнимъ шеширима. Они су
ставлѣни были у фронтъ. Напредъ е стаюо командантъ,
старацъ крѣпакъ и висока узраста, у кашпаку и у
витайскомъ одѣлу. Видѣни насъ доѣе къ нама, рече
мени неколико ласкавы рѣчій, и стане опетъ коман-
дирати. Мы се зауставимо, да промотримо вѣштба-
нѣ; но онъ насъ замоли, да идемо къ Василисе Бго-
ровной, обеѣаваюћи се да ѣе и онъ за нама такъ до-
ѣи. „А овдѣ“ — рече — „немате ништа гледати.“

Василиса Ђгоровна дочека насъ просто и радостно, и са мномиъ, као да ме одъ Богъ зна када познае, обходила се. Инвалидъ и Палашка поставляху трапезу. „Шта се мой Иванъ Кузмићъ данасъ тако забавио?“ — рече капетаница. „Палашко, зови господина на ручакъ. А гдѣ е Маша?“ — Тада уђе у собу дѣвѡйка око осамнаестъ година, дѣпа, округлы образа, румена, съ плавима за уши сглађенима власима, кое су у нѣ чисто горѣле. При првомъ погледу нѣ ми се тако допала. Я самъ е слабо погледао, ерѣ ми е Швабринъ Машу, капетанову ћерку, савимъ за просту описао. Марія Ивановна сѣла е у рогаль и почела е шити. Међутимъ донесе се ело. Василиса Ђгоровна, не видећи мужа, по друиъ путь Палашку по нѣга пошаль. „Кажи господину, да гости чекаю, оладиће се ело; хвала Богу вѣштбанѣ неће утећи; доспѣће и другиъ путь навикати се.“ — Капетанъ се брзо покаже. „Шта е то, мой баћушко“ — рече му жена, „ело е давно донешено, а ты не долазишь.“ — Слушай Василисо Ђгоровна — одговори Иванъ Кузмићъ — я самъ се са службомъ занимао, я самъ войнике вѣштбао.

„Па, добро!“ — прослови капетаница. — „Тoliko се хвалишь, да войнике учишь, но нити ће они што научити, нити ий ты умѣшь чему научити. Да си сѣдио кодъ куће и Богу да си се молио, много бы болѣ было. Драги гости, молимъ, изволите за трапезу.“

Мы сѣдосмо ручати. Василиса Ђгоровна ни тренуће едно не ћутећи засипавала ме е пытанѣмиъ: ко су мой родителѣи, есу ли живи, гдѣ живе, и какво е нѣино станѣ? Чувши, да у отца мога има триста селѣка, „тако е то!“ — рече; „има на свѣту и богаты людѣи! А у насъ, мой баћушко, све су душе една дѣвѡйка Палашка, и хвала Богу, живимо прилично. Една е само несрећа: што е Маша, кѣи наца, дѣвѡйка за удаю, а каква е у нѣ прѣиѣ: честый чешаль, четка, новаца три копѣйке (Боже прости), текъ у купѣль да оде. Ако се какавъ добаръ човѣкъ не нађе, то ће она вѣчито дѣвѡйкомъ остати.“ — Я погледимъ на Марию Ивановну; она се сва зарумени, и сузе иой готово кануше на танѣирѣ. Мени

е жао было, и зато поведемъ другій разговоръ. Я самъ слушао — речемъ не башъ умѣстно — да Башкирци на вашу тврдиню напасти намѣраваю. „Одъ кога си, баѣушко, ты то чуо?“ запыта Иванъ Кузмиѣъ. — Мени су то у Оренбургу казивали — одговоримъ я. „Торокуше!“ — рече командантъ. „Мы одавна ништа не чуемо. Башкирци су народъ устрашенъ, и Кирхизци су памети научени. Не бой се, неће они на насъ ударити; а ударе ли, то, я ћу ий тако побити, да за десетъ година оданути неће.“ — И вы се не страшите, — продужимъ я, окренувши се капетаници — у тврдиньи овой, тако опасности изложеной, живити? — „Обвикли смо се, мой баѣушко,“ — одговори она. „Има томе већ двадесетъ година, како су насъ овамо изъ полка премѣстили, сачувай Боже, како самъ се я ти проклеты не Християна боляла! Кадъ самъ видила нѣине шубаре одъ рисовине, бывало в како тако — но кадъ самъ слушала нѣинъ урликъ, вѣруй ми любезный мой, да самъ одъ страха умирала. Садъ самъ се тако привикла, да се ни съ мѣста не крећемъ, кадъ намъ дођу и кажу, да већ зликовци око тврдинъ урличу.“

— Василиса Ёгоровна врло в слободна госпођа — примѣти Швабринъ. — Иванъ Кузмиѣъ може то засвѣдочити.

„Да, треба да знашъ,“ рече Иванъ Кузмиѣъ; „ово нѣ баба плашљивога десетника.“

— А Марія Ивановна? — запытамъ я: в ли в она тако слободна као вы?

„В ли слободна Маша?“ — одговори нѣна Мати. „Нѣ. Маша в плашљива. Она, и кадъ се топъ избаца, уплаши се и сгрози. Кадъ в, томе има већ двѣ године, Иванъ Кузмиѣъ, на мой именданъ, изъ нашегъ топа пуцао, то она, голубица моя, у мало одъ страха умрла нѣ. Одъ то доба изъ тогъ проклетогъ топа и не пуцаю више.“

Мы устанемо иза трапезе, капетанъ съ капетаницомъ оде спавати, а я поћемъ къ Швабрину, кодъ кога цѣло вече проведемъ.

Глава IV.

Удвой.

— Инъ изволь, и стань же въ позтуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру.

Княжичъ.

Прошло е несколько недѣля, и животь мой у твердиня Бѣлогорской быо ми е не само сносанъ, већъ и пріятанъ. У кући команданта быо самъ при-мѣнъ као роѣакъ. Мужъ и жена были су люди ве-ома поштени. Иванъ Кузмићъ, одъ войничкогъ сына оф-ициромъ поставши, быо е човѣкъ не ученъ и простъ, но сасвимъ поштень и добаръ. Жена е нѣгова съ нымъ управляла, и то се са нѣговомъ безбрижливости слагало. Василиса Бгоровна и на дѣла служебна пазила е као на своя домаћа, и управляла е твердиньомъ тако добро, као и своіомъ кућиномъ. Марія Ивановна ніе се већъ мене устручавала. Мы смо се познали. Я самъ у нѣой нашао паметну, разумну и чувствителну дѣвойку. Я самъ се съ овомъ породичомъ читаво сродіо быо, шта више и съ Иваномъ Игнатиѣмъ, хоравымъ гарнизона поручикомъ, о комъ е Швабринъ измышлявао да е у некой забра-нѣной свези съ Василисомъ Бгоровномъ, о чему ни помыслити ніе было; но Швабринъ се зато ніе едіо.

Я будемъ произведенъ за оф-ицира. Служба моя ніе ми была теретна. У богоспасаемой твердиня ніе было надзираваня; ни вѣштбаня, ни страже. Коман-дантъ по своіой воли учіо е самъ кадъ и кадъ сво-е войнике, но до тога іоштъ ніе могао съ нима у-спѣти, да бы сви знати могли кое е страна десна, кое ли лѣва. Швабринъ е имао несколько францу-

ски кнѣга. Я почнемъ читати, и у мени пробуди се желя къ литератури. Ютромъ самъ читао и у преводима упражнявао се, а кадкадъ и у сачиняваню стихова. Ручавао самъ готово свагда кодъ команданта, гдѣ самъ обично остатакъ дана пробавляю, куда е по некадъ у вече долазіо и отаць Герасимъ са женомъ своіомъ Акулиномъ Памфиловномъ, найразговорніомъ госпођомъ у свой околинѣ. Съ А. И. Швабриномъ, разумѣва се, виђао самъ се свакій данъ; но одъ дана на данъ бывао ми е говоръ нѣговъ све не поволянїи. Свакидашня шала нѣгова на пагубу части породице команданта мени се сасвимъ не допадаше, особито примѣтбе о Марїи Ивановной. Другогъ друштва у тврдинѣ не быяше; но я другогъ ни желіо нисамъ.

Не сматраюћи на предсказано, Башкирци нису се узбуњивали. Миръ е царствовао око наше тврдинѣ. Но миръ буде нарушенъ брзо између насъ.

Я самъ већъ казао, да самъ се съ литературомъ занимао. Покушеня моя за ондашиѣ време была су врло добра, и Александеръ Петровиѣ Сумароковъ, после неколико година, похвалоу їй е. Еданпутъ случайно напишемъ пѣсмицу, коя се мени допадне. Познато е, да списатели подъ видомъ савѣта, обично ишту и траже благонаклоногъ слушателя. И тако, кадъ я мою пѣсмицу препишемъ, понесемъ е къ Швабрину, кои е еданъ у цѣлой тврдинѣ могао оцѣптити производъ стихотворца. После краткогъ предговора, извадимъ я изъ цепа мою артию и прочитамъ му слѣдујуће стихове:

Любавны с' клонимъ мыслїи,
У туги боравимъ;
О Машо! твой лнкъ мнлїи
Текъ да заборавимъ.

* * *

Плѣннвше м' очн твои,
Божества краснїи строй,
Смутнше дане мои,
Срушнше покой мой.

* * *

Но кадъ ты Машо! мою
Любавну дознашъ страсть,
Пружн мн руку твою,
Не дай ме у пропасть.

Како ти се ово допада? — запытамъ я Швабрина, очекуюћи похвалу, као што е заиста и треба-ло да ме похвали. Но на велику мою увреду, Швабринъ, обично снисходителанъ, рѣшительно ми рече да пѣсма моя не валя ништа.

А зашто? — запытамъ га, сакриваюћи свою увреду.

„Зато“ — одговори онъ — „што су таки стихови достойни текъ мога учителя Василя Кирилића Тређаковскомъ, и што ме здраво на нѣгову любовну збирку опомино.“

Тада узме онъ одъ мене артию и почне немило-ство свакиъ стихъ и свако писмо испытивати, ругаюћи ми се најбезобразниимъ начиномъ. Я га не мо-го дуже трпети, изтргнемъ му изъ руку мою артию и речемъ му, да му за живота мога одъ сада никада моя сачинѣња показивати нећу. Швабринъ се и на ову претню насмѣе. „Видићемо — рече онъ — хоћешъ ли рѣчь свою одржати; стихотворцима е потребанъ слушатель, као Ивану Кузмићу чаша водке предъ ручакъ. А каква е то Маша, предъ којомъ ты свою цѣлну и любовну страсть изяснявашъ? Да нѣ Марія Ивановна?“

— То се тебе не тиче — одговоримъ му я на-иргођенъ — ма коя да е она. Не требама ни твогъ мнѣнја ни твогъ одобреня.

„Охо! самолюбивый стихотворче и смѣрный лю-безниче!“ — продужи Швабринъ, све већма и већма мене раздраживаюћи; „послушай мой савѣтъ: ако же-лищъ успѣти, то те савѣтуемъ да се пѣсмама не по-мажешъ.“

— Шта то значи господине? изволите ми из-яснити.

„Съ драге волѣ. То значи, ако хоћешъ, да ти Марія Миронова съ вечера долази, то у мѣсто пѣса-ма подай їой паръ минѣуша.“

Крвь се у мени узмути. А зашто ты о нъой тако мыслищъ? — запытамъ, едва свое негодованъ уздржаваюћи.

„Зато,“ одговори онъ съ адскимъ подсмѣванъмъ, „што по искуству познаемъ нѣну ћудъ, и о-бичай.“

— Ты лажешь ниткове — викнемъ я у ярости — ты лажешь самымъ безстыднымъ начинномъ.

Швабринъ се промъни у лицу. „То те неће тако проћи“, рече онъ, стискуюћи ми руку. „Вы ђете ми дати сатифакцію.“

— Изволи; кадъ годъ хођешь! — одговоримъ я обрадовавши се. У то магновенъ быо самъ готовъ растрѣи га.

Я тай часъ одемъ къ Ивану Игнатићу, кога съ игломъ у руци затечемъ: онъ е по заповѣсти капетанице низоа варганъ за сушенъ на зиму. „О, Петре Андріевнѣу!“ — рече онъ видећи мене; „добро дошли! Како васъ е Богъ донео? смѣмъ ли пытати, коимъ сте добромъ дошли?“ Я му у мало рѣчій кажемъ, да самъ се съ Алексомъ Иванићемъ свадіо, а да нѣга, Ивана Игнатића, молимъ, да ми секундантъ буде. Иванъ Игнатићъ пазливо саслуша мене и погледи ме попреко. „Вы сте извољли казати“, — рече онъ мени — „да ђете Алексу Иванића убити, и желите да я ту будемъ свѣдокъ? Е ли тако, смѣмъ ли пытати?“

— Тако е, тако.

„Молимъ Петре Андріевнѣу! Шта е то! зашто сте се вы съ Алексомъ Иванићемъ посвађали? То е велика несрећа! Кавгу не свршует глава. Онъ е васъ псовао, а вы нѣга изгрдите, онъ васъ по плећи, а вы нѣга по уву, по другій и по трећій путь — па се разиђите: а мы ђемо васъ помирити. А е ли то добро дѣло, ближнѣгъ свога убити? И добро, ако бы вы нѣга и убили, Богъ съ нѣмъ; и я самъ не маримъ за нѣга. Но ако онъ васъ убіе? Ко ђе онда быти лудъ? смѣмъ ли пытати?“

Разсуђаваня благоразумногъ поручика мене не поколебаше. Я останемъ при моіой намѣри. „Како вамъ драго“ — рече Иванъ Игнатићъ, „радите, како знате. А зашто я ту свѣдокъ да будемъ? Изъ коегъ узрока? Е смѣмъ ли пытати, зашто да едни гледи, кадъ се други туку? Хвала Богу, я самъ ишао на Шведа и на Турчина, свега самъ се доста нагледао.“

Я му коекако дужность секунданта изяснявати станемъ, но Иванъ Игнатићъ никако ме понятн нѣ могао. „Воля ваша“ — рече онъ. „Кадъ морамъ

већ њмшати се у то дѣло, то идемъ къ Ивану Кузмићу, да му званично јавимъ, да се у фортеціи злочинство, противно царскомѣ интересу, учинити намѣрава; можда ће господињ командантъ изволѣти надлежне мѣре предузети “

Ј се уплашимъ и станемъ Ивана Игњатића молити да команданту ништа не казуе; и силомъ га на то наговоримъ; онъ ми се обећа, и одъ њѣга одемъ.

Вече, по момъ обичаю, проведемъ кодъ команданта. Ј самъ се трудио да будемъ весело и равнодушанъ, трудио самъ се да не дођемъ у какво подозрѣнѣ и хтѣо самъ свако питањ избѣћи; но признаемъ, да ја нисамъ био тако ладнокрванъ, као што се обично сви хвале, кои су се у момъ положаю налазили. Тогъ вечера ја самъ дошао у неку њѣжност и умилѣнѣ. Марія Ивановна допадне ми се болѣ него обично. Мысао, може бити, да е садъ последнѣй путъ гледимъ, уливала е у мое очи нешто на њѣй трогателно. И Швабринъ дође. Ј га одведемъ на страну, и извѣстимъ га о момъ разговору съ Ивановомъ Игњатићемъ. „Што ће нама секунданти?“ рече ми онъ ладнокрвно; „бимо се безъ њѣ.“ Мы уговоримо бити се иза пластова, кои изванъ тврдинѣ быяху, и то у седамъ сатѣй у јутру. Мы смо се разговарали по видимомъ тако дружелюбно, да е Иванъ Игњатић одъ радости изванъ себе био. „Требало е тако одавно“ — рече онъ мени прѣятельскимъ начиномъ; „мршавъ миръ е болѣй одъ дебеле парнице, а ја не поштенъ е прѣтанъ.“

„Шта е то Иване Игњатићу?“ — рече капетаница, која е у роглю у карте гледала; „ја нисамъ чула.“

Иванъ Игњатић примѣти на мени, да самъ се смутѣо, и опомянући се свогъ обећања, збуни се и самъ назнаде шта ће одговорити. Швабринъ му у помоћ притече.

„Иванъ Игњатић“ — рече онъ — „ободрава насъ на помиренѣ.“

— А съ кимъ си се тако, мой баћушко, завадио?

„Мы смо се доста опако съ Петромъ Андрѣевичемъ посвађали.“

— А зашто?

„За малу бездѣлицу: за пѣсмицу, Василио Ёгоровна.“

— Нашли сте зашто ћете се свађати! за пѣсмицу! . . . а како се то догодило?

„Ето како: Петаръ Андріевићъ сачинио е овы дана пѣсму и данасъ е кодъ мене пѣвао, а я на то опетъ мою милу запѣвамъ:

Капетанска кћери,

Не скитай с' по ноћи.

Породи се распра. Петаръ Андріевићъ было се мало расрдіо; но после е размыслио да свакій може пѣвати, што му е угодно. Съ тымъ се и стваръ сврши.“

Безобразлукъ Швабрина мене у мало не доведе у бѣснило: но нико, осимъ мене, грубо нѣгово изяснѣнъ поняти не могаше, по свой прилици, што нико на то ни пазіо ніе. Одъ пѣсмице дође разговоръ на стихотворце, и командантъ примѣти, да су сви такови люди неваляли и найвеће піянице, и савѣтовао ме е пріятельски, да се стихотворства окаянемъ, зато, што е тай посао военной службы противанъ и што никакву ползу не приноси.

Присуство Швабрина было е за мене не сносно. Зато се я опростимъ съ командантомъ и нѣговомъ породицомъ; дођемъ кући, промотримъ мой мачъ; опицамъ му врхъ и легнемъ спавати, казавши Савельићу да ме у ютру у седамъ сатій пробуди.

Сутраданъ у назначено време я самъ већъ было за пластовима и очекивао самъ мога супарника. Наскоро и онъ дође. „Насъ ће овдѣ затѣти,“ рече онъ мени: „морамо похитити.“ Мы скинемо мундире, останемо у самимъ прслуцима и мачеве истргнемо. У исто магновенъ покаже се иза пласта Иванъ Игнатићъ іоштъ съ петъ инвалида. Онъ насъ позове къ команданту. Мы смо се морали повиновати: воиници насъ обколе, и мы пођемо у тврдино за Иваномъ Игнатићемъ, кои е свечано насъ водіо, корачаюћи съ удивительномъ важности.

Мы уђемо у командантску кућу. Иванъ Игнатићъ отвори врата, и викне: „довео самъ ій!“ Насъ дочека Василиса Ёгоровна. „О, баћушци мои!

Шта е то одъ васъ? како? зашто? у нашој тврди-
њи да се смртоубійство догоди! Иване Кузмићу,
овај часъ съ њима у тавницу! Петре Андріевићу!
Алексо Иванићу! однашите ваше мачеве, дајте, дај-
те. Палашко однеси те мачеве па остави. Петре
Андріевићу! Я се одъ тебе томе нисамъ надала. Ка-
ко те савѣсть гризла ніе? Што се тиче Алексе Ива-
нића, онъ е за убійство и изъ гвардіе исписанъ, онъ не
вѣруе ни у Господа Бога; а зашто ты? ты томъ ста-
зомъ да поћешъ? "

Иванъ Кузмићъ слагао се у свему са своіомъ су-
пругомъ и рекао е: „Есть, Василисо Ђгоровна, ты
право имашъ. Удвои су у воѡнимъ законима строго
забранѣни.“ Међутимъ Палашка узме наше мачеве и
однесе ѡй у орожницу. Я самъ се морао засмѣяти.
Швабринъ е сачувао своју важность. „При цѣломъ
момъ къ вама уваженю“ — рече онъ ладнокрвно — „я
не могу то да вамъ не примѣтимъ, што тако врло о-
нама обезпокояваюћи се, насъ вашемъ суду подвр-
гавате. Оставьте вы то Ивану Кузмићу, то е
његовъ посао.“ — О, мой баћушко! одговори капе-
таница, — заръ мужъ и жена ніе една душа и едно
тѣло? Иване Кузмићу! Што зѣвашъ? Овај часъ
затвори ѡй, но обашка, не дај ѡймъ ништа само хлѣ-
ба и воде, да бы ѡй тако лудило прошло, па и отаць
Герасимъ нека ѡймъ да епитимію, да се Богу моле,
да ѡймъ Богъ опрости, и да се покаю предъ людма.

Иванъ Кузмићъ ніе знао шта ће радити. Марія
Ивановна была е сасвимъ бледа. Мало по мало бу-
ра се утиша, капетаница се ублажи и насъ натера
да другъ друга полюбимо. Палашка донесе намъ на-
ше мачеве. Мы одемо одъ команданта, по види-
моме, помирени. Иванъ Игнятићъ насъ е пратио. —
Како се вы стыдили нисте, речемъ му я срдито, ка-
зати за насъ команданту, после дане ми рѣчи, да
то учинити нећете? — „Као што е Богъ светъ, я
то Ивану Кузмићу казао нисамъ“ — одговори онъ.
„Василиса Ђгоровна дознала е одъ мене то све. Она
е све и уредила безъ знаня команданта. У осталомъ
хвала Богу! кадъ се то тако свршило.“ Съ тимъ рѣчма
онъ се кући врати, а Швабринъ и я останемо сами. На-
ша се стваръ тако свршити не може — речемъ я ѡ-

му. „Не, заиста“ — одговори Швабрињ; „вы ћете мени за вашу дрзкостъ съ вашомъ крви одговарати; но на насъ ће безъ сумиѣ мотрити. Неколоко дана мы се морамо претварати. Видићемо се опетъ!“ — И мы се растанемо, као да ништа међу нама не има.

Вративши се къ команданту, я по обичаю момъ сѣднемъ поредъ Маріе Ивановне. Иванъ Кузмиѣ не было кодъ куће, Василиса Ёгоровна занимала се домаћимъ посломъ. Мы смо се полагаю разговарали. Марія Ивановна нѣжно ми е казивала, да су се сви моюмъ сваћомъ са Швабриномъ узнемирили были. „Я самъ говото — казиваше она — обамрла, кадъ су ми казали, да сте се вы са мачевима борити наумили. Као люди страни! за едну рѣчь. кою сте за недѣлю дана забравити могли, готови сте были изеѣћи се и жертвовати не само животъ но и савѣсть и срећу оны, кои Но я самъ увѣрена, да вы нисте кавгу замekli. Заиста Алекса Иваниѣ е кривъ.“

А по чему вы тако судите, Маріо Ивановна?

„По томе . . . што е онъ подпрдивало! Я не маримъ за Алексу Иваниѣа, онъ е мени сасвимъ не сносанъ; и я бы Богъ зна како желила, да се и янѣму не допадамъ. И то бы у мени страхъ мой умирило.“

— А како вы мыслите, Маріо Ивановна? допадате ли се вы нѣму или не?

Марія Ивановна застыди се и зарумени. „Мени се чини“ — рече она — „да му се допадамъ.“

— По чему вамъ се то чини?

„По томе, што е онъ мене просіо.“

— Просіо! Онъ васъ просіо? Када?

„Прощасте године. Два мѣсеца пре вашегъ долазка.“

— И вы нисте пошли?

„Како што видите. Алекса Иваниѣ човѣкъ е паметанъ, и одъ добре породице, и добро стои; и као што мыслимъ, наипосле ћу се морати подъ вѣнцемъ съ нѣиме предъ свыма полюбити . . . Али я о-петъ! нишошто не бы рада была! то замене не ни каква срећа?“

Рѣчи Маріе Ивановне отворе ми очи и боль ме обавѣсте. Я самъ већ дознао, шта е Швабрина у срце дирнуло. Безъ сумиѣ примѣтіо е онъ, да се я и

Марія Ивановна радо погледамо, и желіо в насъ завадити. Рѣчи, коє су поводъ нашої сваѣи дале, учине ми се іошть гадніма, кадъ у мѣсто грубы и непристойны погрда, увидо у нѣма измышлѣну клевету. Желя, казнити дрзкогъ злорѣчивца, постане у мени іошть силнѣя и само самъ на згодну прилику чекаю.

За дуго чекао нисамъ. Другій данъ, сѣдећи я за елегіомъ и гризећи перо стихъ очекуюћи, прохуи Швабринъ мимо могъ прозорчиѣа. Я оставимъ перо, уземъ мачъ и поѣмъ за нѣмъ. „Зашто оклевамо“? — рече ми Швабринъ. — „на насъ садъ немотре. Сиѣимо се къ рѣци. Тамо насъ нико узнемирити неће.“ Мы поѣмо ѣтеѣи. Спуштаюћи се по не равномъ путу, зауставимо се кодъ рѣке и мачеве извадимо. Швабринъ є быо вѣштїи одъ мене, но яячїи и слободнїи, єръ monsieur Бопре, бывши некада войникомъ, дао ми є неколико урока у боренїю, коима самъ се сада ползовао. Швабринъ нїє се надао да ће у мени тако опасногъ противника наѣи. Мы за дуго єданъ другоме ништа учинити немогосмо; найпосле примѣчаваюћи да Швабринъ малясава, почнемъ живо на нѣга наїлазити и утерамъ га готово у саму рѣку. У то чуемъ, да мене поименце неко изъ свега гласа виче. Я се окренемъ и видимъ Савельїиѣа, трчеѣа нъ мени по найнеравнїемъ путу. . . . У то исто магновелъ я будемъ силно у десно плєѣе ударень, и лишень чувства паднемъ на землю.

Г л а в а V.

Любавь.

Ахъ ты, дѣвка, дѣвка красная;
 Не ходи, дѣвка, молода замужь;
 Ты спроси, дѣвка, отца, матери,
 Отца, матери, роду племени;
 Накопи, дѣвка, ума-разума,
 Ума-разума, приданго.

Пѣсла народна.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
 Если хуже меня найдешь, вспоминаешь.

То исто.

Дошавши къ себи, за дуго време не мого знати, шта се са мною сбыло. Лежао самъ на постельи у не познатой соби, я осеѣао самъ велику слабостъ. Пред-а-мною стаяо е Савельиѣ са свѣѣицомъ у руди. Я самъ видю завоіомъ себе умотана. Мало по мало разведре ми се мысли мое. Я се опоменемъ мога удвоя, и увѣримъ се, да самъ ранѣнъ. У исто магновенѣ отворе се врата. „Шта е? како е?“ чуемъ шапѣуѣи гласъ, одъ кога я задркнемъ. — Све у единакомъ станю, — одговори Савельиѣ уздишуѣи; — ништа о себи не зна ето веѣтъ петый данъ. — Я самъ се хтѣо окренути, но нисамъ могао. Гдѣ самъ я? ко е овдѣ? речемъ усиляваюѣи се. Марія Ивановна доѣе къ мойей постельи и наклони се на мене. „Шта е? Како се осеѣате?“ рече она. Хвала Богу, одговорямъ слабымъ гласомъ. Есте ли вы, Маріо Ивановна? Кажите ми я не имадо крѣпости више говорити, и уѣутимъ. Савельиѣ уздане. Радость се засія на нѣговомъ лицу. „Дошао е къ се-

би,“ — повтораваше онъ. „Хвала теби владико! Но бабушко Петре Андрієвићу! ты си мене уплашио! Ё ли ти лакше? ово е већ петый данъ!“ . . . Марія Ивановна уђе му у рѣчь. „Не говори съ нѣмъ много, Савельићу,“ — рече она. „Онъ е іоштъ слабъ.“ Она изиђе и полагаю затвори врата. Мысли су се мое колебале. И тако, я самъ быо у кући команданта. Марія Ивановна долазила е къ мени. Я самъ хтѣо Савельића за коешта пытати, но стараць е умотао главу и запушио уши. Я на силу склопимъ очи и брзо заспимъ.

Кадъ се пробудимъ, викнемъ Савельића, но у мѣсто нѣга видимъ предъ собомъ Марію Ивановну; анђелскій гласъ нѣнъ мене е поздравляю. Не могу изразити сладость чувства, коя су са мною у то магно-венѣ овладала. Я е узмемъ за руку, метнемъ іой руку на мое устне и обліемъ сузама умилѣня. Маша руку свою нѣ трзала . . . и садъ се нѣне устне косну мой и я осѣтимъ нѣнѣ жаркій и топлый полюбаць. Оганъ прође крозь мене. Мила, добра Марію Ивановна — речемъ іой я — буди моя жена, учини ме срећнымъ. — Она се тргне. „Бога ради умирите се“ — рече узевши руку свою одъ мене. „Вы сте іоштъ у опасности, рана се може позледити. Чувайте се ма за мою любавъ.“ Съ тимъ рѣчма она изиђе, оставивши ме умилнымъ чувствомъ оповна. Срећа е моя ускрсла. Она ће бити моя! она мене люби! Та е мысао испунявала све мое сунтестованѣ.

Одъ тогъ часа меня е мало по мало болѣ бывало. Мене е лѣчио полковный берберинъ, ерь у тврдинѣ другогъ лѣкара не быаше, и, хвала Богу, добро ме е видао. Младость и природа ускорише мое оздравлѣнѣ. Сва породица команданта старала се за мене. Марія Ивановна нѣ одъ мене одлазила. Разумѣва се да самъ при првой удобной прилици осећаня моя нѣой изявию, и Марія е трпѣливо саслушала мене. Она безъ свакогъ притворста каза ми да ме воли, и къ томе іоштъ дода да ће се и родители нѣни срећи нѣной радовати. „Но промысли се, красото моя“ — рече она; „да ли се неће твои родители томе противити!“

Я се замыслимъ. О нѣжности материной я се сумняю нисамъ, но познаваюћи наравъ и начинъ мыслѣнія отчиногъ, осећаю самъ, да га любовавъ моя тронути неће, и да ће онъ нио сматрати као слабостъ младогъ човѣка. Я то Маріи Ивановной чисто-срдачно исповѣдимъ, и наумимъ съ найумилнѣиомъ краснорѣчивости писати отцу и искати одъ нѣга родительска благослова. Я покажемъ писмо Маріи Ивановной, и она га нађе тако убѣдителна и трогателна, да ни сумняла нѣ о успѣху нѣговомъ, и преда се чувствима нѣжнога срца са свымъ поузданѣмъ младости и любви.

Са Швабриномъ се помиримъ првы дана, кадъ самъ оздравіо. Иванъ Кузмиѣъ, укораваюћи ме за удвой, рече ми: „Есть, Петре Андріевичъ, требало бы да самъ те затворио, но ты си и безъ тога казнѣнъ. Алекса Иваниѣъ затворенъ е у магазину о хлѣбу и води, и мачъ е нѣговъ на сахрани кодъ Василисе Ђоровне. Нека га нека трпи, да бы се покаю.“ — Я самъ себе среѣнѣиомъ осећаю, што самъ сачувао у срцу чувство не покварено. Станемъ за Швабрину молити, и добрый командантъ се са своіомъ супругомъ сугласи, и они се рѣше нѣга ослободити. Швабринъ дође къ мени, изясни се да одвеѣъ жали, што се тако съ нама догодило. Призна да е онъ быо кривъ, и молю ме е да я све заборавамъ. Я, будући да одъ природе нисамъ быо злопамтило, опростимъ му искрено и за нашу сваѣу и за рану, кою ми е онъ задао. У клевети нѣговой видіо самъ увреду ожа-лошѣеногъ самолюбля и одбачене любви, и великодушно извинявао самъ несреѣногъ мога супарника.

Я брзо оздравимъ, и могао самъ веѣъ и у мой конакъ преселити се. Съ нестрпльивости очекивао самъ одговоръ на послано писмо, ма и да му се нисамъ надао, и старао самъ се како ѣу загушити жалостна моя предчувствования. Василиси Ђоровной и нѣномъ мужу я іошѣъ ништа казао нисамъ; но да самъ іймъ и казао, не бы іѣто ни найманѣъ зачудило. Ни я ни Марія Ивановна одъ нѣи наша чувства сакривали нисмо, и мы смо напредъ веѣъ увѣрени были, да ће се они сугласити.

Найпосле еданпуть у ютру Савельиѣ дође къ мени, држеѣи писмо у руди. Я писмо узмемъ съ трепетомъ. Адресъ е быо написанъ рукою отца моего. Изъ тога самъ видю да што важно у нѣму написано быти мора, будуѣи е мени обично мати свагда писала, а отаць е само по неколико редака доле подписао. За дуго га распечаѣиваю нисаму, и прочитавао самъ торжественый надпись: „Сыну моему Петру Андріевиѣу Гриневу, у Оренбургску губернію у Бѣлогорску тврдиню.“ Я самъ се трудю по рукопису дознати расположенъ душе, у каквомъ е писмо писано было; найпосле распечатимъ га, и у првила редовима видимъ, да е сва моя любовна надежда осеѣена. Садрай писма быо е слѣдуюѣи:

„Сыне мой Петре! Писмо твоє, у комъ си ты одъ насъ родительскій благословъ искао и молю да се на то сугласимо, да ты Марию Ивановну, кѣрѣ Миронову, себи испросишь, добыли смо 15. овога мѣсеца, но не само што ти ни благослова моего, ни сугласія дати не намѣравамъ, но спремамъ се къ теби доѣи, да те за неваляство твоє помети научимъ, не сматраюѣи на твой офицерскій чинъ; будуѣи си доказо да ниси достоянъ мачъ пасати, кои ти е дарованъ да нымъ отечество бранишь, а не да идешъ на удвой съ такимъ разуданикомъ, као што си и ты самъ. Одма ѣу писати Андрію Карловиѣу, и молиѣу га, да те премѣсти изъ Бѣлогорске тврдинѣ ма кудъ даль, гдѣ бы те лудило проѣи могло. Мати твоя чувши о твоємъ удвою и да си ранѣнъ, одъ жалости разболи се и садъ лежи. Шта ѣе быти одъ тебе? Молимъ Бога, да се поправишь, ма да се и не смѣишь падати нѣговою великою милости.

Твой отаць А. Г.“

Читанъ овога писма побудило е у мени разна осеѣаня. Жестока изражєня, у коима отаць мой нѣ штедливъ быо, яко су ме ожалостила. Презираѣнъ, коимъ се онъ о Маріи Ивановной изясню, учинило се мени не само не пристойно но и не справедливо. Мысао, да ѣу изъ тврдинѣ Бѣлогорске премѣштєнъ быти, мене е ужаснула, но найвеѣма ме е огорчило извѣстїе о болести матери. Срдю самъ се на Савельиѣа, не

сумняюћи, да е онъ родитель мое о удвою момъ извѣстію. Ходаюћи горе и доле по моіой узацкой соби, зауставимъ се предъ нѣмъ и речемъ му угрожающе: Зарь ты ниси съ тимъ задоволянь, што теби благодарити имамъ, што самъ ранѣнь и што самъ цѣо мѣсець дана близу гроба быо, већъ хоѣшь и мать мою да уморишь? Савельић е быо као громомъ пораженъ. „За Бога господине!“ — рече онъ готово плачући — „Шта ты то говоришь? Я узрокъ, што си ты ранѣнь? Богъ види, я самъ трчаю, да тебе мояма грудима заклонимъ одъ мача Алексе Иванића! Старость проклета издала ме е. А шта самъ учинію матери твоіой?“ — „Шта си учинію? — одговоримъ я. Ко те е молю, да пишешь и мене обтужишь? већъ ако си поставлѣнь кодъ мене за шпіуна? — „Я? я тебе обтужио?“ — одговори Савельић у сузама. „Господе и царе небесный! Та ето прочитай шта ми пише милостивый господинъ, па ћешъ видити, каква самъ я доношеня о теби писао.“ Тада извади изъ цепа письмо, и я прочитамъ слѣдуюће:

„Срамъ те буди, матора псина, што ты не пазеши на мой строгій налогъ, ниси ми явію о момъ сыну Петру Андриѣвићу, и што су ме туђини принуђени были извѣстити о нѣговомъ не ваяломъ владанію. Зарь ты тако испунавашъ твою дужность и мою волю? Я ћу тебе, маторога пса, послати да свинѣ пасешъ, за друго и ниси, кадъ си утаю истину и несташлукъ младогъ човѣка. Настоящимъ заповѣдамъ ти, да ми одма пишешь, да ме извѣстишь о нѣговомъ здравію, о комъ ми являю да се опоравляти починѣ, на комъ е мѣсту ранѣнь и ели се добро нѣгова рана залѣчила.“

Овымъ се очевидно освѣдочи, да е Савельић быо пред-а-многъ правъ и невинъ, и да самъ га я укоромъ и подозрѣванѣмъ моимъ напрасно ожалостію. Я самъ искао одъ нѣга опроштеня, но стараць е быо не утѣшенъ. „Ето шта самъ дочекао“ — повтори онъ: „ето съ каквомъ милости господода моя мене награђую! Я самъ матора псина, свинарь, и јошть и узрокъ твоє ране! Не, господи-

не Петре Андрієвићу, нисамъ я, но узрокъ є томе проклетый мусъ; онъ є тебе гвозденимъ ражнѣмъ борити се учио, да бы се у прилици одъ зла човѣка одбранити могао. Ето, зашто є мусъ плаћанъ, и нашто су трошени новци!“

Но ко се то потрудіо, да отца мога извѣсти о момъ владаню? Ђенераль? но онъ чини ми се да се о мени ни бринуо ніє: а Иванъ Кузмић ніє дужанъ быо могъ отца о удвою момъ извѣштавати. Я самъ дуго о извѣстителю мыслио. Найпосле подозрѣвао самъ на Швабрина. Онъ є єданъ имао за то узрока, чимъ бы ме изъ тврдинѣ удалити, и са пороциомъ команданта раставити могао. Я поћемъ да Маріи Ивановной о свему овомъ явимъ. Она ме сретне на врати. „Шта є съ вама?“ — рече ми она како ме опази. „Како сте бледи!“ — Свему є край; — одговоримъ я, и дамъ іой отчино писмо. Она одъ страха побледи. Прочитавши, поврати ми писмо дркћућомъ рукою и рече дркћућимъ гласомъ: „Види се да ми ніє сућено Сродници ваши не примаю ме у свою породицу. Буди у свему воля божія! Богъ болъ зна одъ насъ, шта є за насъ добро. Мы безъ нѣгове волѣ не можемо ништа. — Петре Андрієвићу, будите вы баремъ срећни.“ То бити не могу! — викнемъ я, узевши є за руку; ты мене любишь, я самъ на све готовъ. Айдемо, паднимо предъ ногу твою родителя, они су люди прости, они нису ватрени гордельивци Они ће насъ благословити мы ћемо се вѣнчати а тамо, съ временомъ, я самъ увѣренъ, мы ћемо умолити отца мога, мати ће молити за насъ; онъ ће мени опростити „Не, Петре Андрієвићу“ — одговори Маша — „я безъ благослова твою родителя за тебе поћинећу. Безъ благослова нѣинога ты среће имати нећешъ. Покоримо се волѣ божіюй. Кадъ наћешъ твою сућеницу, кадъ се у другу залубишь — Богъ съ тобомъ, Петре Андрієвићу; а я ћу за васъ обоє“ Ту се она заплаче и оде одъ мене, я самъ хтѣо за нѣомъ у собу ући, но осећао самъ, да нисамъ у станю быо самъ собомъ владати, и вратимъ се кући.

Я самъ сѣдіо погружень у дубокомъ очаяню, но Савельиѣ наеданпуть прекине моя размышляваня. „Ето господине“ — рече онъ, даваюћи ми написаный листь артиѣ; — „види, есамъ ли я обтужитель свога господина, и трудимъ ли се посваѣати отца са сыномъ.“ Узмемъ артию изъ руку нѣгови, то е было нѣговъ одговоръ, и ево га одъ слова до слова:

„Господине Андрія Петровиѣу, отче нашъ милостивый!

„Милостиво ваше писмо прямио самъ, у комъ сте се извольли на мене, роба вашегъ, срдити, да я на срамоту мою заповѣсти господске не испунявамъ: — а я, не матора псина, я самъ вѣрный слуга вашъ, господске самъ налоге испунявао, и усрдно служю самъ свагда, и сѣде самъ власи у служби кодъ васъ доживіо. Я о рани Петра Андрієвиѣа ништа вамъ писао нисамъ, зато, да васъ не бы гласомъ овымъ напрасно ожалостіо, као што е госпоѣа, мати наша Авдота Васильвна, разболѣла се, и я ѣу се за здравль нѣно Богу молити. А Петаръ Андрієвиѣ ранѣнъ е подъ десно плеѣе, подъ саму кость, у дубльни едного и пол' палца, и лежао е у кући команданта, гдѣ смо га мы съ берега донели, и лѣчио га е овдашній берберинъ Стѣпанъ Парамовиѣ: и садъ е Петаръ Андрієвиѣ, хвала Богу, здравъ, и о нѣму ништа вамъ зло писати немамъ. Командантъ, видимъ, да е съ нѣимъ задоволянъ, а Василиса Ёгоровна сматра га као роѣногоъ сына. А што се съ нѣимъ тай случай догодіо, то онъ, као младиѣ, укора не заслужуе: конь има четири ноге, па опеть посрне. А вы сте извольли писати, да ѣете ме послати да свинѣ пасемъ, и та ваша господска воля нека буде. После овогъ кланямъ се робски.

Вѣрный робъ вашъ

Архиѣ Савельиѣ. “

Читаюћи писмо доброга старца, нисамъ могао задржати се, да се неколико путіѣ не насмѣемъ. Одговорити отцу я нисамъ было у станю, а да бы се успокоила мати, писмо Савельиѣа мени се учини да е довольноно.

Одъ тога часа станѣ се мое промѣни. Марія Ивановна редко е са мною говорила, и свакояко избѣгавала ме е. Кућа командантова постала ми е равнодушна. Мало по мало научимъ се кодъ куће у самоћи сѣдити. Василиса Ђоровна съ почетка за то ме е укоравала; но видећи мое упорство остави ме на миру. Съ Иваномъ Кузмићемъ виђао самъ се само онда, кадъ е служба изискивала. Са Швабриномъ сретао самъ се редко, и не съ вольомъ, тимъ више, што самъ примѣчавао у нѣму сакривену злобу, кое ме е у момъ подозрѣваню утврђавало. Животъ мой учини ми се не сносанъ, паднемъ у мрачно очаянѣ, кое су самоћа и беспосленость подранивале. Любавъ се моя распалъивала у самоћи, и одъ часа на часъ све ми се већма теготно учини. Я изгубимъ волю къ читаню и кнѣжежности. Душа ми моя клоне. Я самъ се бояо, да ћу или съ ума сићи или у распустный животъ ступити. Не очекивани догађаи, кои су на цѣлый животъ мой великій упливъ имали, учине у души мојој силный и благий потресъ.

Г л а в а VI.

Пугачевщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывать.

Пѣс.на.

Пре него што къ описиваню чудны догаѣая, кои су се са мномя и пред-а-мномя сбыли, приступимъ, дужавъ самъ казати неколико рѣчій о положаю, укомъ се съ концемъ 1773. године губернія Оренбуржка на-лазила.

У овой пространой и богатой губерніи живило є много полудивльн народа, кои су пре краткогъ времена признали владу руски царева. Нѣине честе побуне, и метежи, непознванѣ закона и граѣанскогъ живота, лакомысленость и жестокость принудила су правительство, да є морало увѣкъ на нѣи пазити и старати се, како ће їй у покорности задржати. Тврдинѣ се саграде по мѣстима, коя су зато удобна была, у кое по веѣной чести козаке, давнашнѣ обитателѣ яицки брегова, населе. Но яицки козаци, кои су дужни были мирь и безопасность предѣла овогъ чувати, одъ некогъ времена постали су сами за правителство не мирни и опасни поданици. Године 1772. направе они у главномъ граду буну. Причина ове была є строгость ѣнерал-маіора Траубенберга, кои є войнике, да бы їй у дужной покорности задржати могао, врло строго држао. Слѣдствомъ ове буне Траубенбергъ є на варварскій начинъ убїенъ, своевольна промѣна учини се у управляню, и наипосле умири се буна картачима и строгомъ казни.

То се случило на неко време предъ моимъ долазкомъ у тврдиню Бѣлогорску. Све є већъ было мирно, или мыслило се да є тако; власть є све на лако узимала и вѣровала є мнимомъ раскаяню лукавы бунтовника, кои су у потаи злобили, и за поновлѣнїе безпоредка удобну само прилику очекивали.

Обраћаюмъ се къ мојој повѣсти.

Єданпутъ у вече (то є было у почетку Октобра 1773. године) сѣдио самъ кодъ куће самъ, слушао самъ хуку вѣтра и мотрио самъ крозь прозоръ на облакъ мимо мѣсеца летећїи. Дођу ме звати къ команданту. Я се одма оправимъ. Кодъ команданта нађемъ Швабрина, Ивана Игнатића и козачкогъ редовника. У соби не быяше Василисе Ђоровне, ни Марїе Ивановне. Командантъ поздрави се са мномя лицемъ спуштенымъ. Онъ забрави врата, све насъ посади, осимъ редовника, кои є кодъ врата стаяо, извади артию изъ цепа и рече намъ: „Господо официрн, важна новина! Слушайте, шта пише ђенераль.“ Затимъ метне наочари и прочита слѣдуюће:

„Господину команданту тврдинѣ Бѣлогорске, капетану Миронову.“

Тайно.

„Овымъ вамъ даемъ на знанъ, да є побѣгши исподъ страже донскїй козакъ Емелянъ Пугачевъ училю не опростителну дрзкость тимъ, што є име покойногъ императора Петра III. на себе узео, и скупїо айдучку чету, коїомъ прави побуне у яцкима населбинама, и већъ є узео и разорїо неколико тврдиня, свуда грабећи и палећи. Зато господине капетане, како ово примите, одма нужне наредбе издайте, како ћемо поменутогъ злочинца и самозванца надвладати моћи, а буде ли можно, савршено и уништити га, ако се на тврдиню вама повѣрену устреми.“

„Нужне наредбе издати!“ -- рече командантъ скидаюћи наочари и артию савїаюћи. „Чуй ты, лако є то казати. Злочинацъ овај, чини ми се, да є силанъ, а у насъ свега сто тридесетъ момака, не рачунаюћи козаке, на кое се слабо ослонити можемо, не буди ово теби на укоръ речено, Максимићу (редовникъ се

насмѣе). Садъ господо офицери! морамо штогодъ радити. Будите спремни, уредите карауле, и ноћне страже: за случай нападања, забравляйте врата, а войници нека буду спремни. Ты Максимиѣу, пази добро на твоє козаке. Топъ прегледайте и добро изчистите. А у осталоу никоу не одкривайте, да у тврдињи о томъ нико пре времена не дозна.“

Издавши ове налоге, Иванъ Кузмиѣъ насъ распусти. Я изиѣмъ заедно са Швабриномъ, размышляюћи о томе, што смо чули. Шта мыслишь ты, како ће се то свршити? — питао самъ нѣга. „Богъ зна“ — одговори онъ; „видићемо. Я ту за сада јоштъ ништа важно не видимъ. Ако пакъ“ Ту се онъ замысли, и у замыслиности почне звиздати француску арию.

Не сматраюћи на све наше предосторожности, гласъ о появљеню Пугачева разнео се по свой тврдинѣ. Иванъ Кузмиѣъ, ако є и уважавао веома свою супругу, ни зашто на свѣту не бы јоу тайну одкрио, коя му є службено повѣрена была. Добывши писмо одъ ѣнерала знао є онъ доставѣштымъ начиномъ Василису Ђгоровну изъ куће оправити, казуюћи јоу, да є отаць Герасимъ добыо изъ Оренбурга нека чудна извѣстїя, коя у великой тайности држи. Василиса Ђгоровна одма се у госте попадїи справи, и, по савѣту Ивана Кузмиѣа, поведе собомъ и Машу у друштву, да јоу самой не бы време было дуго.

Иванъ Кузмиѣъ, оставши самъ кодъ куће, одма пошлѣ по насъ, а Палашку, да не бы нашъ разговоръ чула, затвори у комарицу.

Кадъ се Василиса Ђгоровна кући врати, ништа одъ попадїе не чувши, дозна, да є, у време нѣкогъ одсуства, Иванъ Кузмиѣъ у кући савѣтъ држао, и да є Палашка была затворена. Она се сѣти, да є мужъ њо преварио, и почне га испитивати. Но Иванъ Кузмиѣъ приуготовио се быо на то. Онъ се ни мало смутїо нїе, и бодро є својоу любезной супруги одговорїо: „Чуй любезна моя, бабе су наше наумиле у будуће пећи грїяти сламомъ, а будући да одтуда несрећа догодити се може, зато самъ строгу заповѣсть издао, да бабе у напредакъ пећи сламомъ не грїю, већъ пружемъ и ганѣвима.“ — А зашто си затворио Па-

лашку? — пытала є капетаница. — Зашто є бѣдна дѣвойка у комарици сѣднѣ морала, докѣ се мы вратили нисмо? — Иванъ Кузмиѣ на пытанѣ ово нїе се прыготовію быо; онѣ се збуни, и нешто не умѣстно одговори. Василица Ёгоровна увидила є коварство мужа свога: но знаюѣи, да одѣ нѣга ништа дознати неѣе, прекне своя пытаня, и поведе разговорѣ о киселимѣ краставцима, коє є Акулина Памѣиловна правила посве некимѣ особитымѣ начиномѣ. Цѣлу поѣ Василица Ёгоровна нїе могла заспати а нїе се никако могла сѣтити, шта є то было у глави мужа нѣногѣ, што она неѣбы знати могла.

Другій данѣ, враѣаюѣи се изѣ трапезаріє, смотри она некако Ивана Игнатиѣа, кои ваѣаше изѣ топа крпе, пильке, коштице, и свакояко ѣубре, коє су дѣца у топѣ набацала. „Шта то значе та воєна прыготовлѣня?“ — мыслила є командантовіца; „да не очекую нападаня одѣ Кирхизаца? Па зашто бы то одѣ мене Иванъ Кузмиѣ таіо“. Она викне Ивана Игнатиѣа сѣ тврдомѣ намѣромѣ дознати одѣ нѣга тайну, коя є нѣно женско любопытство мучила.

Василица Ёгоровна учини му неколико примѣтбій, особито што се домоводства тиче, као судія, кои предѣ собомѣ стоеѣгѣ кривца сасвимѣ о другомѣ предмету пытати починѣ, да бы га тимѣ на одговоре предосторожнімѣ учинію. После поѣути неколико минута, изѣ дубока уздане и вртеѣи главомѣ рече: „Господи Боже мой! какве су то новости! Шта ѣе изѣ тога быти?“

— Госпоѣо! — одговори Иванъ Игнатиѣ. Богѣ є милостивѣ; у насѣ є доста войника, барута много, я самѣ топѣ изчистію. Лако ѣемо одпорѣ Пугачеву дати. Богѣ неѣе дати, да насѣ свиня прождере!

„А какавѣ є то човѣкѣ тай Пугачевѣ?“ — пытала є командантовіца.

Сада Иванъ Игнатиѣ примѣти, да є тайну одкрію, и метне єзыкѣ меѣъ зубе. Но веѣъ є было доцне. Василица Ёгоровна принуди га да іой све искаже, обеѣаваюѣи се да о томѣникомѣ другомѣ ни слова казати неѣе.

Василица Ёгоровна одржала є свое обеѣанѣ и никоме ни рѣчи казала нїе, осимѣ попадин, и то са-

мо зато, што є крава нѣна іоштѣ у полѣ ишла, и што су є лако злочинци отерати могли.

Скоро се већ свуда по тврдинѣи о Пугачеву говорило, само различно. Командантъ пошлѣ редовника съ налогомъ, да све у наоколо населбине и тврдинѣ обиђе, и све добро промотри. Редовникъ врати се после два дана и яви, да є у пустинѣи, одъ прилике на шестдесетѣ врстѣи удалѣной, на много мѣста ватру видію, и чуо одъ Башкираца, да иде велика сила. Више ніє могао ништа извѣстно казати, будући да далѣ иби ніє смѣо.

У тврдинѣи међу козацима учини се не обичный покретъ: они су се по свима улицама у гомиле скупляли, полагаю разговарали, и кадѣ су драгона или гарнизонскогъ войника видѣли, разилазили се. Они су о свему извѣштени были. Юлай, покрштеныи Калмукъ, о свему извѣсти команданта. Извѣстія редовника, команданту донешена, по рѣчма Юлая, была су лажлива; по повратку свомъ, лукавый овай козакъ обявію є своимъ другарима, да є быю у бунтовничкомъ стану предъ самымъ нѣнымъ предводителѣмъ, да га є овай къ себи пустію и дуго се съ нѣимъ разговарао. Командантъ безъ оклеваня стави редовника подѣ стражу а Юлая на мѣсто нѣгово постави. Новость ова примѣна є была кодѣ козака съ явнымъ негодованѣмъ. Они су у гласѣ роптали, и Иванъ Игнатиѣи, кои є наредбу команданта испунию, слушаю є своимъ ушима, како су они говорили: „Видићешъ како ћешъ и ты проћи, гарнизонскѣи пацове!“ Командантъ є мыслію, да у тай данѣ испита свога апсеника; но редовникъ є исподѣ страже утекао, безъ сумнѣ помоћи свои единомысленика.

Новый случай умножи безпокойство команданта. Башкирца єдногъ ухвате, и кодѣ нѣга нађу побунителна писма. Приликомъ овомъ командантъ мыслію є опетѣ свое офидире сазвати, и зато є опетѣ хотѣю удалити Василісу Ёгоровну подѣ лѣпымъ изговоромъ. Но будући є Иванъ Кузмиѣи быю човѣкъ сасвимъ простодушанъ и праведанъ, зато и не могаше другогъ начина измыслити, осимъ оногъ, кои є већ єданпутѣ употребію быю.

„Чуешь ты Василисо Ёгоровна,“ — рече онъ показлюючи. „Отаць Герасимъ добыю є, говоре, изъ града“ . . . — Да, да, Иване Кузмиѣу, — уѣе му у рѣчь командантовица; ты хоѣешь опеть да скупить савѣтъ, да се о Емилянѣ Пугачевѣ безъ мене савѣтуете; но неѣешь ме садъ преварити.“ — „Иванъ Кузмиѣъ избежи очи. „Но, любезна“ рече онъ, — „кадъ ты веѣшь све знашь, то ѣемо се мы и предъ тобомъ савѣтовати.“ — Тако, тако, любезный мой — одговори она: похити, похильи по офицере.

Мы се скупили опеть. Иванъ Кузмиѣъ у присуству свое жене прочита нама позиванѣ Пугачева, писано некимъ самоукимъ козакомъ. Разбойникъ явля, да безъ одлаганя намѣрава на нашу тврдиню ударити, позива козаке и войнике у свою чету, а заповѣднике увѣштава, да се не противе, грозеѣи ѣймъ казни у противномъ случаю. Позывъ быо є написанъ грубима, но силнима израженъима, и могао є произвести опасно упечатлѣнѣ на умове просты людѣи.

„Какавъ є то нитковъ!“ — викне командантовица. „Како онъ сме ѣощъ нама предлагати: о да предъ нѣга изиѣемо, и заставе предъ нѣгове поге да положимо! О, сынъ є онъ паси! Та заръ не зна да смо мы одъ четрдесетъ година у служби и да смо се свашта, хвала Богу, нагледали? Да ли се ѣощъ налази и таки заповѣдника, кои ѣе разбойника послушати?“

— Мыслимъ, да се не налази, — одговори Иванъ Кузмиѣъ. Но чуе се, да є зликованъ веѣъ много тврдинѣ освою.

„То є знакъ, да се онъ осиліо“ — примѣти Швабринъ.

— Садъ ѣемо се одма о нѣговой сили извѣстити — рече командантъ. — Василисо Ёгоровна, дай ми ключъ одъ амбара. Иване Игнятиѣу, доведи Башкирца, и кажи Юлаю да донесе овамо кампю.

„Почекай, Иване Кузмиѣу“ — рече командантовица, съ мѣста уставши. „Склони Машу ма кудъ найше изъ куѣе, зашто она кадъ чуе яукъ, уплашиѣе се. А право да кажемъ, и я башъ то радо не слушаемъ. Съ Богомъ остаите.“

Испыть съ помоћи камціе у судилништима тако е было у старо време уобичаєнь, да е, кадъ га е благодатный указъ уништио, дуго време безъ свакогъ дѣйства остаяо. Мыслили су, да е необходимо потребно было за обличєнь преступника, да самъ призна — мысао не само не основана, но шта више сасвимъ противна здравоме юридичноме смыслу: зашто, ако се одрицанъ подь судомъ стоега не прима за доказателство нѣгове невиности, то и признанъ нѣговымъ не манъ доказателствомъ быти нѣгове повинности. И данасъ іоштъ кадкадъ слушамъ одъ стары судія, гдѣ жале што се овай варварскій обичай уништио. У наше іоштъ време нико се о томъ сумняо нїе, ни судїе, ни суѣеници, да се достаточанъ испытъ безъ камціе учинити може. И тако налогъ команданта никога одъ насъ нїе у удивлєнь и трепеть довео. Иванъ Игнятиѣ оде по Башкирца, кои е кодъ команданта у амбару подь затворомъ былъ, и за неколико минута невольника доведу у предсобицу. Командантъ заповѣди да га пусте предъ нѣга. Башкираць едва преко прага прекорачи (онъ е было у кладѣма) и скинувши високу свою капу, стане кодъ врата. Я погледимъ на нѣга и спрозимъ се. Никада тога човѣка заборавити неѣу. Онъ е могао имати око седамдесетъ година. У нѣга не быяше ни носа ни ушїю. Глава му е была обрїяна, у мѣсто браде имаѣаше само неколико сѣды длака; онъ е было малєнь, мршавъ и грбавъ; но мале очи нѣгове іоштъ су као ватра сѣвале. „Аха!“ рече комадантъ; познавши по страшнимъ нѣговимъ билѣгама єдногъ одъ бунтовника, 1741. године казнѣногъ. „Та ты си старый вукъ, было си веѣь єданпуть у нашемъ кавезу. Види се, да не бунтуєшь сада првый путь, кадъ ти е та луда глава тако жигосана. Доѣи ближе; говори, ко те е послао?“

Старый Башкираць ѣутао е и гледао у командантѣ као каква будала. „Шта ѣутишь?“ продужи Иванъ Кузмиѣ; „или будало не разумѣшь руски? Юлає, запытай га вашимъ єзыкомъ, ко га е послао у нашу тврдиню?“

Юлай повтори на татарскомъ єзыку пытанъ Иванъ Кузмиѣ; но Башкираць погледао е у нѣга

съ тимъ истымъ изражасиъ и ни слова не одговори.

„Садъ ћещь,“ рече командантъ, „ты проговори. Дѣцѣ! скините съ нѣга ту одрпаницу, и протрите му мало леѣа. Гледай Юлае, добро на нѣга!“

Два инвалида почну съ Башкирца свлачити халыне. Лице несрећника виѣаше се смућено. Онъ погледаше на све стране, као дивіе звѣрче, кадъ дѣци у руке дође. Кадъ еданъ одъ инвалида узме нѣга за руке и метне ій себи око врата, дигне га на своя плеѣа, а Юлай узме камцію и замане: тада бѣднѣй Башкирацъ уздане слабымъ и молећимъ гласомъ, и гигаюћи главоми отвори уста, у којима у мѣсто языка мицаше се само кратка одрубина.

Кадъ се сѣтимъ, да се то у вѣку момъ догодило, и да самъ како у томъ, тако и у свакомъ другомъ призьрѣнію велику промѣну подъ благимъ императоромъ Александромъ доживіо, морамъ се дивити брзомъ успѣху човѣческе просвѣте, и распространѣню правила човѣколюбля. Младѣй човѣче! ако запишци ови мои у твоє руке дођу, признай да су найболѣ и найпробытачнѣ измѣне у роду човѣческомъ, коє происходе одъ побольшаня людске нарави, безъ сваки насилны потреса.

Сви будемо поражени. „Но“ — рече командантъ, „мы одъ овогъ ништа дознати не можемо. Юлае, одведи га опетъ у амбаръ. А мы, господо, коє о чему іошть да се посавѣтуємо.“

Мы станемо о нашемъ положаю разсуѣавати, у томъ Василиса Ёгоровна, задувана и уплашена, уђе у собу.

„Шта се съ тобомъ збыло?“ запыта командантъ.

— Зло! — одговори Василиса Ёгоровна. Нижнеозерная ютрѣсь е узета. Слуга отца Герасима овай часъ вратио се одтудъ. Онъ е видіо, кадъ су е узели. Командантъ и сви офицери тамо су обѣшени. Сви су войници зароблѣни. Гледай, кои часъ злочинци ће быти и овдѣ.

Не очекиванѣй овай гласъ силно е мене поразіо. Командантъ нижнеозерске тврдиѣ, миранъ и скроманъ, младъ човѣкъ, быо е мени познать; пре два мѣ-

сеца дана ишавши изъ Оренбурга са своіомъ младомъ женомъ, свратіо се къ Ивану Кузмиѣу. Нижнеозерная одстала є одъ наше тврдинѣ двадесетъ и петъ врстій. Одъ часа на часъ и мы смо Пугачева очекивати морали. Судбу Маріє Ивановне живо самъ себи представляю, срце є у мени реѣе куцало.

Слушайте, Иване Кузмиѣу! — речемъ я команданту. До последнѣгъ издисая мы смо дужни тврдиню бранити; о томъ не треба ништа ни говорити. Но мы треба да се и о безопасности женски лица постарамо. Оправите іѣ у Оренбургъ, ако се іоштъ може, или кудъ далѣ, у болно и ячу тврдиню, куда неѣе злочинци моѣи продрети.

Иванъ Кузмиѣу окрене се къ своіой жени и рече іой: „Шта велишъ любезна, бы ли добро было, да васъ мало по далѣ оправимъ, докъ мы овдѣ съ бунтовницима воюємо?“

— Погодіо си! — А гдѣ є таковатврдиня, укою ѣулета не бы улетала? Зашто намъ є Бѣлогорска опасна? Хвала Богу! двадесетъ и двѣ године поживили смо у нѣой, видели смо и Башкирце и Кирхисце! А сада ѣемо и Пугачеву одпоръ дати!

„Добро, любезна“, повтори Иванъ Кузмиѣу; „ты оспай, кадъ се у тврдиню нашу уздашъ. Но шта ѣемо съ Машомъ? Добро ѣе бити ако одпоръ дамо и неприятеля одбіємо: но ако злочонци узму тврдиню?“

— Онда Ту Василиса Ёгоровна у највеѣемъ трепету уѣути.

„Не Василисо Ёгоровна“, продужи командантъ примѣчаваюѣи, да су рѣчи нѣгове нешто на ню дѣйствовале, може бити садъ првый пруть у нѣговомъ животу. „Маша овдѣ остати не може. Пошльимо є у Оренбургъ къ куми пѣной; тамо има и войника и топова доста, а и бедеми су одъ камена. А и тебе бы савѣтовао да съ нѣомъ идешъ. Истина да си ты годинама стара, но промисли се, шта ѣе бити съ тобомъ, ако на юришъ тврдиню узму.“

— Добро, — рече командантовица — нека буде тако, Маша нека иде; а мене не моли и не санай о томъ, да ѣу те оставити. Я се подъ старость съ тобомъ ра-

стати нећу, нити ћу у туђој земљи гробъ себи тражити. Овдѣ самъ живила, овдѣ ћу и умрети.

„Е добро,“ рече командантъ. „Садѣ намъ ништа дакле не треба одлагати. Иди оправляй Машу. У јутру, чимъ се зора укаже, оправихемо е на путъ, даћемо јој да е одирате неколико наоружаны людій, ма да е у насъ и мало войника. Гдѣ е Маша?“

— Кодъ Акулине Памфиловне, — одговори командантовица. Нђой се позлило, кадѣ е чула да е узета Нижнеозерная; боимъ се, да ће се разболѣти. Господи Боже шта мы дочекасмо!

Василиса Ђоровна оде да спрема на путъ кђеръ свою. Разговоръ се кодъ команданта продужи; но я се у тай већ мѣшао нисамъ, нити самъ шта слушао, Марія Ивановна покаже се на ужини, бледа и исплакана. Мы смо ужинали ћутећи, и устанемо иза трапезе пре обичая, опростимо се съ цѣломъ пороциомъ, и кућама разиђемо. Но я хотимице заборавамъ мой маць, вратимъ се по нѣга и осећао самъ да ћу Марію Ивановну саму наћи. Тако е и было. Она сретне мене на врати, и преда ми маць. „Опростите Петре Андріевићу“ рече она у сузама; „мене шилу у Оренбургъ. Будите живи и срећни; може быти, да ћемо се, ако божія воля буде, мы јоштъ кадгодъ састати; а ако не“... Ту се она гласно заплаче. Я е загрлимъ. — Опрости анђеле мой — речемъ я — опрости, мила моя, желѣо моя; ма се шта са мноми збыло, вѣруй, да ће последня моя мысао и последня моя молитва о теби быти. Надши мени на груди, плакала е. Я е съ жаромъ полюбимъ и брзо изъ себе визиђемъ.

Глава VII.

Юришъ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Равно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ високаго;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народна пѣснь.

Я ту ношь нити самъ спавао, нити самъ се свла-
чю. Я самъ се спреміо быо, да се у зору наѣмъ
на градской капіи, крозь кою е Марія Ивановна про-
ѣи имала, и тамо да се съ нбомъ опростимъ последный
путь. Я чувствова у себи велику промѣну; душа моя
колебаше се садъ веѣма него икада. Я самъ се рас-
танка плашію, но осеѣао самъ неку сладку надежду;
грозіо самъ се на опасности, но осеѣао самъ у себи
неко благородно частолублѣ. — Я препашемъ мачъ
и хтѣдо веѣ изъ куѣе изиѣи, моя се врата отворе,
капларъ уѣе у собу и яви ми, да су наши козаци
ноѣу сви изъ твердинѣ изишли, узевши на силу со-
бомъ и Юлая, и да око твердинѣ не познати люди обтр-
чаваю. Мысао, да Марія Ивановна неѣе моѣи избѣ-
ѣи, уплаши ме; я на брзу руку каплару издамъ неке
заповѣсти, и одма къ команданту похитимъ.

Већъ е свитало. Я самъ трчао по улици, но чу-
вѣ да ме вичу. Станемъ. „Куда ћете вы?“ рече И-
ванъ Игњатићъ, трчећи за мномиъ. „Пугачъ е дошао.“
— Ели отишла Марія Ивановна? — запытамъ я са дрк-
ћућимъ срдцемъ. — „Ніе“ — одговори Иванъ Игња-
тићъ: „путъ е у Оренбургъ заузетъ, тврдина е обсъ-
днута. Зло е, Петре Андріевичу!“

Мы поћемо на бедеме, самоиъ природомъ узвы-
шене и палисадима укрѣпљене. Тамо се већъ ску-
пляху сви жители тврдинѣ. Гарнизонъ е стаю подъ
оружјемъ. Топъ е био напунѣнъ. Командантъ е о-
близіо свою малобройну войску. Предстоѣћа опас-
ностъ одушевљавала е старога войника бодрости не-
обычнотъ. По пустинји, у не далекоиъ одъ тврди-
нѣ одстаяно, ишло е око двадесетъ людји. Они бы-
яху козаци, но међу њима налазаше се и Башкира-
ца, кои се лако по своима рисовимъ капама, и по
кожусима распознати моглоше. Командантъ обилазећи
свою войску, говорио е войницима: „Но, дѣцо, бори-
мо се данасъ за майку государню, и покажимо цѣ-
ломъ свѣту, да смо мы люди попитени и вѣрни!“ Вой-
ници у гласъ изяве своѣ усрдіе. Швабринъ е стаю
покрай мене и непрестано гледао на непријателя.
Людји, идући по пустинји, примѣтивши кретањъ у
тврдинѣ, скупе се у гомилу, и почну се међу со-
бомъ савѣтовати. Командантъ заповѣди Ивану Игња-
тићу, да управи топъ на гомилу њину, и самъ га
подпали. Ђуле зазвижди и преко њи прелети, не
учинивши њима никаква вреда. Они се тай часъ ис-
предъ наши очію разбѣгну, и пустиня остане празна.

Тада се покаже на бедему Василиса Егоровна
и съ њомъ Маша, не хотѣвши безъ њѣ остати. „Но,
шта е?“ рече командантовица. „Како иде баталія?
Гдѣ е непријатель?“ — Непријатель ніе далеко, — од-
говори Иванъ Кузмићъ. — Даће Богъ, све ће бы-
ти добро. Шта, Машо, ты се страшишь? — „Не
страшимъ се, татице,“ — одговори Марія Ивановна;
„кодъ куће кадъ самъ сама, већма ме е страхъ.“ Та-
да погледи на мене, и съ умиляванјемъ насмѣши се. Я
силоиъ стиснемъ балчакъ мога мача, опоминуюћи се да
самъ га синоиъ добыо изъ њѣне руке, као на зашти-
ту мое любезне. Срдце е у мени горѣло. Я самъ

желіо доказати, да самъ достоянъ быо нѣногъ повѣреня, и съ нестрпљивости очекивао самъ рѣшително тренуће.

У то време иза горе, налазеће се пол' врсте одъ тврдинѣ, укажу се нове на коньима гомиле, и пустина брзо напуни се множиномъ людій, наоружаны копљама и стрѣлама. Међу њима на бѣломъ коню яшио є човѣкъ у богатомъ одѣлу, съ голомъ сабљомъ у руди; то є быо самъ Пугачевъ. Онъ стане, нѣга обколе, и као што се виђаше, по нѣговой заповѣсти четири човѣка оддѣле се и у najveћемъ трку подъ саму тврдињу дођу. Мы у њима познамо наше издавце. Еданъ одъ њи држао є надъ капомъ листъ артие, у другогъ на коплю была є натакнута глава Юлая, кою скинувши, баца є къ нама. Глава несрећногъ Калмука падне предъ ноге команданта. Издавце викали су: „Не пуцайте, изилазите на полъ къ господару. Господаръ є овдѣ!“

„Даћу я вама!“ викне Иванъ Кузмићъ. „Дѣцо! пуцайте,“ войнници пукну. Козакъ, што є држао писмо, залюля се и падне съ коня, други побѣгну на трагъ. Я погледимъ на Марию Ивановну. Поражена видећи крваву главу Юлая, оглуњута пуцњавомъ, виђаше се као безъ памети. Командантъ зовне каплара и заповѣди му, да донесе листъ изъ руку убиеногъ козака. Капларъ изиђе у полъ и врати се, водећи за узду коня убиеногъ козака. Онъ преда писмо команданту. Иванъ Кузмићъ прочита га у себи и после на парчадъ издере. Бунтовници међутимъ све се већма за битку спремаху. Наскоро почну ђуладъ око наши ушю звиждати, и неколико стрѣла забоду се около насъ у землю и у палисаде. „Василисо Ђгоровна!“ — рече командантъ. „Овдѣ бабе немаю посла; склони Машу, видишь, дѣвойка є ни жива ни мртва.“

Василиса Ђгоровна, ушлашена одъ долеући ђулета, погледи у пустињу, на којой се све веће крестанъ виђаше; после окрене се къ мужу и рече му: „Иване Кузмићу, у божіой є власти и животъ и смръть: благослови Машу, Машо приступи къ отцу.“

Маша, бледа и дркћући, дође къ Ивану Кузмићу; падне предъ нѣмъ на колѣна и до землѣ поклонил се. Старый командантъ прекрсти ѣ трипутъ; после дигне, и полюбивши ѣ рече съ промѣнѣннымъ гласомъ: „Машо, буди благословена. Моли се Богу: онъ тебе оставити неће. Ако се нађе добаръ човѣкъ, дао вамъ Богъ любовъ за савѣтъ. Живите, као што смо мы живили съ Василисомъ Ђоровномъ. Но, прости, Машо, Василисо Ђоровна, одведи ѣ што скоріе.“ (Маша му падне на груди и заплаче се.) — Полюбимо се и мы, рече плачући, командантовица. Опрости, мой Иване Кузмићу. Опрости ми, ако самъ те у чему увредила. — „Опрости, опрости, любезна!“ рече командантъ, загрливши свою супругу. „Но, доста! Идите, идите кући, и кадъ одете, обуци Машу у сарафанъ (дугачка проста женска халбина). — Командантовица съ кћери удали се. Я погледимъ за Мариомъ Ивановномъ, она се осврне и мане на мене главомъ. Тада се Иванъ Кузмић окрене къ нама, и сва пажня нѣгова устреми се на непріятеља. Бунтовници стрче се око свогъ предводителя, и одма се почну съ коня силазити. „Сада стойте тврдо“, рече командантъ; „садъ ће на юришъ“ У исто магновенѣ разлегне се страшанъ крикъ и вика, бунтовници потрче къ тврдинѣ. Топъ нашъ напуиѣнъ ѣ быо картачемъ. Командантъ ѣй пусти да се приближе, и опетъ опали. Картачъ падне у средину гомиле. Бунтовници раздвоѣ се на обѣ стране и разиђу. Предводитель нѣинъ остане самъ напредъ Онъ замане сабљомъ, и чиняше се да ѣй съ жаромъ пооштраваше Крикъ и вика преставша за време, тай часъ съ нова обнови се. „Но дѣцо“, рече командантъ. „отворайте врата, удрите у бубанъ. Дѣцо! напредъ, на потайна врата, за мномя.“

Командантъ, Иванъ Игнатић и я за часъ будемо иза бедема тврдинѣ; но уплашенный гарнизонъ съ мѣста не покрене се. „Шта вы, дѣцо, стойте?“ видне Иванъ Кузмићъ. „Умрети, у битки умрети, дужность ѣ войника!“ У то магновенѣ бунтовници на насъ насрну и у тврдиню увуку се. Бубанъ ућути, гарнизонъ баца оружъ, мене свале на землю, но я устанемъ и одма съ бунтовницама у тврдиню ућемъ.

Командантъ ранѣвъ у главу, стаю в међу заиковцима, кои су одъ нѣга ключеве искали. Яму притрчимъ у помошь, неколицина козака ухвати мезитъ поясемъ вежу, преговараюћи ми: „Сада ће бити вама господаревымъ непослушницима!“ Насъ су турати по у-лицама; жители су изишли изъ кућа съ хлѣбомъ и соли. Гласъ звона са звоника чуо се. У то вину изъ гомиле, да господарь на пѣнци чека и ту зароблѣнике и роблѣ прима. Народъ пође къ пѣнци насъ потераю тамо. Пугачевъ се сѣдио на столици у ходнику командантова дома. На нѣму е быто рѣпъ козачкѣй кафтанъ, обшивенъ златнымъ широкимъ портомъ. Высокъ одъ самура капкакъ са златнима ресама быо му е натученъ на нѣгове зверкаюће очи. Лице нѣгово учини се мени познато. Козачке старѣшине нѣга су окружавале. Отаць Герасимъ, — бледъ и вдрквући, стаю е у ходнику съ врстомъ у рукама, и виѣшаше се, да га е за предстоѣће жертве бугећи молю. На пѣнци саграде брзо вѣшала. Кадъ се мы приближи-мо, Башкирця растураю народъ, и насъ предъ Пугачева доведу. Гласъ звона на звоникѣ дућути, наступи глува тишина. „Ко е командантъ?“ запыта самозванаць. Нашъ редовникъ изиђе изъ народа, и покаже Ивана Кузмића. Пугачевъ грозно погледи на старца и рече му: „Како си се ты смѣо мени, тво-ме господару, противити?“ Командантъ изнемогавши одъ ране, скуди последиѣ силе, и одговори постоя-нымъ гласомъ: „Ты ниси мой господарь, ты си ай-дукъ и самозванаць, нуи!“ Пугачевъ намргоди се и мане бѣломъ марамомъ. Неколько козака узму старо-го капетана и однесу къ вѣшалима. На овима, на пречаги горе виѣшаше се нагрѣный безчувственный Башкираць, кога смо мы предъ него дана испытывали. Онъ е држао у рукама уже и за еданъ минутъ видимъ я бѣдногъ Ивана Кузмића подигнута у воз-духъ. За нѣмъ приведу къ Пугачеву. Ивана Игня-тића. „Закуни се,“ рече нѣму Пугачевъ, „господару Петру Теодоровићу!“ — „Ты ниси нашъ господарь“ — одговори Иванъ Игнатићъ, повтараюћи рѣчи ка-петана свогъ. — „Ты си айдукъ и самозванаць.“ Пу-гачевъ одеть мане марамомъ и добрый поручикъ ви-

саше покрай свога старогъ начелника.

Редъ е было на мене. Я самъ гледао смѣло на Пугачева, приправляюћи се повторити одговоръ великодушны мои другара. Но я на не описану мою смутно видимъ, у средини бунтовнички старѣщина, Швабрина съ подсѣченомъ у наоколо косомъ у козачкомъ кафтану. Онъ се приближи къ Пугачеву, и каза му неколико рѣчій на уво. „Вѣшайте га“, рече Пугачевъ и не погледавши на мене. Я почнемъ читати молитву у себи, приносећи Богу искрено каинѣ за све мое грѣхе, и молећи га за спасенїю свою, кои су близу срдца мога. Мене одтураю подъ вѣщала. „Не бой се, не бой се,“ повторявали су мени губительи, може быти и заиста желећи мене охрабрити. У то чуемъ я вику: „Причекайте несрећници! о-проштено му е!“ . . . Губительи стану. Гледимъ: Савельиѣъ клечи предъ ногама Пугачева. „Отне рође-ный!“ говорио е бѣдный старецъ. „Зашто боярско дѣте да убѣишь? Опусти га, ты ѣнешъ се за нѣга добро наплатити, а за примѣръ и страву другима заповѣди, да мене старца обѣсе!“ Пугачевъ даде знакъ, и съ мене тай часъ скину уже и одуште ме. „Ба-ѣушка нашъ смилуовао се на тебе,“ говораху мени. У томъ магновенио не могу казати да самъ се избав-лѣню моме обрадовао, но не могу ни казати да самъ са-жалѣвао о нѣму. Чувствования моя была су сасвимъ сму-ѣена. Мене на ново приведу къ самозванцу и ставе ме предъ нѣмъ на колѣна. Пугачевъ пружи ми свою жила-сту руку. „Полюби руку, полюби руку!“ говорили су око мене. Но я самъ волю и найлюбу казанъ претрпяти, него ли овако подло понизити се. „Баѣушко Петре Андрѣевиѣу!“ шаптао е Савельиѣъ, стоѣћи за мною и гураюћи ме. „Немой быти упоранъ! Шта те то стае? плюни на полюби злик . . . - (пѣуй) полюби га у руку.“ Я се не макнемъ. Пугачевъ спусти руку рекавши смѣлюћи се: „Нѣгово благородїе можда е одъ радости полудило. Дигните га.“ Мене дигну и оставе слободна. Я самъ гледао на продуженѣ ужасне комедїе.

Жители се почну заклинати. Они су долази-ли еданъ по еданъ, цѣливали су крстъ и кланяли се самозванцу. Ту су стаяли и гарнизонски войници. Военый кроачъ, држећи у руци тупе свое маказе

подрезивао ѿмъ е косе. Они се отресаше и одлазише къ руди Пугачева, онъ ѿмъ опрашташе и примаше ѿ у свою чету. Све е то одъ прилике за три сата траяло. Найпосле Пугачевъ са столице устане, и у спроводу свои старѣшина сиѣ се съ ходника. Нѣму приведу бѣлогъ коня, украшеногъ богатымъ покровцемъ. Два козакъ узму га за руке и посаде у сѣдло. У то магновенѣ чу се женскій яукъ. Неколько айдука изтураю у ходникъ Василису Горовну, разчупану и голу нагу. Еданъ одъ нѣи обукао е быо нѣнъ пршнякъ на себе. Други су носили перине, сандуке, посуѣ, кошуль и све покушство. „Браћо моя!“ викала е несрећна баба. „Допустите, да се душа моя покае. Отци роѣени, одведите ме къ Ивану Кузмићу.“ У то она погледи на вѣшала и позна свогъ мужа. „Зликовци!“ викне она у изумлѣню. „Шта сте съ нѣмъ учинили? Свѣте мой, юначка войничка главо! не поразише тебе ни баѿонети пруски, ни ѣулета турска, ниси у часной битки изгубио животь свой, већъ погинуо си одъ утекшега обѣшеняка!“ — Умирите матору вѣшатицу! — рече Пугачевъ. На то е младый еданъ козакъ удари сабљомъ по глави, и она падне мртва на степене ходника. Пугачевъ одяши; народъ потрчи за нѣмъ.

Глава VIII.

Не званый гость.

Незваный гость хуже Татарина.

Пословица.

Піяца была е пуста. Я самъ све на єдномъ мѣсту стаю, нисамъ никако могао у поредакъ довести мысли, смуѣне тако ужаснима догађаима.

Неизвѣстность о судьбини Маріе Ивановне мене е яко мучила. Гдѣ е она? шта е съ нѣомъ? Є ли избѣгла? Є ли прибѣжиште нашла? . . . Пунь жалостны мысли, поѣмъ кући команданта . . . Све е было пусто, столице, трапезе, сандуци, орманови поломљени, посуѣ поразбіяно, све разбацано. Я се сиѣмъ по узаной лѣствици, коя ме е у малу собицу водила, и првый путь садъ уѣмъ у собу Маріе Ивановне. Видимъ нѣну постелю, разбойницима разбачену, орманъ быо е разлупанъ и поробљенъ, кандило е іоштъ предъ издртомъ икономъ шкильило. Огледало е высило на зиду према нѣму. . . . Гдѣ е была домаћица смирене ове дѣвочке ћелие? Страшне мысли мутиле су се по уму моме; я самъ ню у рукама разбойничкимъ себи ваображавао . . . Моє се срце сирупи . . . Я се горко, горко заплачемъ, и громко произнесемъ име моє любезне. У истомагновенѣ чумъ тихій шумъ, и иза ормана покаже се Палаша, бледа и дрѣнуѣи.

„О, Петре Андриѣвићу!“ рече она, плѣснувши се рукама. „Какавъ данъ! каква несрећа!“

— А Марія Ивановна? — запытамъ я нестрпљиво. Гдѣ е Марія Ивановна?

„Господична е жива,“ одговори Палаша. „Она е сакривена кодъ Акулине Памфиловне.“

— Кодь попадіє! — викнемъ я съ ужасомъ. —
Боже мой! та тамо е самозванаць! —

Я изтрчимъ изъ себе, полетимъ у домъ свештеника, ништа не видеѣи нити чувствујући. Ту се разлегаше вика, смѣхъ и пѣсме . . . Пугачевъ се частію са своимъ другомъ. Палаша е за мноми трчала. Я е пошлѣмъ, да полагаю Акулину Памфиловну изазове. За часъ попадія дође къ мени у сѣницу съ празнымъ убусомъ у руци.

— Бога ради! гдѣ е Марія Ивановна? — запытамъ е не изяснителнымъ колебанѣмъ.

„Лежи, моя голубица, кодъ мене на постелѣи, у другой соби,“ одговори попадія. „Но, Петре Андріевићу, каква насъ несреѣна снађе, али хвала Богу, све е среѣно проишло: зликоваць текъ што е сѣо да руча, кадъ е она, моя голубица, узданула! . . . Я самъ готово обагрла была. Онъ е чуо! „А ко то, бабо, кодъ тебе уздише?“ — Сродница моя, я му одговоримъ, господаре, разболила се, и веѣъ одъ двѣ недѣлѣ лежи. — „А е ли млада та твоя сродница?“ — Млада е господаре. — „Покажи ми, бабо, твою сродницу.“ — Я самъ се тако была уплашила, да нисамъ знала шта ћу радити. — Господаре, дѣвойка е тако изнемогла, да не може къ твојој милости доѣи. — „Ништа, бабо, я ћу самъ иѣи да е видимъ.“ И окажикъ, оде у другу собу; шта мыслишь? уздигне завѣсу, погледи е ястребовимъ очима . . . и ништа више. Богъ га изнесе! И вѣруешъ ли, я и стараць мой веѣъ смо се мученичкѣи смрти приправили были. Среѣномъ, она, моя голубица, не нѣга познала. Господи Боже! какавъ смо мы празникъ дочекали! Но шта да речемъ! бѣдныи Иванъ Кузмићъ, ко бы помислио! . . . А и Василиса Егоровна? А и Иванъ Игнатићъ? А зашто су нѣга? . . . А како су васъ поштедили? А шта е одъ Швабрина, Алексе Иванича? Онъ се ошишао и садъ се кодъ насъ съ нѣма части. Одметникъ, казаћу ти шгогодъ. Како самъ я о болной сродници казала, таки е онъ, вѣруй ми, погледао на мене, као ножемъ да ме е пробо, но не ме издао, хвала му зато.“ — У то магновенъ разлегне се крикъ пѣаны гостію и гласъ отца Герасима. Гости су искали вѣна, домаћинъ е викао свою попа-

дію. „Петре Андрієвићу,“ рече она, „садъ сене могу съ вама више разговарати, зликовци пѣваю у велико. Зло е, чувайте се, можете пасти пияныма у руке. Простите Петре Андрієвићу. Шта ће быти, быће; а васъ Богъ неће оставити!“

Попадія отиде. Я koliko толико успокоєнъ поћемъ на свой конакъ. Пролазећи мимо пияце, опазимъ неколико Башкираца, кои су се турали около вѣшала, и опанке съ обѣшены скидали; съ тешкомъ мукомъ задржимъ кипеће негодовањ у мени, видећи како се за маловажне ствари отимаю. По тврдинѣ трчали су разбойници, и офицерске куће плячкали. Са своју страна чуо се крикъ пияны плячкаша. Я доћемъ кући. Савельић сретне ме на доворотку. „Хвала Богу!“ викне онъ кадъ ме види. „Я самъ мысло, да су зликовци тебе ухватили. Но, господине Петре Андрієвићу! знате ли да су одъ насъ све однели, новце, одѣло, постелю, коцулъ, посуће — ништа нису оставили. Али хвала Богу, кадъ су тебе жива одпустили! А еси ли господине познао арамбашу?“

— Нисамъ, а ко е онъ?

„Како господине! ты си заборавио оногъ пияницу, кои е одъ тебе ѣурдию у гостионици отео. Зечію ѣурдию сасвимъ скоро нову, ли онъ, скотъ, кадъ е навлачию, распорила се!“

Я се удивимъ. Сравняваюћи Пугачева съ моимъ калаузомъ, наћемъ се пораженъ. Я се увѣримъ, да е Пугачевъ и онъ една иста особа, и сѣтимъ се, зашто е онъ мене поштедіо. Я нисамъ чудна обстоятелства моимъ умомъ схватити могао: дѣтиня ѣурдія, поклонѣна едномъ калаузу, избавила е мене тодѣ вѣшала, и пияница, кои се по крчмама скита, обсаћує тврдинѣ и потреса царство!

„Хоћете ли што ести?“ запыта Савельић, не промѣниъ у своемъ обичаю. „Кодъ куће нема ништа, тражићу, да вамъ ма шта сготовимъ.“

Оставши самъ, пустимъ се у мысли. Шта самъ имао радити? остати у тврдинѣ, коя е у руди зликовца, или за његовомъ четомъ поћи, нѣ ми као официру пристойно было. Дужность е изискивала, да се я на такомъ мѣсту наћемъ, гдѣ бы у садаш-

нѣмъ смутнимъ обстоятелствима отачаству момъ полезанъ быти могао Но любовъ силно є у мени дѣйствовала, да я кодъ Маріе Ивановне останемъ, и да будемъ нѣнъ заштитникъ и покровитель. Ма да самъ я предвиѣао, да ѣе се обстоятелства ова што скоріе промѣнити морати, то опеть опасность нѣну нисамъ себи могао безъ трепета представити.

Мысли мое долазкомъ єдногъ козака прекииуте буду, кои ми яви, „да великій господаръ мене къ себи позыва.“ — Гдѣ є онъ? — запытамъ я готовъ повинovati се.

„У командантовомъ дому,“ одговори козакъ.“ „После ручка быо є баѣушка нашъ у купатилу, а садъ се одмара. Но, ваше благородіе, по свему видимо, да є онъ знатна особа: за ручкомъ є два печена прасета изволіо изести, а пів толико, да ни Тарасъ Корачкинъ не може издржати, дао є купѣлску метлу Томки Бикбаєву, да га ладномъ водомъ истрезни. Нема се кудъ: нѣму заєста много треба, и важанъ є човѣкъ. А у купатилу чуємо, да є показао царске свое знаке на грудима: на єдної страни двоглавый орао, съ педля великій, а на другой особа нѣгова.“

Я нисамъ држао за нужно съ козакомъ о мнѣнію нѣговомъ препирати се, но съ нѣмъ одма къ командантовомъ дому поѣдемъ, ваображаваюћи себи како ѣу се съ нѣмъ састати и како растати. Читатель може себи лако представити, да я нисамъ быо сасвимъ ладнокрванъ.

Почело се веѣъ смрковати, кадъ самъ я у куѣу команданта ушао. Вѣшала, са своима жертвама, доводила су ме у ужасъ. Тѣло бѣдне командантовице іоштъ є лежало подъ ходникомъ, кодъ когъ су два козака стражу чувала. Козакъ, кои ме є довео, одє тай часъ да ме пріяви, и вративши се одведе ме у ону собу, у коіой самъ се я нѣжно съ Маріомъ Ивановномъ праштао.

Видимъ не обично позоріе, за трапезомъ уредно поставлѣномъ, пуномъ чаша и стакала, сѣдіо є Пугачевъ съ десетъ старѣшина козачки, подъ капама и у шаренимъ хальинама, сви разгріяни виномъ, румены образа и разжарены очію. Меѣу нѣма не быяше ни Швабрина, ни нашего редовнина, новы рат-

ны однадника. „А, ваше благородіє!“ рече Пугачевъ, видећи мене, „добро дошли, вама часть, молимъ, изволите сѣсти.“ Сабесѣдници направе ми мѣсто. Я ѣтећи сѣднемъ край трапезе. Сусѣд мой, младъ козакъ, узрастанъ и лѣпъ, наліє ми чапу простога вина, ков се я ни додирнуо насамъ. Съ лобопытствомъ погледао самъ све редомъ. Пугачевъ сѣдіо є на првомъ мѣсту, наслонивши се на столъ и подупревши браду своіомъ широкою шакомъ. Черте лица нѣвого, правилне, и доста пріятне, ништа свирѣпо не показиваху. Онъ се често окретао човѣку єдномъ око педесеть година, називаюћи га садъ грофомъ, садъ Тимотеиѣмъ, а кадкадъ увеличаваюћи га дѣдомъ. Обходили су се межу собомъ сви као другари, и никаквогъ особитогъ почитаня предводителю своемъ указивали нису. Разговарали су се о сутрашнѣмъ предузећу, о усѣху побуне, и о будућима дѣйствима. Свакій є говоріо и предлагао своя мнѣнія, и съ Пугачевымъ слободно о гдѣконма стварма препирао се. И на овомъ тако чудесномъ военномъ савѣту заключено буде, на Оренбургъ ићи: покретъ дрзновеный и као што се чуло, нѣ быо несрећно окончанъ! За полазакъ, сутрашній данъ одреди се. „Но, браћо“, рече Пугачевъ, „одшѣваймо, на сонъ грядущій“ мою любезну пѣсму. Чумакове, почни!“ Сусѣд мой танкимъ высокимъ гласомъ почне, а сви други у гласъ помагаху:

Немой мати зелена дубраво,
Немой твоимъ танкимъ шумитъ лишѣемъ,
Немой мени, доброче младѣху,
Задавати брѣге и старости.
Я ѣу сутра предъ судію ићи
А самъ царъ не быти ми судіи.
Царъ господаръ пытати не мене:
Ты дѣране, ты рижанскій сыне,
Кажи мени куда си бродіо,
У айдуке кога си водіо,
Да ли имашъ многіе другара?
А я ѣу му 'вако говорити:
Свѣтлый царє! све ѣу ти казати,
Теби ѣу се исповѣдитъ право:
Я самъ им'о четири другара,
И юштъ къ томе єдногъ вѣрногъ слугу.
Первый другаръ бы ми помрчина,
Другій другаръ анцаръ за поясомъ,

Трѣій другарь мой под-а-мноь вранаць,
 А четвртый зелена дубрава,
 Стрѣла моя бы ми вѣрный слуга.
 А царь ќе ми на то одговорит':
 О дѣране, о ришѣанскій сыне,
 Ты си добро айдуковат' знао,
 И знао си добро одговарат',
 Зато љу се смилувати на те,
 Сградићу ти на средь поля кулу,
 Одъ растова два дебела стуба,
 И пречагу међу нѣма одну.

Ніе можно исказати, какво є дѣйство произвела у мени простонародна пѣсма ова о вѣшпалима, пѣвана людма, коима су вѣшпала већ нимѣнѣна. Нѣова грозна лица, устроиность гласова, унило изражаванѣ, кое су они рѣчма и безъ тога изразителныма придавали — све є потресло мене некимъ поетичнымъ ужасомъ.

Гости поію іошть по єдну чашу, устану иза трапезе и опросте се съ Пугачевымъ. И я самъ хотѣ то учинити; но Пугачевъ рече ми: „Сѣди, я хоћу съ тобомъ да се разговарамъ.“ — Мы останемо.

За неколико минута мы смо обоица ћутали. Пугачевъ гледао є на мене управо, кадкадъ лѣвымъ окомъ намигиваюћи съ удивительнымъ изражаванѣмъ лупежества и насмѣшливости. Найпосле онъ се насміє, и то съ таковымъ не притворномъ веселости, да самъ и я самъ гледећи на нѣга, сміяти се морао, и самъ не знаюћи зашто.

„Како, ваше благородіє?“ рече ми онъ. „Єсли се уплашіо быо, кадъ су ти мои момци уже на вратъ натакли? Я мыслимъ да ти се небо помрачило было... И быо бы заиста обѣшенъ, да се тутвой слуга десію нѣ. Я самъ одма тогъ старца познао. Но єсли ли ты мыслию, да є онай човѣкъ, кои є тебе на путь извео, быо самъ великій господарь? (Тада узе на себе видъ важный и таинственный.) Ты си пред-а-мноь свакояко кривъ, но я самъ те за твою доброту помиловао, зато, што си ты мени учиніо услугу, кадъ самъ я принуђенъ быо крити се одъ мои неприятеля. Ты ћешъ се о томъ увѣрити! Я љу тебе іошть већма помиловати, кадъ добыємъ мое царство! Обѣвавашъ ли ми се, да ћешъ ме усрдно служити?“

Пытанъ зликовца и нѣгова дрзновеностъ учи-ни ми се тако забавна, да самъ се насміяти морао.

„Зашто се ты смієшь?“ запыта онъ мене намргођенъ. „Или ты не вѣруєшь, да самъ я великій господаръ? Одговори ми право.“

Я се смутимъ. Я не мого скитницю за владателя признати; а не мого га у очи варалицомъ назвати. Я самъ се колебао. Пугачевъ намргођенъ очекивао є мой одговоръ. Найпосле (іоштъ и садъ са задовољствомъ опоманѣмъ се тога магновена) надвлада у мене чувство къ дужности надъ слабости човѣчскомъ. Я одговоримъ Пугачеву: Чуй, я ћу ти праву истину казати. Разсуди, могу ли я тебе за господара признати? Ты си човѣкъ разуманъ: тимъ бы само видіо, да самъ я лукавъ.

„Ко самъ я, по твоємъ умствованію?“

— Богъ те знао; но ма да си ко, ты се самномъ шалишь, а твоя є шала опасна.

Пугачевъ на мене оштро погледи. „Тако, ты не вѣруєшь,“ рече онъ, „да самъ я господаръ Петаръ Теодоровићъ? Но, добро. А заръ срећанъ нема среће? Заръ у старо време Грипка Отрепѣвъ нє царствовао? Мысли о мени шта хоћєшь, но одъ мене не изостај. Шта є теби до други? Ты нити си попъ нити калуђеръ. Послужи ты мене вѣрно, а я ћу тебе фелдмаршаломъ, и кнезомъ направити. Но, шта мыслишь?“

— Нећу, одговоримъ я постоянно. Я самъ рођеный дворанинъ: я самъ заклетву положіо госпођи императрици: теби служити не могу. Но ако ты мени управо добро жєлишь, то одпусти ме у Оренбургъ.

Пугачевъ се замысли. „Ако те одпустимъ,“ рече онъ, „то хоћєшь ли се обећати, да нећєшь противъ мене воевати?“

— Како ти я могу то обећати? — одговоримъ. Самъ знашь, да то не стои на мојой вољи: заповѣде ли мени ићи противъ тебе — ићићу, да шта знамъ. Ты си и самъ начелникъ, и ты одъ свои послушность изискуєшь. Шта бы изъ тога слѣдова-ло, кадъ бы се я службе одрицао, кадъ се она одъ мене изискивала буде? Глава є моя у твојой вла-

сти: пустишъ ли ме — спасао те Богъ; казнишъ ли ме — судио ти Богъ; я самъ теби истину казао.

Пугачеву допадне се моя искреность. „Тако ће и бити,“ рече онъ, ударајући мене по плећи, „ко друге казни, быће и самъ казниънъ, ко другима прашта, опростиће се и нѣму. Иди на четири стране свѣта — куда хоћешъ, и ради шта хоћешъ. У јутру дођи и яви ми се, а садъ иди па спавай, и мени се већъ склапао очи.“

Я оставимъ Пугачева и на улици изиђемъ. Ноћъ е была тиха и ладна. Мѣсець и звѣзде здраво су свѣтлеле и освѣтлявале пјяцу и вѣшала. У трврдини было е све мирно и тавно. Само у крчмама свѣтляше се ватра и разлегаше се гласъ сакупльны пјяница. Я погледимъ на кућу свештеника. Кашия и врата была су затворена. Виђаше се у нѣму све да е у миру.

Дођемъ на мой конакъ. Савельићъ е у одсутву момъ о мени старао се. Гласъ о ослобођеню момъ обрадуе нѣга не исказано. „Хвала теби владыко!“ рече онъ прекрстивши се. „Како се зора укаже, оставићемо тврдиню, и иђићемо куда насъ очи водиле буду. Я самъ мало стотовіо вечере, прихвати се господине, па лези, и проспавай до ујутру, као у христовомъ наручу.“

Я нѣговъ савѣтъ послушамъ, вечерао самъ добро и пріятно, заспао самъ на голимъ даскама, уморень душевно и физично.

Глава IX.

Растанакъ.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой.

Херасковъ.

У ютру рано пробуди мене бубань. Я поѣмъ на мѣсто скупштинѣ. Тамо се веѣъ скупляху гомиле Пугачеваца около вѣшала, на коима су іошть висиле ючерашнѣ жртве. Козаци стаяли су на брежулку, войници были су подь оружьмъ. Заставе виле су се. Неколико топова, меѣу коима и нашъ познамъ, бяху веѣъ за путованѣ на лаветама намѣштени. Сви жительи были су ту, и очекивали самозванца. Предъ ходникомъ командантова дома држао є козакъ за уздицу єдногъ прекрасногъ бѣлогъ коня кирхійскогъ. Я самъ тражію очима тѣло командантовице. Однели су га были мало на страну и рогозомъ покрили. Найпосле Пугачевъ изиѣе на полѣ. Народъ скине капе. Пугачевъ стане у ходнику и са свима поздрави се. Єданъ одъ старѣшина донесе му кесу пуну бакарны новаца, и онъ ій стане разбацивати. Народъ є съ викомъ, єданъ преко другогъ падаюћи, новце купію, и ово се ніе свршило, а да се неки не оскатише. Пугачева окружавали су главни нѣгови савѣтници. Меѣу нѣима стаяо є и Швабринъ. Погледи наши сретали су се; у моемъ погледу онъ є могао прочитати презрѣнѣ, у нѣговоме изражаваше се искрена злоба и притворна насмѣшльивость. Пугачевъ, смотривши мене у гомили, мане на мене гла-

вомъ и зовне ме къ себи. „Чуешъ“, рече онъ. „Иди одма у Оренбургъ, и объяви одъ мое стране губернатору и свыма ѱенералима, нека ме до недѣль дапа очекую. Посавѣтуй ий да ме са сыновномъ любви и послушанѣмъ дочекаю; ако не, то ий строга очекуе казанъ. Среѣанъ путь, ваше благородіе!“ После окре не се къ народу и рече, показуюћи на Швабрина: „Ово вамъ е, дѣцо, новъ командиръ. Слушайте га у свачему, а онъ ће мени за васъ све и за тврдию одговарати.“ Са ужасомъ саслушао самъ те рѣчи: Швабринъ постае начелникомъ тврдинъ, а Марія Ивановна остае у нѣговой власти! Боже, шта ће быти съ нѣомъ! Пугачевъ се сиђе съ ходника. Нѣму приведу коня. Онъ хитро скочи на коня, не очекуюћи козаке, кои су га хтѣли подићи.

У то време, изъ гомиле народа, изиђе Савельиѣ, приступи къ Пугачеву, и пружи му еданъ листъ артиѳе. Я нисамъ могао знати, шта ће изъ тога изићи. „Шта е то?“ запыта съ важности Пугачевъ. — „Прочитай, па ћешъ изволити знати“ — одговори Савельиѣ. Пугачевъ прими артию и дуго е съ видомъ значайности разгледаше. „Шта ты тако мудро пишешъ?“ каза онъ наипосле. „Наше свѣтле очи не могу ту ништа разабрати. Гдѣ е мой старіи секретаръ?“

Младиѣ еданъ у капларскомъ одѣлу притрчи къ Пугачеву. „Читай да чуемъ“, рече самозванацъ даваюћи му артию. Я самъ особито желію знати, о чему е мой старацъ Пугачеву писао. Старіи секретаръ громогласно стане читати слѣдуюће:

„Двѣ хальине одъ миткала и свиле пругасте, шесть рубаля.“

— Шта то значи? рече намрщтенъ Пугачевъ.

„Заповѣди далъ да се чита“ — одговори спокойно Савельиѣ.

Старіи секретаръ продужи:

„Мундиръ одъ танке зелене чѳе, седамъ рубаля.“

„Чакшире бѣле сукнене, петъ рубаля.“

„Дванаестъ парій кошуля одъ холандскогъ платна съ манцетама, десетъ рубаля.“

„Пивничачъ съ посуѣмъ за чай, двѣ рубль и полъ“

— Какво е то зановетанъ? — прекине Пугачевъ, шта е мени до твога пивничца, и до кошуля съ манцетама? “

Савельиъ проговори и стане се изяснявати. „То е, господару, изволяте видити, списакъ господиноваго добра, кое су зликовци развукли.“

— Какви зликовци? — запыта грозно Пугачевъ.

„Кривъ самъ: зарекао самъ се,“ одговори Савельиъ. „Зликовци, не зликовци, твоя су челядь то све однела. Не срди се, заповѣди далъ да се чита.“

— Дочитай, рече Пугачевъ.

Секретаръ продужи:

„Огртачъ одъ цица, другій одъ тафота, поставльнъ памукомъ, четири рубль.“

„Лисичя бунда, пошивена црвенимъ скерлетомъ, 40 рубалья.“

„Юштъ зечія ѱурдія, твоіой милости у крчи поклонѣна, 15 рубалья.“

— А шта юштъ — викне Пугачевъ съ распальнима очима.

Признаемъ, да самъ за бѣдногъ старца уплашио се быо. Онъ се опеть хѣаше у обяснѣня пустити; но Пугачевъ прекине му: „Како си се усудио къ мени доѣи съ такима беспослицама?“ викне онъ, узевши артию изъ руку секретара и бацивши е на образъ Савельиу. „Глупый старче! Покрали васъ: па кавка е то несреѣна! Та ты си дужанъ матора старкельо! докле годъ живишь за мое, и мое челяди здравль Богу се молити, зато, што и ты и твой господинъ не висите тамо меѳу другимъ моимъ противницима Зечія ѱурдія! Я ѳу теби дати зечію ѱурдію! Но знашь ли ты, да ѳу съ тебе живого кожу сдерати, да ѳурдію опервазимъ?“

— Како ти драго — одговори Савельиъ, — я нисамъ човѣкъ слободанъ, и дужанъ самъ за господарско добро одговарати.

Пугачевъ виѳаше се у овомъ великодушанъ. Онъ се окрене и одяши, не казавши више ни рѣчи. Швабринъ и старѳшине ишли су за нѣмъ. Чета изиѳе изъ тврдинъ у поредку. Стараць мой држао е у рукама свой списакъ и разгледао га съ видомъ дубокога сажалѣня.

Видѣши онъ, да се я съ Пугачевымъ добро слажемъ, желію є то на пользу нашу употребити; но мудра намѣра нѣгова ніє му по желїи испала. На усрдїє ово нѣгово, кое овдѣ мѣста не имаѣаше, ни самъ се могао одъ смѣха задржати. „Смѣй се, господине,“ рече Савельиѣ, „смѣй се, но докѣ станемо на ново наше домоводство устроявати, видићу, хоѣшеш ли се смѣяти.“

Я похитимъ у кућу свештеника, да се съ Мариомъ Ивановномъ састанемъ. Попадїя предсрѣтне ме са жалостнымъ извѣстїемъ. Ноѣасъ є Марїя Ивановна имала люту грозницу. Она є лежала дуго у несвѣсти. Попадїя одведе ме у нѣну собу. Я се приближимъ полагаю кѣ постельи. Промѣна лица нѣнога мене є поразила. Болестница мене ніє познала. Дуго самъ я стаяю поредъ нѣ, не слушаюћи ни отца Герасима, ни добру жену нѣгову, кои су ме тѣшили. Мрачне мысли смуѣавале су мене. Станѣ бѣдне беззаштитне сироте, оставлѣне у средъ злобны бунтовника, собствена моя немоћ, устрашавали су мене. Швабринѣ, Швабринѣ найвећма є смуѣавао мое ваображенѣ. Снабдѣвенѣ власти одъ самозванца, управляюћи тврдиньомъ, у коїой остає несрећна дѣвочка — невиный предметъ нѣгове ненависти, онъ є могао учинити свашта. Шта самъ имао дѣлати? Како їой помоћи? Како є избавити изъ руку злочинца? Остало є єдно средство: рѣшио самъ се поћи у Оренбургъ, да позовемъ за ослобоѣенѣ тврдинѣ Бѣлогорске, и по могућству у томъ да садѣйствуемъ. Я се опростимъ са свештеникомъ и са Акулиномъ Памфиловномъ, жарко препоручуюћи нѣой ону, кою самъ я већ за свою жену поштовао. Узмемъ руку несрећне дѣвочке, и полюбимъ є, орошаваюћи сузама. „Опростите!“ говорила є мени попадїя, сироводећи ме; „опростите, Петре Андрїевићу. Даѣе Богъ, па ѣемо се видити у болѣ време. Немојте за насъ заборавити, и пишите намъ по-чешће. Бѣдна Марїя Ивановна, осимъ васъ, нема ни утѣхе, ни покровителя.“

Изишавши на пїяцу, зауставимъ се за магновењо, погледавши на вѣшала, поклонимъ їмъ се, изи-

ѣмъ изъ тврдинѣ и поѣмъ оренбуржскимъ путемъ спровоженъ Савельиѣмъ, кои одъ мене остао ніе.

Ишао самъ занять своима мысляма; но уедан-путь чуемъ коньскій топоть за собою. Осврнемъ се, видимъ изъ тврдинѣ трчеѣегъ козака, кои башкирскогъ коня за узду држаше, и мени изъ далека знакъ даваше. Я станемъ, и брзо познамъ нашегъ редовника. Онъ, дотрчавши, сиѣ се са свогъ коня и рече, даваюћи ми узду оногъ другогъ: „Ваше благородіе! Отацъ нашъ шилъ вамъ коня и бунду са свои леѣа (за сѣдло привезанъ быаше овчій кожухъ). Иіошитъ“ — изговори запиною редовникъ — „шилъ вамъ онъ . . . по рублѣ новаца . . . но я самъ те изгубіо на путу: опростите великодушно.“ Савельиѣ погледи на нѣга попереко и рече: изгубіо си! А шта ти то у нѣдри звечи? Безсавѣстниче! — „Шта ми звечи у нѣдри?“ одговори редовникъ, ни мало не смућуюћи се. „Богъ съ тобомъ старче! То звечи уздица а не новци.“ Добро — речемъ я прекинувши распру. Благодари одъ мов стране томе, ко те є послао, а изгублѣне новце кадъ се вратишъ потражи, и узми ій себи на водку. „Я самъ благодаранъ, ваше благородіе,“ одговори онъ врабаюћи се, „до вѣка ѣу се за васъ Богу молити.“ Съ овима рѣчма отрчи онъ натрагъ, држећи се єдною рукою за нѣдра, и за магновенѣ изгуби се нама изъ очію.

Я обучемъ кожухъ, попнемъ се на коня, иза мои леѣа посадимъ Савельиѣа. „Ето, видишъ, господине,“ рече старацъ, „да я нисамъ ниткову бадава прошню дао; вѣруй, добро є то было. Истина, да башкирска дртина и овчій кожухъ ни полакъ тога не вреде, што су они, ниткови, одъ насъ покрали, и што си ты самъ нѣму изволіо дати; али шта му драго, подмукломе псу треба се уклонити съ пута.

Г л а в а X.

Обсада града.

Занявъ луга и горы,
 Съ вершины, какъ орелъ, бросахъ на градъ онъ взоры.
 За станомъ повелѣхъ соорудитъ раскатъ,
 И въ немъ, перуны скривъ, въ нощи привести подъ градъ.

Херасковъ.

Приближуюћи се къ Оренбургу видимо мы гомила зароблѣника съ обрѣянима главама, и съ лицима, клѣштама одъ губителя нагрѣнима. Они су радили около града, подъ надзиранѣмъ гарнизонски инвалида. Ђдни су износили у колицама ђубре, засипали яме, други су мотикама копали земљу: на бедему зидари носили су ћерпичъ, и градили су градску стѣну. На врати стража насъ заустави, и заште одъ насъ путне листове. Како сержантъ чуе, да я долазимъ изъ тврдинѣ Бѣлогорске, одма ме управо у ђенераловъ дворъ одведе.

Я га наћемъ у башти. Онъ е прегледао ябуке, обнажене временомъ есенѣимъ, и помоћи старогъ башчована брижљиво ий топломъ сламомъ умотаваше. На лицу нѣговомъ вићаше се спокойность, здравлѣ и задовольство. Онъ се мени обрадовао, и почне ме питати о ужаснима догађаима, којима самъ я очевидаць быо. Я му све кажемъ. Стараць е слушао мене савниманѣмъ, а међутимъ подкресивао е ситно гранѣ. „Бѣдный Мироновъ!“ рече онъ, кадъ самъ я мою жалостну повѣсть свршио. „Жалимъ га, быо е добаръ офицарь; а госпођа Миронова была е добра госпођа, и те каква майсторица сушити варганѣ. А шта

є съ Машомъ, кѣри капетана?“ Я одговоримъ, да є она остала у тврдинѣ у рукама попадіє. „Ай, ай, ай,“ примѣти генераль. „То є зло, веома зло. Дисциплини айдучкой не треба се повѣрити. Шта ће бити съ бѣдномъ дѣвойкомъ?“ Я одговоримъ, да тврдиня Бѣлогорска ніє далеко, и да ће нѣгова преузвышеность за ослобоженѣ бѣдны нѣны жителя, безъ сумнѣ, што скоріє послати войску. Генераль мане главомъ съ видомъ сажалѣваюћимъ. „Видићемо, видићемо,“ рече онъ. „Имаћемо іоштъ кадъ о томъ савѣтовати се. Молимъ, изволи доћи на чашу чая; данасъ ћемо држати военый савѣтъ. Ты намъ можешъ доста и извѣстно казати о бездѣлнику Пугачеву и о нѣговой войсци. Садъ иди па се одмори.“

Я поћемъ на конакъ, мени одрећеный, гдѣ є Савельићъ већъ урећивао, и ту самъ не стрпљиво назначено време очекивао. Читатель ће лако себи представити, да я нисамъ пропустио на савѣтъ отићи, кои є великій упливъ на мою судьбу имати морао. У назначеный сатъ я самъ већъ быо кодъ генерала.

Я затечемъ кодъ нѣга єдногъ одъ градски чиновника, чини ми се, директора мытника; дебела и румена старца, у жућастомъ кафтану. Онъ ме стане распытивати о судьбинѣ Ивана Кузмића, кога кумомъ називаше, и често прекидаше мою рѣчь съ допунительнымъ пытанѣмъ, и наравоучительнымъ примѣтбама, коя пытаня ако и нису изяснявала у нѣму човѣка вѣшта у военомъ знаню, то опетъ одъ прилике одкривала су нѣговъ слободный и природный умъ. Међутимъ скупе се и други позвани. Кадъ сви посѣдаю, и свыма се по чаша чая донесе, генераль предложи веома ясно и пространо, у чему се стваръ састои: „Садъ господо“ — продужи онъ — „треба намъ заключити, како ћемо дѣйствовати противъ бунтовника: *нападательно или одбранительно*? Свакій одъ овы начина има свою ползу и штету. Дѣйство *нападательно* дає намъ болю надежду на скоріє истребленѣ неприятели; дѣйство *одбранительно* бољ є и безопаснѣ. . . . И тако почећемо сбирати гласове по закономъ поредку, то єсть, почећемо одъ *наймлаћегъ* по чыну. Г. прапорщикъ!“ продужи онъ у мене гледећи, „изволите намъ изяснити ваще мнѣніє!“

Я устанемъ, и у мало рѣчій опишемъ найпре Пугачева и нѣгову чету, после докажемъ, да самозванецъ не може уредной войсци противустати.

На мое мнѣніе офицери су явно не годовали. Они су видели у нѣму преухитренность и дрзновеность младога човѣка. Подигне се жуборъ, и я чуемъ рѣчи: жутоклюнь, изговорене єднымъ тихимъ гласомъ. Ѓенераль окрене се къ мени и рече смѣшећи се: „Г. прапорщикъ! Први гласови на военномъ савѣту обично даю се на ползу ступаня надаетелны: то є законый поредакъ. Садъ ѣмо продужити сбиранѣ гласова. Г. колежскій савѣтникъ! кажите намъ ваше мнѣніе!“

Стараць у жуѣастомъ кафтану по-брзо попіє свою трећу чашу. по-добро съ румомъ разблажену, и одговори ѣенералу: Я мыслимъ ваша преузвышенности, да не треба ни нападателно ни одбранително да дѣйствуемо.

„Како то, господине колежскій савѣтниче!“ гласніє рече зачуѣный ѣенераль. „Другогъ начина тактика не предлагає: ступанѣ одбранително или нападателно“

— Ваша преузвышенности, ступайте подкупително.

„Е, хе, хе! мнѣніє ваше веома є благоразумно. Ступанѣ подкупително тактика допушта, и мы ѣмо се ползовати вашимъ савѣтомъ. Може се обећати за главу бездѣльника рубалѣ седамдесетъ или сто изъ тайне касе“

— И онда, уѣе у рѣчь директоръ мытника, быо я кирхійскій ованъ, а не колежскій савѣтникъ, ако намъ ти айдуци на овай начинъ, као што самъ я казао, не издаду свога арамбушу, съ рукама и ногама у гвозѣу окована.

„Мы ѣмо се о томъ іошть промыслити и посаѣтовати,“ одговори ѣенераль. „Но при свакомъ случаю, морамо се мы военога прописа држати. Господо, дайте гласове ваше по закономъ реду.“

Сва се мнѣнія покажу противна моме. Сви су чиновници доказивали, да ніє можно у войску се поуздати, да є война среѣна не вѣрна, да треба обзирце поступати и овомъ подобна. Сви су доказива-

ли, да є паметніє остати иза сакривены топова за каменитымъ бедемомъ, него на слободномъ поло покушавати срећу оружя. Найпосле ђенераль, саслушавши сва мнѣнія, изтресе пепео изъ луле и слѣдуєе прослови рѣчи :

„Господо моя! я вамъ морамъ явити, да я, одъ мое стране, савршено съ мнѣнемъ господина прапоршчыка слажемъ се; єрь є ово мнѣніє основано на свима правлима здраве тактике, коя свагда готово нападательна ступаня одбранителныма предпоставля.“

Ту онъ стане, и почне пунити свою лулу. Самолюблѣ мое у мени є славило. Я гордо погледимъ на чиновнике, кои су међу собомъ шапутали съ видомъ незадовольности и безпокойства.

„Но, господо моя!“ продужи онъ пустивши, заєдно съ дубокимъ уздысаємъ, густу струю дима одъ дувана, „я не смѣмъ узети на себе тако велику одговорность, кадъ се ради о безопасности повѣрены мени краєва нѣнымъ императорскимъ величествомъ, свемилостивомъ моіомъ государиньомъ. И тако я суглашавамъ се съ већимъ броемъ гласова, кои є рѣшію, да є паметніє и безопасніє у унутрашности града очекивати обсаду, а нападаня неприятельска силомъ артилѣріє (ако буде можно) одбіати.“

Чиновници одъ свое стране насмѣшлииво погледе на мене. Савѣтъ се разиђе. Я нисамъ могао доста начудити се слабости заслуженогъ ђенерала, кои, противъ собственогъ убѣђеня, рѣшію се слѣдовати мнѣніяма людій не вѣшты и не искусны.

За неколико дана после знаменитогъ овогъ савѣта, дознамо мы, да Пугачевъ, вѣранъ свомъ обећаню, приближує се къ Оренбургу. Я опазимъ войску бунтовника съ высине градски бедема. Мени се учини, да се брой нѣювь десеторостручно увеличаю одъ времена последнѣгъ юриша, кога самъ я бую свѣдокъ. У нѣи є было и артилѣріє, кою є покорию. Опоминюѣи се, шта є савѣтъ рѣшію, предвиђаю самъ дуговременый затворъ у зидинама оренбуржкимъ, и у мало што се одъ туге заплакао нисамъ.

Нећу описивати оренбуржку обсаду, коя принадлежи исторіи, а не породичнымъ запискама. Казаћу

на кратко, да е ова обсада, по незапљивости мѣст-
ногъ начелства, за жителѣ врло убиточна была, кои
су гладъ и свакояке неволь претрпити морали. Лако
се може помислити, да е животь у Оренбургу быо не
сносанъ. Сви су съ униіемъ очекивали крайсвое суд-
бе; хукали су сви на скупоћу, коя е заиста была у-
жасна. Жители су се већ навикли на јулета, ле-
тећа на домове њине, и юриши Пугачева нису већ
никакво любопытство за собомъ доносили. Я самъ
умирао одъ безпослице. Време е пролазило. Писма
изъ тврдивѣ Бѣлогорске добывао нисамъ. Сви су
путови были заузети. Растанакъ съ Мариомъ Ива-
новномъ быо е за мене не истрпливъ. Неизвѣст-
ность о судби њной мене е мучила. У уединѣно
моме растеривао самъ бригу яшенѣмъ. Изъ милости
Пугачева я самъ имао доброгъ коня, съ коимъ самъ
дѣлю оскудну рану мою, и на комъ самъ свай
данъ иза града противъ Пугачевльовы коняника изи-
лазіо. У походима овима по већой чести была е
побѣда на страни ситы и піяны непріятељски коня-
ника. Слаби градеки коняници нису їмъ могли одо-
лѣти. Кадкадъ изилазили су на полъ и наши гладни
пѣшаци; но дубљина снѣга сметала їмъ е съ непрї-
ятельима удесно борити се. Артиљрія бадава е гр-
мила съ высоки бедема, а у полъ изилазити сбогъ из-
нурены коня не могаше. Тако е было наше воено
дѣйство! И ето шта су оренбургки чиновници на-
зивали обзирности и благоразумѣмъ.

Еданпутъ кадъ їй мы растерамо и доста подале-
ко одбіемо, натрчимъ я на козака, кои е иза свога
друштва остао, и готовъ самъ већ быо ударити га
моїомъ турскомъ сабљомъ, кадъ онъ скине кал-
пакъ и викне: „Здраво Петре Андріевићу! Како
сте?“

Я га погледимъ, и познамъ нашега редовника.
Я самъ се не исказано њму обрадовао. Здраво Мак-
симићу — речемъ я њму. Еси ли давно изъ Бѣло-
горске?

„Нисамъ одавно господине Петре Андріевићу :
синоћъ самъ стигао. Имате у мене писмо.“

— Гдѣ е? — викнемъ я.

„Ево га“, одговори Максимиѣъ, тураюћи руку у нѣдра. „Я самъ се обећао Палаши да ѣу га ма како вама донети.“ На то преда ми смотану артию, и тай часъ натрагъ отрчи. Я є размотамъ, и съ трепетомъ почнемъ слѣдуюће редове читати:

„Божія є воля была, да лиши мене уеданпутъ и отца и матере: я немамъ на земљи ни сродника ни покровителя. Притичемъ къ вама, знаюћи, да сте вы свагда мени добро желили, и да сте вы свакомъ човѣку готови помоћи. Молићу Бога, да бы ово писмо како тако до васъ дошло! Максимиѣъ обећао се да ће вамъ га донети. Палаша чула є такође одъ Максимиѣа, да васъ є онъ често изъ далека у биткама виѣао, да ни мало себе не чувате, и не мыслите на оне, кои се са сузама за васъ Богу моле. Я самъ дуго была болестна: а кадъ самъ оздравила, Алекса Иваниѣъ, кои є сада командантъ на мѣсто покойнога отца, принудю є отца Герасима да ме уда за нѣга, претећи му Пугачевымъ. Я живимъ у нашой кући подъ затворомъ. Алекса Иваниѣъ натерує ме да поѣмъ за нѣга. Онъ говори, да ми є спасаю животъ тимъ, што є прекрїю обману Акулине Памфиловне, коя є казала зликовцѣма, да самъ я нѣна сродница. А я бы волѣла умрети, него постати женомъ такогъ човѣка, као што є Алекса Иваниѣъ. Онъ са мномя сасвимъ жестоко поступа, и прети ми, ако се не предомыслимъ и не сугласимъ, да ће ме одвести у логоръ къ зликовцу, и самномъ да ће быти, као съ Лизаветомъ Харловомъ. Я самъ молила Алексеу Иваниѣа да мы допусти промыслити се. Онъ се сугласи на то, и да ми рокъ на три дана, и ако за три дана не поѣмъ за нѣга, да ме онда поштедѣти неће. Господине Петре Андрїєвићу! вы сте единый мой покровитель; избавите мене несрећну. Умолите ѣенерала и све заповѣднике, да намъ пошлю помоћъ што скорїє, а доѣте и сами ако можете. Остаемъ ваша покорна несрећна сирота
Марїя Ивановна.“

Прочитавши то писмо у мало съ ума сѣшао нисамъ. Я се упутихъ у градъ безъ милосрдїя могъ ко ня шибаяюћи. На путу самъ промышлявао и то и друго што за избавлѣнїє несрећне дѣвойке, но ништа не

мого измыслити. Доскакавши у градъ, одемъ одма къ ђенералу, и у собу къ нѣму утрчимъ.

Ђенераль ходіо є и тамо и амо по соби пушећи. Видећи мене, стане. Безъ сумнѣ изгледъ га є мой поразіо, онъ брѣжљиво извѣсти се о узроку мога наглогъ долазка. Ваша преузвышености, каза му, я къ вами прибѣгавамъ, као къ рођеномъ отцу; Бога ради, немойте ми прошню одрећи: стваръ се тиче среће цѣлогъ живота мога.

„Шта є то, господине?“ запята ме изумљный стараць. „Шта ти я могу учинити? Говори.“

— Ваша преузвышености, заповѣдите ми да уземъ єдну кумпанію войника и петдесетъ козака, и пустите ме да очистимъ тврдињу Бѣлогорску.

Ђенераль погледи на мене жалостиво, судећи безъ сумнѣ, да самъ полудіо (у чему є готово и право имао).

„Како то? Очистити тврдињу Бѣлогорску?“ рече онъ найпосле.

— Вама стоимъ добаръ зато, одговоримъ ватрено. Само молимъ дозволите ми.

„Не могу, младый човѣче“ — рече онъ вртећи главомъ. „На тако великомъ растојаню непријатељ може васъ лако одцѣпити одъ саобраштеня съ главномъ стратегичномъ точкомъ и добыти надъ вами савршену побѣду. Пресѣчено є саобраштенѣ....

Я се уплашимъ, видећи нѣга тако углубљена у воєна рассуђеня, и похитимъ разбистрити га. Кћи капетана Миронова, кажемъ му, пише ми, она проси помоћи: Швабринъ є натерує да пође за нѣга.

„То є дакле твоя молба? О, тай Швабринъ превеликій є Sch-Im, и ако ми падне у руке, я ћу га за 24 сата осудити, и стрѣляти подъ градскимъ вѣшалима! Но садъ морамо трпѣти“

— Морамо трпѣти! — викнемъ я изванъ себе. А онъ ће се међутимъ оженити съ Маріомъ Ивановомъ!

„О!“ одговори ђенераль. „То јоштъ ніє никаква несрећа. То є јоштъ добро за ню; ако ню Швабринъ узме, може є садъ заштићавати; а кадъ га мы пушкарамо, онда, да ће Богъ, наћи ће она се-

би младоженю. Младе удовице не бываю дѣвойке, то есть, хтѣо самъ реѣи, да не млада; удовица пре себи наѣи мужа него дѣвойка.“

— Пре волимъ умрети, речемъ я у ярости, него ли ню Швабрину уступити!

„Ба, ба, ба, ба!“ проговори стараць. „Сады видимъ, да си се ты у Марию Ивановну залюбио. О, то е сасвимъ другій посао! Бѣдный младићу! Но я опеть ни на кои начинъ не могу ти дати кумпанію войника и петдесеть козака. Та експедиція не бы была паметна, и я е не могу на свой одговоръ узети.“

Я спустимъ главу, очаянѣ са многъ облада. У-вданпуть мысао мени пролети крозь главу, а како-ва, видиће читатель, као што стари романтисте говоре, изъ слѣдуюће главе.

Глава XI.

Метежно село.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хотъ сроду онъ свярѣлъ.
 „Зачѣмъ пожаловать изволелъ въ мой вертепъ?“
 Спрасналъ онъ ласкаво.

А. Суляроковъ.

Я оставимъ генерала и похитимъ на мой конакъ. Савельиѣ ме сретне съ обичнымъ своимъ увѣштыванѣмъ. „Господине, добыю си опеть волю, съ пѣнимъ разбойницама разговарати се! Пристон ли се то боярскомъ дѣтету? Незгоданъ часъ! ма ни за шта можешъ пропасти. И да си ишао разговарати се съ Турцима или Шведима, ни по яда, а ово е грѣхота и казати съ киме.“

Я му пресѣчемъ рѣчь съ пытанѣмъ: koliko имамъ юшть свега новаца? „За тебе доста,“ одговори онъ са задовольнымъ лицемъ. „Айдуци ма како да су преметали и тражили, опеть иѣ нашли нису, я самъ иѣ знао тако сакрити.“ И съ тимъ рѣчма извади онъ азъ цѣпа дугачку завезану кесу, пуну сребра. Савельиѣу, речемъ му я, дай мени половину, а другу узми себи. Я идемъ у тврдиню Бѣлогорску.

„Баѣушко Петре Андриѣвиѣу!“ рече добрый стараць дрѣхуѣимъ гласомъ. „Боишъ ли се ты Бога; како бы се отиснуо на путь у садашнѣ време, кадъ се нигдѣ одъ разбойника проѣи не може! Пожали баръ твоє родителъ, кадъ самъ себе не жалишъ. Куда ћешъ? Зашто? Причекай мало, доѣи ће войска, отераће айдуке; онда иди куда годъ хоѣешъ, ма и на све четири стране свѣта.“

Я самъ быо постоянь у моіой намѣри. Доцканъ є разсуђавати, одговоримъ я старцу. Я морамъ ићи, другчіє ніє. Не тужи, Савельићу; Богъ є милостивъ; мы ћемо се опетъ видити! Пази на себе, немой се бринути, немой тужити. Купи, што ти нужно буде, ма како да є скупо. Новце те я теби поклонямъ. Ако се за три дана я не вратимъ

„Шта є то господине?“ уђе ми Савельић у рѣчь. „Да я тебе самогъ пустимъ! То и на сну немой казати. Кадъ си се ты рѣшио ићи, то ћу и я за тобомъ, полагаю, пѣшке, я безъ тебе остати нећу. Шта, да я овдѣ сѣдимъ! безъ тебе за каменитомъ стѣномъ: вальда самъ полудіо? Воля твоя господине, а я безъ тебе остати нећу.“

Я самъ знао, да бы се съ нѣимъ бадава прео, я дозволимъ му да се за путъ спрема. Дѡ по сата я сѣднемъ на доброгъ коня, а Савельић на мршаву и рому кљосину, кою му є єданъ одъ градски жителя поклоніо, не имаюћи є чимъ ранити. Мы дођемо къ градскимъ вратима, стража насъ пропусти. Мы изиђемо изъ Оренбурга.

Почне се смрковати. Путъ є мой ишао покрай села Бердской, стана Пугачева. Правый путъ покривень є быо снѣгомъ; но по свой пустини виђаше се трагъ коньскій, посвєднєвно поновляваный. Я самъ трчао, Савельић єдва є по изъ далека за многъ ићи могао, и викао є за многъ често: „Лакше, господине, Бога ради, лакше! Проклета моя кљосина не може да се држи за твоимъ дугоногимъ бѣсомъ. Куда хитишь? Вальда у сватове Петре Андрієвићу! Господи владико пропашиће боярско дѣте.“

Скоро се засвѣтле ватре у Бердской. Мы смо ишли преко кланаца, природны укрѣплѣня села. Савельић одъ мене ніє изостаю, повтєраваюћи жалостне своє молбе. Я самъ се надао да ћемо село срећно проћи, но усданпутъ у сумрачку опазимъ предъ собомъ петъ селяка, наоружаны батинама, то є была предня стража Пугачевлѣвогъ стана. На насъ викну. Я не знаюћи паролу, хтѣо самъ ћутѣи мимо нѣи проћи, но они мене тай часъ обколе, и єданъ одъ нѣи ухвати коня мога за узду. Я изтр-

гнемъ саблю, и ударимъ тога по глави, капа му спадне, онъ се залюля и испусти изъ руке узду. Остали се забуне и побѣгну. Я се овимъ магновенѣмъ ползуемъ, подбодемъ коня, и потрчимъ.

Помрчина приближуюће се ноћи могла е мене одъ сваке опасности избавити, да се само Савельиѣ за мномо држати могао. Бѣднѣй стараць, на своемъ ромомъ коню нѣ могао одъ пустяхія утеѣи. Шта самъ лмао радити? Морао самъ га неколико минута чекати, и да бы се увѣрио о томъ, дали е онъ задржанъ, повратимъ коня, и упутимъ се да нѣга тражимъ.

Пошавши къ кланцу, чуемъ изъ далека вику, дреку и гласъ мога Савельиѣа. Я похитимъ брже, и брзо видимъ се опетъ међу стражарима, кои су ме пре неколико минута зауставили были. Савельиѣ е было међу нѣима. Они су свалили старца съ нѣгове ключине и спремали су се да га вежу. Долазакъ мой нѣи обрадуе, они съ викомъ нагну на мене, и у едномъ магновеню свале и мене съ коня. Еданъ одъ нѣи, као што се чиняше найстарѣи, объяви нама, да ће насъ овай часъ къ господару водити. „А нашемъ баѣушки,“ дода онъ, „на вољи стои, хоће ли васъ одма обѣсити, или ће чекати данъ докъ сване.“ Я се нисамъ противю; Савельиѣ в слѣдовао примѣру моме, и стражари поведу насъ са славомъ.

Мы оставимо кланаць, и одемо у село. По свима кућама горѣла е ватра. Са свы страна чула се вика. Путемъ самъ сретао много людѣи, но мене нико опазю нѣ, и у мени нико нѣ познао оренбургскогъ офицера. Насъ одведу къ едной кући, на рогию раскршѣа. На врати исте куће стаало е неколико вински бурадѣи и два топа. „Ево и двораць“, рече еданъ одъ пратиоца, „овай часъ прѣвићу васъ.“ Онъ оде у кућу. Я погледимъ на Савельиѣа, стараць се крстю молеѣи се у себи Богу. Я самъ дуго чекао. Найпоследѣ селякъ мой врати се и рече ми: „Улази, нашъ е баѣушка заповѣдио да офицера къ нѣму доведемо.“

Я уѣдемъ у оцаклю, или у двораць, како су е селяци називали. Она е освѣтлѣна была двѣма лоянима свѣћама, а зидови были су улѣплѣни златномъ артіомъ, у осталомъ столице, трапеза, умиваоница

о узицама, убрूसъ о клину, жарачъ у роглу, широка пећъ са отворенимъ вратима, у пећи лонаць — све е было као у обычной оцаклии. Пугачевъ сѣдио е у прочелю, на нѣму быаше богатый кафтанъ и высокая капа. Онъ се было подбочіо; хотећи тимъ неку важность показати. Около нѣга стаяли су неколико одъ знаменитіи нѣговы другара, съ видомъ притворне еднострастности. Примѣтити се могаше, да е гласъ о долазку офицера изъ Оренбурга побудио у бунтовницама велико любопытство, и да су се они спремали да мене торжественно дочекаю. Пугачевъ како ме погледи, одма ме позна. Притворне важности нѣгове одма не стане. „А, ваше благородіе!“ рече онъ мени ватрено. „Како се владашь? одъ куда те Богъ донесе?“ — Я му одговоримъ, да самъ ишао моимъ посломъ, и да су ме люди нѣгови зауставили. „А каквымъ посломъ?“ запыта онъ мене. Я нисамъ знао, шта ћу одговорити. Пугачевъ, мыслећи, да се я нисамъ при свѣдоцима изразити хотѣо, окрене се къ своимъ другарима и рече їмъ, да и айћу. Сви послушаю, осимъ двоице, кои се съ мѣста макнули нису. „Казуй слободно предъ овима,“ рече мени Пугачевъ; „я одъ нѣи ништа не таимъ.“ Я погледимъ попрело на напрснике самозванца. Еданъ одъ нѣи, дебео и сгрбљенъ старчићъ са сѣдомъ брадомъ, ништа примѣтително не имаѣаше на себи, осимъ плаветне ленте, надѣнута преко плећа по жутой хальини. Никада пећу заборавити нѣговогъ другара. Овай е было высокъ узрастомъ, снажанъ и широки грудій, и чиняше ми се да е имао око четрдесетъ и петъ година. Густа риѣаста брада, жуте шкилавѣ очи, цосъ безъ ноздрва, црвене пеге на челу и на образима, придавале су нѣговомъ намрштеномъ лицу израженъ неизяснливо. Онъ е было у богатомъ прслуку, у кирхійскимъ хальинама и козачкимъ чакширама. Првый (како самъ после дознао) было е побѣгшии капларъ Бѣлобородовъ; другій Атанасіе Соколовъ (прозванный Хопушей), великій преступникъ, трипутъ побѣгшии изъ симбирски рудоконья. Не сматраюћи на чувства, коя су мене особито потресала, друштво, у комъ се я изъненада наѣмъ, сильно е развлачило мое воображенъ. Но Пугачевъ до-

веде ме къ себи своимъ пытанѣмъ. „Казуй : каквымъ си посломъ ты изишао изъ Оренбурга?“

Чудна мысао дође мени у главу: мени се чиняше да провидѣнїе, кое ме по другій путь къ Пугачеву доводи, мени прилику дае, да намѣру свою у дѣйство приведемъ. Я се рѣшимъ овомъ ползовати се, и не имаюћи времена промышляти, хоће ли то быти добро или не, на што самъ се рѣшио, одговоримъ на пытанѣ Пугачева :

— Я самъ пошао у тврдию Бѣлоговску, да избавимъ сироту, коіой се тамо обида твори.

Очи у Пугачева зажаре се. „Ко одъ мои людїи сме сироти обиду творити?“ викне онъ. „Ма да му е чело одъ седамъ педльїи, опетъ судъ мой избѣћи неће. — Казуй: кои е тай криваць.“

— Швабринъ е криваць — одговоримъ я. Онъ држи подъ затворомъ ону дѣвойку, кою си ты видїо болестну кодъ попадіе, и силомъ хоће съ нѣомъ да се вѣнча.

„Я ћу научити Швабрину!“ рече оштро Пугачевъ. „Онъ ће познати, како е кодъ мене по своіой ћуди радити и народъ обиђавати. Я ћу нѣга обѣсити.“

„Дозволи ми, да и я кою речемъ,“ прослови Хлопуша загушенымъ гласомъ. „Ты си се затрчао, кадъ си Швабрину командантомъ тврдинѣ поставїо, а садъ опетъ затрчавашъ се обѣсити га. Ты си већ ожалостїо козаке, учинивши дворанина нѣнынмъ старѣшиномъ; не плаши баръ сада дворане, казнећи нѣи на прву тужбу.“

„Не треба нѣи жалити, не треба нѣи штедити,“ рече старчињ у плаветной ленти. „Швабринъ е заслужїо казанъ; а не бы сгорегъ было и овогъ господина офицера редомъ испитати, шта онъ извольва захтѣвати. Ако онъ тебе за господара не признае, то не може одъ тебе ништа искати. а ако те признае, то зашто е до данасъ сѣдїо у Оренбургу съ твоимъ неприятельима? Хоћете ли заповѣдити, да га одведемъ подъ затворъ, мени се чини да е нѣгова милость послана овамо къ нама одъ оренбургкии заповѣдника.“

Логика старогъ зликовца мени се доста убѣдїтелна покаже. При мыслима, у чїма се рукама нала-

зямь, студень прође крозь све мое тѣло. Пугачевъ примѣти мою смутню. „Како“ ваше благородіе?“ рече мени намигуюћи. „Фелдмаршалъ мой, чини ми се, да истину говори. Како ты мыслишь?“

Шала ова Пугачева мене ободри. Я спокойно одговоримъ, да се налазимъ у нѣговой власти, и да онъ може, што годъ хоће, са мною учинити.

„Добро“, рече Пугачевъ. „Садъ кажи, у каковомъ е станю вашъ градъ.“

— Хвала Богу — одговоримъ я: у добромъ.

„У добромъ?“ повтори Пугачевъ. „А народъ умира одъ глади!“

Самозванаць говоріо е истину, но я, по дужности заклетве, станемъ га увѣравати, да су то све лажљиви гласови, и да у Оренбургу има довольно ране.

„Видишь“, прихвати старчићъ, „да онъ тебе на очигледъ вара. Сви бѣгунци досадъ еднако казую, да е у Оренбургу гладъ и поморъ, да тамо еду стрвине, и то у сласть: а нѣгова милость насъ увѣрава, да тамо има свашта доста. Ако ты Швабринѣ обѣсишь, то на иста вѣшала обѣси и овогъ младића, да се еданъ на другогъ не могу срдити.“

Рѣчи проклетогъ старчића, виђаше се, да су Пугачева смутиле. Но Хлопуша, на срећу, стане сасвимъ противно говорити. „Доста, Наумићу, доста“, рече му онъ. „Ты бы све потукао и повѣшао. А, да здравъ си ми и ты юнакъ. Осврни се мало и на душу. Та и самъ си већъ едномъ ногомъ у гробу, па бы и друге све потукао. Или мало е заръ крви на твојој савѣсти?“

— А какавъ си ми ты угодникъ? — одговори Бѣлородовъ. Одъ кадъ ты тако милостивъ постаде?

„Безъ сумњъ“, одговори Хлопуша, „да самъ и я грѣшанъ, и да е ова рука (ту онъ пружи свою коштунаву песницу, засуче рукавъ, и обнажи космату руку), и да е ова рука много христіјанске крви пролила. Но я самъ убио непријателя, а не госта; на слободномъ полю и у тавној шуми, а не кодъ куће, сѣдећи за пећкомъ; танетомъ и борбомъ, а не бабскимъ чаговоромъ.“

Стараць се на другу страну окрене, и рече: „безноздрваць!“

— Шта ты тамо старче съ испуцаномъ брадомъ брбляшь? — викне Хлопуша. Даћу я теби, безноздрваць; кои часъ, доћиће време; даће Богъ, омисаћешъ и ты кльште А садъ чувай се, да ти браду не испучамъ!

„Господо ђенерали!“ — съ важности рече Пугачевъ; „што се вы сваћате, шта в мени до тога, ма се све оренбургке кучке о одной греди люляле и ногама копрцале: но несрећа е, кадъ се пси између себе поколю. Но, помирити се.“

Хлопуша и Бълбородовъ не проговоре ни рѣчи и попреко еданъ на другогъ погледе. Я видећи, да е не обходно нужно да се овай нѣинъ разговоръ на другій измѣни, кои е лако на мою велику неугодность окончати се могао, окренемъ се къ Пугачеву и съ веселымъ лицемъ речемъ му: О! я самъ быю и забораѳю, да ти за коня и бунду благодаримъ, безъ тебе я не бы могао доћи до града и морао бы се смрзнути на путу.

Досѣтливость моя бы пробитачна. Пугачевъ се развесели. „Дугъ е лѣпъ кадъ се исплати,“ рече онъ, сміюћи се и очима жмигаюћи. „Садъ ми дакле кажи, каква ты имашъ посла съ томъ дѣвойкомъ, којой е Швабринъ обиду учиніо? Да ніе ту каква любовъ умѣшана? но?“

— Она е моя невѣста — одговоримъ я Пугачеву, видећи благопріятну промѣну погоде, и не налазећи потребе сакривати истину.

„Твоя невѣста!“ викне Пугачевъ. „Што ми то пре ниси казао? Мы бы тебе досадъ оженили и на свадби твоей провеселили се!“ Затимъ окрене се Бълбородову. „Треба да знате, фелдмаршале! да смо мы съ нѣговымъ благородіемъ стари пріятельи, стари познаници; сѣдите да вечерамо: старіе в ютро одъ вечера. У ютру ћемо видити, шта ћемо радити.“

Я самъ радъ быю те части одрећи се, но другачіе ніе быти могло. Двѣ младе козачкинѣ, кѣри домаћина, поставе трапезу бѣлымъ чаршавомъ, донесу хлѣба, суве обарене рибе, неколико флаша вина и

рума, и я по другій путь наѣмъ се за едномъ трапезомъ съ Пугачевымъ и нѣговымъ страшнымъ друштвоу.

Часть, кое самъ и я быо несреѣный учестникъ, продужавала се до дубоке ноѣи. Найпосле румъ навлада друштво. Пугачевъ задрема, съдеѣи на свомъ мѣсту, друштво нѣгово устане и да и мени знакъ. Я изиѣмъ одма съ нѣима. По уредби Хлопуше, стражаръ одведе мене у одреѣеный ми конакъ, гдѣ наѣмъ и Савельиѣа, и гдѣ и мене съ нѣимъ заедно подъ затворомъ оставе. Стараць видеѣи све шта се сбывало, быо е у такомъ изумльню, да ме ништа запытао нѣе. Стараць легне, и дуго е у помрчини уздисао и хукао; найпосле захрче; а я се предамъ мыслима, кое ми сву ноѣ ни на едно магновенѣ задремати не дадоше.

У ютру Пугачевъ пошлѣ по мене. Я одемъ къ нѣму. На вратима нѣговимъ стаяле су саонице, съ три татарска коня ухваѣена. Народъ се скупіо на улици. Я у ходнику сретнемъ Пугачева. Онъ е быо за путь спреманъ. На нѣму быяше скупцоѣна дбунда и кирхійска капа. Синоѣнѣ друштво окружавало е нѣга. Онъ е узео на себе видѣ едно страстности, кое е яко противусловило свему што самъ синоѣнѣ видіо. Пугачевъ се весело са мноу поздрави, и рече ми да сѣднемъ съ нѣимъ у саонице.

Мы сѣднемо. „У тврдню Бѣлогорску!“ рече Пугачевъ широкоплеѣемъ татарину, кои е конѣ тѣрао. Крвь у жилама моима стане. Конѣ поѣу, звонце зазвони, саонице полете

„Стани! стани!“ разлегне се гласъ мени познатый, и я видимъ Савельиѣа трчеѣа нама на сусрѣтъ. Пугачевъ заповѣди стати. „Баѣушко Петре Андриѣвиѣу!“ рече стараць. „Не оставляй ме старога. меѣу овимъ разб“ А старый враже! рече Пугачевъ. Опетъ насъ Богъ састави. Но, сѣди на облциу.

„Богъ те благословио, господару; Богъ те благословио, роѣеный отче!“ говоріо е Савельиѣнѣ посаѣуюѣи се. „Да те Богъ сто година поживи, кадъ си на мене старца погледао и смиловао се. До вѣка ѣу

се за тебе Богу молити, а за зечію ѣурдію неѣу више споминяти.“

Ова шала са зечіомъ ѣурдіомъ могла є найпосле увредити Пугачева. На среѣу, самозванаць или га ніє чуо, или се невѣштъ учиніо. Конѣи су трчали. Народъ є на улици стаюо и кланюо му се до землѣ. Пугачевъ нагибао є главу на обѣ стране. За єдно магновенѣ мы изиѣемо изъ села, и упутимо се главному друму.

Лако се може представити, шта самъ я у то магновенѣ чувствоао. Надао самъ се, да ѣу се до неколико сатій съ ономъ састати, кою самъ држао веѣъ изгублѣномъ за мене Я самъ представляо себи магновенѣ нашегъ састанка Мысліо самъ такоѣе и о томъ човѣку, у чіи руку нахоѣаше се моя судба, и кои по особитомъ течаю обстоятелства, тайно са мному у великой свези быаше. Я самъ представляо себи нѣгову жестину и крволочность, нѣгову немилосрдность и богомрске обичає, и садъ као избавителя мое любезне, найвеѣма грозіо самъ га се. Пугачевъ ніє знао, да є она была кѣи капетана Миронова; озлоблѣный Швабриянь могао му є све одкрити; Пугачевъ є могао дознати истину и другимъ начиномъ Тада шта ѣе бити съ Маріомъ Ивановномъ? Ледъ проѣе крозь мое тѣло, и коса ми се на глави наєки.

У томъ Пугачевъ прекине мое мысли, питаюѣи ме:

„Што се ваше благородіє тако замыслило?“

— Како се не бы замыслио, — одговоримъ я нѣму. Я самъ офіциръ и дворянинъ, синоѣъ самъ се іоштъ боріо противъ тебе, а данасъ путуємъ съ тобомъ на єднимъ саоницама, и среѣа цѣлогъ могъ живота зависи одъ тебе.

„Шта?“ запыта Пугачевъ. „Ты си се уплашіо?“

Я одговоримъ, да, бывши єданнутъ одъ нѣга помилованъ, надао самъ се не само да ѣе ме поштедити, но да ѣе ми и помоѣи.

„Ты си честитъ младиѣъ, то Богъ види!“ рече самозванаць.

„ Ты си видіо, да су мои оmlађи погледали на тебе попрeko, а стараць є и данасъ то потврђавао, да си ты шпиунъ, и да те треба на испить узети и обђснати; но я се на то склоніо нисамъ,“ дода онъ, съ нижимъ гласомъ, да га Савельићъ и татаринъ не бы могли чути — „опоминюћи се твоє боце вина и зєчїє ћурдїє. Ты видишь, да я іоштъ такїй крволокъ нисамъ, као што о мени ваша браћа говоре.“

Я опоминюћи се шта є у тврдиньї Бѣлогорской починіо, не наћемъ за нужно съ нїмє се прети, и ни рѣчи му не одговоримъ.

„ Шта говоре о мени у Оренбургу? “ запыта, после краткогъ ћутаня Пугачевъ.

— Говоре, да є съ тобомъ тешко на край изићи; єдномъ рѣчи, дао си се ты познати за велика юнака.

На лицу самозванца виђаше се изображено самолюбљ.

„ Єсть,“ рече онъ съ веселымъ лицемъ. „Я воюемъ свуда срећно. Знаю ли кодъ васъ у Оренбургу о биткї подъ Юзеевымъ? Ту є четрдесетъ генерала убїєно, и четири арміє заробљєно. Шта мыслишь: прускїй краль бы ли се могао са мномя клипка повући? “

Хвала айдука буде за мене забавна. Као што самъ мыслишь, речемъ му я, ты се сравнивашъ съ Фридрихомъ.

„ А съ Тедоромъ Тедоровићемъ? А како не? Съ вашима генералима, видишь, я се боримъ, а они су нїга били. До сада є оружї мое было срећно. До краткогъ времена, докъ на Москву поћемъ, быће іоштъ срећнїє. “

— А мыслишь ићи на Москву?

Самозванецъ се нешто замысли, и рече полакше. „Богъ зна іоштъ како ће быти. Путови су мои стеснїни, а и я самъ волю изгубїо. Момци се мои умалєваю. Они су айдуци. Я морамъ быти на опрезу; при првої прилици они ће икупити вратъ свой моїомъ главомъ.“

— Тако, тако! — речемъ я Пугачеву. Не были было болъ за тебе, да се ты самъ благовремено одъ

вѣя уклонишъ, и да прибѣгнешъ къ милосрдности государинѣ?

Пугачевъ се здраво насмѣ. „Не,“ одговори онъ, „доцне є то за мене. За мене нема помилованя. Радићу као што самъ почео. Пакъ шта да Богъ. Гришка Отрепѣвъ, знашъ, царствовао є надъ Москвомъ.“

— А знашъ ли, како є онъ окончало? Нѣга су бацили съ прозора, изсѣкли, спалили, пепео нѣговъ у топъ метнули и избацили!

„Слушай“ — рече Пугачевъ съ особитимъ некимъ удуновенѣмъ. „Приповѣдићу ти єдну сказку, кою ми є у дѣтнству єдна стара калмучкня приповѣдала: Єданпутъ орао запыта гаврана: кажи, гавранъ-птицо, одъ чега живишъ ты на бѣломъ свѣту триста година, а я свега само тридесетъ и три? — Одъ тога, баћушко, одговори нѣму гавранъ, што ты пѣєшъ живу крвѣ, а я се ранимъ стрвинама. Орао мысляше: дай де и мы да покушамо тимъ рани се. Добро, одлети орао и гавранъ. Они виде єдну коньску стрвѣ; спусте се и стану. Гавранъ стане клювати и похвальвати. Орао клює єданпутъ, клює другій путъ, мане крилма и рече гаврану: не брате гавране; зашто триста година да се ранимъ стрвиномъ, кадъ є болѣ єданпутъ наринити се живомъ крви, па после, шта Богъ да! — Шта вели калмучка сказка?“

— Хитроумна є — одговоримъ я нѣму. Но живити одъ убиства и хараня значи кодъ мене клювати стрвину.

Пугачевъ погледи на мене съ удивлѣнѣмъ и ништа не одговори. Насъ обоица, пустивши се свакій у свое мысли, ућутимо. Татаринъ є пѣвао свою айдучку пѣсму; Савельићъ, дремаюћи, люляо се на облици. Саонице су летиле по гладкомъ зимнѣмъ путу. . . . И я опазимъ сеоце на неравномъ брегу Яика съ палисадима и звоникомъ — и за четвртъ сата ућемо мы у тврдию Бѣлогорску.

Глава XII.

Сирота.

Какъ у нашей у пблоньки
 Ни верхужн нѣтъ, ни отросточекъ;
 Какъ у нашей у княгинюшки
 Ни отца нѣту, ни матери.
 Снарядить-то се некому,
 Благословить-то се некому.

Сватовска пѣсма.

Саонице се зауставе предъ ходникомъ командантове куће. Народъ в познао звонце Пугачева и го-и-ялама трчао в за нѣимъ. Швабринъ истрчи предъ самозванца у ходникъ. Онъ већъ нѣ имао браде и было в у козачко одѣло обученъ. Одметникъ помогне Пугачеву са саоница сићи се, изясняваюћи му у подломъ израженю свою радость и усрдность. Видећи мене, онъ се смути; но брзо се охрабри, и пружи ми руку говорећи: „И ты си дакле нашъ? Давно бы требало!“ — Я се окренемъ одъ нѣга и ништа му не одговоримъ.

Срдце мое у мени се запти, кадъ се мы у давно мени познатой соби видимо, гдѣ в о зиду јоште и садъ висила диплома покойнога команданта, као жалостна епифанія прошастоме времену. Пугачевъ сѣдне на онај диванъ, на комъ в често дремао Иванъ Кузмићъ, уморенъ чанъканѣмъ свое супруге. Швабринъ самъ понуди га съ водкомъ. Пугачевъ испіе чашу и рече му, показуюћи на мене: „Послужи и нѣгово благородіе!“ Швабринъ дође къ мени са своіомъ повудомъ: но я по другій путь окренемъ се одъ нѣга. Онъ се виѣаше самъ да нѣ свой. При обич-

ной нѣговой предосторожности, онъ е, безъ сумнѣ, видіо, да Пугачевъ съ нѣмъ нѣе задоволянь. Онъ е дрктао предъ нѣмъ, а на мене е погледао съ негодованѣмъ. Пугачевъ е пытао о станю тврдинѣ, о неприятельской войсци, и овомъ подобна, и у еданпутъ изненада запыти га: „Кажи братацъ, какву дѣвойку ты кодъ тебе подъ затворомъ држишь? Покажи ми е.“

Швабринъ побледи као мртавъ. Господаре, рече онъ дркѣушимъ гласомъ: Господаре, она нѣе подъ затворомъ она е болестна она лежи у малой собици.

„Одведи ме къ нѣой,“ рече самозванацъ, устаюћи съ мѣста. Изговарати се нѣе было мѣста. Швабринъ поведе Пугачева у собу Маріе Ивановне. Я самъ за нѣима ишао.

Швабринъ се застави на степенима. „Господаре!“ рече онъ, „вы имате власть одъ мене захтѣвати, што годъ вамъ е повольно, но не пуштайте у спаваѣу собу къ моіой жени туѣина.“

Я се затресемъ. Шта? ты си оженѣнъ! речемъ Швабрину, готовеѣи се да га разстргнемъ.

„Лакше!“ рече ми Пугачевъ. „То е мой посао. А ты“ — настави онъ окренувши се къ Швабрину — „не мудруй и не пренемажи се: была она жена твоя, или не, я ѣу довести къ нѣой кога хоѣу. Ваше благородіе, айде за мною.“

На врати собице стане опетъ Швабринъ, и рече прекидливимъ гласомъ: „Господаре, напредъ вамъ являемъ, да е она врло болестна, и одъ три да-на веѣъ у вруѣици.“

— Отвори — рече Пугачевъ.

Швабринъ стане тражити по цеповима, и рече, да нѣе донео собомъ ключъ. Пугачевъ удари врата ногомъ, брава одскочи, врата се отворе, и мы уѣемо.

Я погледимъ, и обамремъ. На земљи, у селячкомъ одѣлу, сѣдила е Марія Ивановна, бледа, слаба, са забаруженомъ косомъ. Предъ нѣомъ е стаяо крчагъ, покривенъ комадомъ хлѣба. Видивши мене, она се препадне и викне. Шта се онда са мною стало — ме опоминѣиъ се.

Пугачевъ погледнѣ на Швабрина, и рече съ жалостнымъ насмѣхомъ: „Добаръ е у тебе лазаретъ!“ После оде къ Маріа Ивановной: „Кажѣ ми, голубице, зашто те твой мужъ тако казни? шта си му скривила?“

— Мой мужъ! — повтори она. Онъ ніе мой мужъ. Я нигда нѣгова жена быти небу. Я волимъ умрети, и умребу ако ме не избавите.

Пугачевъ погледнѣ грозно на Швабрина. „И ты си смѣо мене преварити!“ рече му. „Знашь ли бездѣлниче, шта си заслужио?“

Швабринъ падне на колѣна У то магновенѣ презрѣнѣ загуши у мени сва чувства ненависти и гнѣва. Мрзко е мени было гледати на дворанина валяюћа се предъ ногама исподъ казни утекшега козака. Пугачевъ се умекша. „Садъ бу ти опростити!“ рече онъ Швабрину: „но знай! да ће ти се при првой погрѣшки и ова у рачунъ узети.“ После окреме се къ Маріа Ивановной и рече іой умилно: „Устай лѣпа дѣвойко; ты си слободна. Я самъ господаръ.“

Маріа Ивановна оштро погледнѣ на нѣга, и сѣти се, да предъ нѣомъ стои убица нѣны родителя. Она метне руке на очи и падне безъ чувства. Я полетимъ къ нѣой; но у то магновенѣ уће моя стара познаница Палаша, и почне хукати за своіомъ госпођомъ. Пугачевъ изиђе изъ собице и насъ трое одемо у трапезарію.

„Шта, ваше благородіе?“ рече ми после Пугачевъ сміюћи се. „Добысте лѣпу дѣвойку! Шта мыслишь, хоћемо ли послати по попу, да неће се онъ што за свою сродницу противити? Я молимъ, а бу быти кумъ, Швабринъ старый сватъ; сакрићемо се, — врата ћемо забравити!“

Чега самъ се бою, то се и догодило. Швабринъ чувши рѣчи Пугачева, изиђе изъ себе. „Господаре!“ вигне онъ у иступлѣню. „Я самъ кривъ, я самъ вамъ слагао, но и Гриневъ васъ е преварио. Та дѣвойка ніе сродница овдашињгъ попа: она е кћи Ивана Миронова, кой е казнѣнъ, кадъ е ова тврдиня узета.“

Пугачевъ устреми на мене ватрене очи. „Шта е то?“ запыта ме замышлѣнъ.

Швабринъ ти е истину казао — одговоримъ я съ постоянствомъ.

„А зашто ми ты ниси то казао?“ примѣти Пугачевъ, у комъ се лице помрачавало.

— Ты самъ разсуди — одговоримъ я нѣму, е ли можно было твоима людма казати, да е кѣи Мироннова жива. Та они бы ню изваракали. Ништа е не бы спасло!

„И то е истина,“ одговори Пугачевъ сміюћи се. „Мое піянице не бы несрећну дѣвойку поштедиле. Добро е урадила майка попадія, што ѿ е преварила.“

Видећи я да е онъ добро расположенъ, продужимъ овако: — „Я не знамъ како да ти кажемъ, и како да те назовемъ — а то башъ нећу ни да знамъ. ... Но Богъ види, да бы я животомъ моимъ радъ быо платити теби зато, што си ты меня учиніо. Само немой оно захтѣвати, што е противно части моіой и христіанской савѣсти. Ты си мой добротворъ. Доврши као што си почео: одпусти ме съ несрећномъ сиротомъ, па куда насъ Богъ одведе. А мы гдѣ годъ будемо, и ма съ тобомъ шта случило се, молићемо се Богу за спасенъ грѣшне твоє душе“....

Виѣшаше се, да е сурова душа Пугачева была тронута. „Нека ти буде!“ рече онъ; „кога треба казнити, тога казнимъ, коме треба опростити, томе праштамъ; то е мой обичай. Узми собомъ свою лѣпотницу; води е куда хоћешъ, и дао вамъ Богъ любовъ за савѣтъ!“

Тада се окрене къ Швабрину, и заповѣди му да ѿ изда пропустъ крозь све страже и тврдинъ нѣму подчинѣне. Швабринъ, сасвимъ оборенъ, стаю е као окаменѣнъ. Пугачевъ оде прегледати тврдиню. Швабринъ га е спроводио, а я останемъ да се на путь спремимъ.

Отрчимъ у собицу. Врата су была затворена. Куднемъ. „Ко е то?“ пытала е Палаша. Я се кажемъ. Милый гласъ Маріє Ивановне чу се иза врата. „Почекайте, Петре Андриѣвићу. Я се преоблачимъ. Идите къ Акулини Памфиловной: я ћу овай часъ тамо бити.“

Я самъ послушао, и поѣмъ куѣи отца Герасима. И онъ и попадія притрче къ мени на сусрѣтъ. Савельиѣ є нѣи веѣъ приуготовіо быо. „Здраво Петре Андрієвиѣу“ рече попадія. — „Богъ васъ є опетъ довео, да се видимо. Како живите? Сви смо васъ свакій данъ споминяли. А Марія Ивановна свашта є безъ васъ претрпила, голубица моя! . . . Кажите, любезный! како сте се вы то съ Пугачевымъ помирили! Како онъ васъ уморіо ніє? Добро, хвала зликовцу и зато!“ — Доста, бабо, — прекіне рѣчь отаць Герасимъ. Не говори све, што знашь. *Нема спасенія у многомъ говору.* Баѣушко Петре Андрієвиѣу! уѣите унутра, молимъ покороно. Давно, давно се видели нисмо.

Попадія почне мене угошѣавати, чимъ є Богъ дао, а меѣутимъ говорила є не прекідно. Она ми приповѣди, коимъ є начиномъ Швабринъ натерао нѣи, да му издаду Марію Ивановну: како є Марія Ивановна плакала, и ніє хотѣла съ нѣима растати се; како є Марія Ивановна съ нѣомъ разговарала се свакій данъ преко Палаше (дѣвойке слободне, коя є и редовника наговарала да кадгодъ у свое свирале свира), како є она усавѣтовала Марію Ивановну да мени пише писмо и т. д. Я одъ мое стране искажемъ іой на кратко мою исторію. Попъ и попадія кретили су се, кадъ су чули, да є Пугачевъ извѣштєнь о нѣиной обмани. „Насъ є сила часногъ креста спасла!“ говорила є Акулина Панфиловна. „Проведи, Боже, тучу мимо насъ. — О Алексо Иваниѣу, заиста си и неваляо човѣкъ.“ У само то магновенъ врата се отворе и Марія Ивановна уѣе съ умилнымъ лицемъ. Она є сбацила свое селячко одѣло, и обукла се по преѣашнѣмъ обичаю у одѣло просто и чисто.

Я є узмемъ за руку, и дуго нисамъ могао нирѣчи проговорити. Срце намъ є куцало и мы смо обое ѣутали. Домаѣини наши осѣте, да они нису за насъ и оставе насъ. Мы останемо сами, све є было заборавлѣно. Мы смо говорили, и нисмо се могли паразговарати. Марія Ивановна приповѣди ми све, што годъ се съ нѣомъ случило, одъ како є тврдиня узета. Описала ми є савъ ужасъ нѣногъ положая, сва питања, коима є ню гнусный Швабринъ подвргнуо. Мы смо

споминяли и некадашнѣ среѣно време Мы смо обое плакали Найпосле, я станемъ нѣой объяснати мое намѣре. Оставити ню у твердинѣи подвластной Пугачеву и управляной Швабриномъ, было е не могуѣно. Нисамъ другчіе могао мыслити ни о Оренбургу, кои е свыма неволяма обсаде и скорой пропасти изложенъ быо. У нѣни е было ни єдногъ сродника на цѣломъ бѣломъ свѣту. Я іой представимъ, да иде куѣи мои родителя. Она се съ почетка размышлявала, плашеѣи се строгости отца мога. Я е ублажимъ. Я самъ знао, да ѣе мой отаць за среѣу држати и да ѣе за дужность признати кѣерь єдногъ заслуженогъ войника примити, кои е за отачество погинуо. Мила Маріо Ивановна! речемъ іой найпосле, я те веѣѣ пошутемъ за свою жену. Чудна обстоятельства насъ су неразлучно саюзила; ништа на свѣту насъ не може разставити. Марія Ивановна саслушала е мене просто безъ притворне страшливости, безъ измышлѣны одговора. Она е осеѣала, да е судба нѣна была саєдинѣна съ моіомъ. Но она повтори, да другчіе не може бити моя жена, но само са сугласъмъ мой родителя. И я іой нисамъ противорѣчію. Мы се полюбимо срдачно, и искрено — и такимъ начиномъ све е было меѣу нама свршено.

После єдногъ сата редовникъ донесе мени пропустъ, подписанъ рукомъ Пугачева и позове ме къ нѣму, именовъ нѣговымъ. Не могу изяснити шта самъ осеѣао, раставляюѣи се съ тимъ ужаснымъ човѣкомъ, изродомъ, — зликовцемъ — за све, — осимъ мене єдногъ. Зашто истину да не кажемъ? — У то магновенѣ силно саучестіе вукло е мене къ нѣму. Я самъ здраво желію извуѣи нѣга изъ средине злочинаца, коима е онъ предводительствовао, и спасти нѣгову главу, докъ е іоштъ време было. Швабринъ и народъ, гомилаюѣи се около насъ, сбуне мене исказати све, чимъ е напуѣно было мое срце.

Мы се растанемо дружески. Пугачевъ видеѣи у гомили Акулину Панфиловну, преѣаше іой прстомъ и значайно на ню намигне, после сѣдне у саонице. Заповѣди терати у Берду, и кадъ се конѣи крену, то онъ іоштъ єданпутъ исправи се у саоницама, и викне мени: „Праштайте, ваше благородіе! Видиѣемо се о-

петъ гдѣгодъ.“ Мы смо се заишта и видели, но у каквимъ обстоятелствима!

Пугачевъ оде. Я самъ дуго гледао на бѣлу пустиню, по којой су летиле нѣгове саонице. Народъ се разиђе. Швабринъ се сакріе. Я се вратимъ у кућу свештеника. За нашъ одлазакъ све е већъ было спремлѣно; я нисамъ хотѣо више чекати. Добро наше све е было сложено у старе командантове путне саонице. Кочиѣши за часъ ухвате конѣ. Марія Ивановна оде опростити се съ гробовима свои родителя, кои су чело цркве саранѣни были. Отаць Герасимъ, и жена нѣгова, стаяли су у ходнику. Насъ трое сѣднемо у саонице: Марія Ивановна съ Палашомъ и я. Савельиѣ се скупи на лицу. „Прости, Маріо Ивановна, моя голубице! праштай Петре Андриѣвићу, соколе сивый!“ говорила е добра попадія. „Срећанъ вамъ путь, и срећни обое были!“ Мы поѣмо. На прозору командантске куће смотримъ Швабрина. Лице нѣгово представляло е црну злобу. Я нисамъ хотѣо веселити се надъ низвргнутымъ непріятелѣмъ, и окренемъ очи на другу страну. Найпосле мы на капию изиѣмо, и навѣкъ оставимо тврдию Бѣлогорску.

Глава XIII.

Тавница.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему,
Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.
— Извольте, я готовъ; но я въ такой надежды
Что дѣло объяснить позволите мнѣ прежде.

Княженинъ.

Составши се тако изненада съ миломъ мени дѣвойкомъ, о коіой самъ іоштѣ тога истогъ ютра тако горко узнемиренъ быо, нисамъ вѣровао себи и мысліо самъ, да е све, што годъ се са мною збыло, само пусто сновиѣнѣ. Марія Ивановна, замыслина, погледала е часъ на мене, часъ на путь, и виѣшаше се, као да се іоштѣ ніе освѣстила и къ себи дошла. Мы смо ѣутали. Срдца су наша еднако была уморна. Мы и не примѣчаваюћи, после едно два сата, видимо се уѣданпуть близу тврдинѣ, такође подвластне Пугачеву. Мы овдѣ промѣнимо конѣ. По брзини, коіомъ су ове упрезали, по прилѣжной услужливости брадатого козака, кога е Пугачевъ за команданта поставіо, я примѣтимъ, да су мене, хвала тороканю кочіяша, кои насъ е возіо, предусрѣтали као придворного любимца.

Мы поѣмо далѣ. Почне се смрковати. Мы се приближимо тврдиньци, гдѣ се, порѣчма брадатогъ команданта, налазаше силна войска, коя ешла да се са самозванцемъ саєдини. Мы будемо стражомъ заставлѣни. На пытанѣ: ко путуе? кочіяшъ громогласно одговори: „господаровъ кумъ са своіомъ домаћиньомъ.“ Одма насъ гомила хусара обколи са ужасномъ викомъ. „Силази се ѣволскій куме!“ рече

мени бркатый вахмистеръ. „Већъ ты ћешъ доћи у бувару, и съ твоіомъ домаћицомъ!“

Я се сићемъ са саоница и кажемъ їмъ, да ме одведу къ нѣномъ начелнику. Видѣши офицера, войници престану вѣкати. Вахмистеръ поведе ме къ маіору. Савельићъ одъ мене не останае, поговараюћи у себи: „Ето ти и господаревъ кумъ! Изъ єднога зла у горе Господи владико! какавъ ће овоме быти край?“ Саонице полагаю поћу за нама.

За петъ минута доћемъ къ кући, коя є здраво освѣтљна была. Вахмистеръ остави мене подъ стражомъ, а онъ оде да о мени яви. Онъ се тай часъ врати казавши ми, да ће нѣгово высокоблагородіє мене у свое време примити, а садъ є заповѣдію, да ме подъ затворъ, а домаћицу къ нѣму одведу.

— Шта є то? — викнемъ я у ярости. Вальда нїє съ ума сашао?

„Не знамъ, ваше благородіє,“ одговори вахмистеръ. „Нѣгово высокоблагородіє заповѣдило є, да ставимъ ваше благородіє подъ стражу, а нѣно благородіє да одведемъ къ нѣговомъ высокоблагородію, ваше благородіє!“

Я се устремимъ на врата. Стражари и нису хтѣли мене задржавати, я управо утрчимъ у собу, у коіой су шесть офицера играли карте. Маіоръ є давао банкъ. Каково є было мое изумлѣнїє, кадъ, погледавши на нѣга, познамъ Ивана Ивановича Зурина, кои є мене у симбирской гостіоници негда надиграо!

— Є ли можно? викнемъ я. Иванъ Ивановичъ! єси ли ты?

„Ба, ба, ба, Петре Андрієвићу! хоћешъ ли узети карту?“

— Благодаримъ. Болъ, заповѣди, да ме на конакъ одведу.

„Нашто ти конакъ? Остани кодъ мене.“

— Не могу: я нисамъ самъ.

„Па доведи овамо и друга.“

— Я нисамъ съ другомъ; я самъ съ госпоћомъ.

„Съ госпоћомъ! А гдъ си є уловіо? Ехе, брате! (При овима рѣчма Зуринъ тако изразително зазвѣкди, да су се сви засмѣяли а я се савршено смутамъ.)“

„ Но “ продужи Зуринъ; „таки ће бити! Добы-
ћешъ конакъ. Но жао ми е Мы бы се прове-
селили по старомъ Хей кепече! А што овамо не
доведе те и ту куму Пугачева? можда се она стыди?
Кажу юй, да се не бои: господинъ е учтивъ, неће е
ничимъ увредити, само е малко загрлити.“

— Шта ты то велишь? речемъ я Зурину. Ка-
ква кума Пугачева? То е кѣи покойногъ капетана
Миринова. Я самъ е избавио изъ робства, и садъ е
водимъ на добро отца мога, гдѣ љу е и оставити.

„ Како! Та мени су тако овај часъ о теби ка-
зали? Молимъ, шта то значи?“

— После љу ти све казати. А сада, Бога ради,
молимъ те, умири несрећну дѣвойку, коју су твоји ху-
сари уплашили.

Зуринъ се одма дигне. Изиде самъ на улицу,
извини се предъ Мариомъ Ивановномъ доста слабымъ
изражајма, и заповѣди вахмистру да е у најљпшиј
у граду конакъ одведу. Я останемъ за ту ноћ кодъ
нѣга.

Мы вечерасмо, и кадъ сами останемо, приповѣ-
димъ му све мое догађае. Зуринъ е мене съ внима-
нѣмъ саслушао. Кадъ я свршимъ а онъ мене главомъ
и рече: „То е, брате, добро; но едно нѣе добро: кои
те врагъ натента да се женишь? Я самъ поштень
офицеръ, я тебе обманъивати нећу; но вѣруй ты ме-
ни, да е женидба будалаштина. Куда ћешъ са же-
номъ, шта ћешъ съ дѣцомъ? Ей младости, лудости!
Послушай ты мене: одпусти ты капетанову кѣерь.
Путь е у Симбрскъ безопасанъ. Я самъ га очистио.
Пошли е у ютру саму къ родителъима твоима; а ты
остани у мојой войсци. У Оренбургъ немашъ се нашто
враћати. Можешъ опетъ пасти у руке бунтовници-
ма, а едва си се сада нѣи избавио. У томъ ће
проћи и тебе ватра любви, и све ће бити ладно.“

Ма да се я и нисамъ съ нѣимъ у свему сугла-
шавао, опетъ самъ осећао, да е часть моя изиски-
вала, да се у войсци императрице наћемъ. Я най-
после одобримъ савѣтъ Зурина: да пошлѣмъ Марию
Ивановну къ моима родителъима, а я да останемъ у
нѣговой войсци.

Савельићъ дође да ме свуче; я му явимъ, да се спреми на путь, и да ће сутра съ Мариомъ Ивано, вномъ одлазити. Онъ се као зачуди. „Шта є то-господине? Како бы я тебе оставіо? Ко ће за то-бомъ ићи? Шта ће рећи родители твои?“

Знаюћи упорство старца мога, намыслимъ до-бротомъ и искренности обманути га. Друзе мой, Ар-хипе Савельићу! речемъ му я. Не одреци ми, буди ми благодѣтель, послуга овдѣ мени оскудѣвати неће, а я нећу быти спокоюнъ, ако Марія Ивановна безъ тебе на путь пође. Узслушашъ ли ню, слушаешъ и мене, зато, што самъ се я твердо рѣшио, ню, како об-стоятельства допусте, себи за жену узети.

Тада се Савельићъ плѣсне рукама у неописа-номъ удивлѣню. „Оженити се!“ говораше онъ. „Дѣ-те хоће да се ожени! А шта ће рећи отаць, а шта ће мати казати?“

Дозволиће, заиста дозволиће, одговоримъ я, надъ познаду Марию Ивановну. Я се уздамъ и уте-бе. Отаць и мати теби ће вѣровати; ты ћешъ за насъ добру рѣчь рећи; хоћешъ ли?

Стараць є быо тронутъ. „Охъ, баћушко мой Петре Андрієвићу!“ одговори онъ. „Истина да си се ты рано науміо женити: но Марія Ивановна тако є добра, да є грѣхота ту прилику пропустити. Нека буде по вољи твоіой. Одвешћу є, анѣла божія, и робски казаћу твоимъ родителямъ, да такой невѣ-сти и не треба мираза.

Я благодаримъ Савельићу, и за ову ноћъ оста-немъ на конаку кодъ Зурина. Я дођемъ у ватру и упустимъ се у великій разговоръ. Зуринъ се съ по-четка са мною радо разговарає; но мало по мало ста-не реће говорити; наипосле у мѣсто одговора на ка-кво пытанъ, онъ захрчи и заспи. Я ућутимъ и на скоро по примѣру нѣговомъ учинимъ.

Другій данъ у ютру одемъ къ Маріи Ивановной. Я іой кажемъ, шта самъ намыслио. Она то за добро нађе и тай часъ са мною сугласи се. Войска Зури-на морала є іошть тай данъ изъ града изићи. Ни-шта се ніє могло чекати. Я се ту растанемъ съ Ма-риомъ Ивановномъ, препоручимъ є Савельићу, дамъ іой писмо на мов родитель. Марія Ивановна пла-

кала е. „ Съ Богомъ, прашай Петре Андрієви-
ћу;“ рече она тихимъ гласомъ. „ Хоћемо ли се кад-
кадъ видити или не: то самъ еданъ Богъ зна; но я
никако на тебе заборавити нећу: до гроба ћешъ мога
ты остати у момъ срцу.“ Я ништа нисамъ могао од-
говорити. Люди су се око насъ испутили. Я нисамъ
се хтѣо предъ нѣма предати чувствама, коя су мене
трзала. Найпосле она оде. Я се вратимъ къ Зурину,
смућенъ и ћутећи. Онъ хѣаше да ме развесели, я
самъ и самъ то желію, мы проведемо данъ у разго-
вору и шали, а у вече кренемо се на походъ.

То е было съ концемъ Фебруара. Зима, коя е
затрућавала воено напредованъ, пролазила е, и наши
ћенерали спремали су се къ узаямномъ дѣйствованю.
Пугачевъ е све еднако іошть стаяо подъ Оренбур-
гомъ. Међутимъ около нѣга войске су се саядняява-
ле и са свію страна къ гнѣзду злочинаца приближа-
вале. Бунтовничка су села, видећи нашу войску,
предавала се, чете разбойника свуда су испредъ насъ
бѣжале, и све е предсказивало брзый и срећный
край.

На скоро кнезь Голицинъ, подъ тврдиньомъ Та-
тишчевой, разбіе Пугачева, растера нѣгове чете, О-
ренбургъ ослободи, и чиняше се, да е бунту послед-
ный и рѣшителный ударъ задао. Зуринъ е было у то
време одрећенъ противъ чета башкирски бунтовни-
ка, кои су се пре разбѣгли, него што смо їй мы
видили. Пролеће насъ затече у селу Татарской. Рѣ-
ке се разлію, и путови направе се непроходнима. Мы
смо се тѣшили у нашої безпослености мысли, да ће се
што скоріе ова крвава и жалостна война съ разбой-
ницама и дивляцима прекинути.

Но Пугачевъ нѣе было ухаћенъ. Онъ се пока-
же кодъ симбирски залива, скупи тамо нове чете, и
на ново започне злочинства своя. Глашь о нѣго-
вимъ успѣсима на ново се распространи. Мы дозна-
мо да е разорена тврдиня Симбирскъ. На скоро глашь
о узећу Казана и о походу самозванца на Москву у-
плаши начелнике воинства, кои су безконечно дрема-
юћи у надежди презирали безсилность бунтовника.
Зуринъ добые налогъ да преће преко Волге.

Нећу описивати нашъ походъ и окончанъ войне. У кратко ћу казати, да е невоља наша долазила до највеће крайности. Прављѣніе было е свуда укинута; жители сакривали су се по шумама. Чете разбойничке свуда су злочинствовале; начелници воєны одѣљња самовластно су казнили и помиловали; станъ цѣлога пространога предѣла, гдѣ е свирѣпствовао пожаръ, было е ужасно . . . Недай Боже! Русија више овакы безсмислены и безштедны побуна!

Пугачевъ е бѣжао. Нѣга е гонио Иванъ Ивановичъ Михельсонъ. Брзо се мы извѣстимо, да е онъ савршено разбивъ. Наипосле Зуринъ добые извѣстїе, да е самозванаць ухваћенъ, и тимъ скупа заповѣсть, да се далъ не креће. Я самъ скакао као дѣте. Зуринъ се смѣяо, и слежући раменима говорио: „ Ты се справляшъ за женидбу — но какаћешъ се.“

Но међутимъ особито неко чувство тровало е мою радость: мысао о зликовцу, обрзганомъ крви толико невины жертва, и о казни, коя га е очекивала, мене е врло смућавала: Емелю, Емелю! мысліо самъ я тужећи, зашто се не натаче на какавъ баионетъ, или не подвргну се подъ какавъ картачь? Ништа одъ тога болъ за тебе не бы было. А шта ћешъ сада радити? Мысао о нѣму не различна е была у мени съ мысли о поштеди, съ коіомъ е онъ мене, у едномъ одъ ужасны у животу нѣговомъ магновеня, предусрѣо, и о избавлѣнію мое невѣсте изъ руку гнусногъ Швабрина.

Зуринъ ми даде одпустъ. За неколико дана могао самъ се я опетъ наћи у средини мое поролице, и видити опетъ мою Марію Ивановну . . . Но уеданпутъ ме неочекиваный громъ порази.

У онай данъ, кои самъ одредіо за мой одлазакъ, у само то магновенъ, кадъ самъ се спремао, да се на путь кренемъ, Зуринъ уће къ мени у собу, држећи у рукама артию, съ изгледомъ особито замышлѣнымъ. То се косне срца могъ. Я се уплашимъ, самъ не знаюћи одашта. Онъ оправи на полъ мога послужителя и яви ми, да са мною има посла. Каквогъ? — запытамъ га я узнемиренъ. — „ Мала незгода “ рече онъ, пружаюћи ми артию. „ Прочитай што самъ

овай часть добыю.“ Станемъ читати: то е была заповѣсть на начелнике свою одѣлѣня, да мене у тавницу ставе, ма гдѣ да ме наѣу, и безъ оклеваня у Казань подѣ стражомъ изслѣдователной комисіи оправе, коя е одреѣена была у послу Пугачева.

Артія мало ми не испаде изъ руке. „А шта знашь!“ рече Зурину. „Морашъ се повинovati. Безъ сумнѣ; морало е правителство о твоѣмъ пріятельству съ Пугачевымъ и о путованю съ нымъ како тако дочути. Но я се надамъ, да стварь ова никаква зла слѣдства имати неће, и да ћешъ се ты предъ комисіомъ оправдати. Не бой се, па полази.“ Савѣсть е моя была чиста, я се суда боюо нисамъ: но мысао, да ѣу любезну мою може быти текъ после неколико іоштѣ мѣсецій видити — мене е устрашавала. Подвозъ е быо готовъ. Зуринъ се са мноѣмъ пріятельски опрости. Мене посаде на кола. Са мноѣмъ сѣдну два хусара съ голема сабляма, и я поѣмъ великимъ друмомъ.

Г л а в а XIV.

Судъ.

Мірская молава —
Морская волна.

Пословица.

Я самъ знао, да самъ найвише зато быо кривъ, што самъ самовольно изъ Оренбурга отишао. Но я самъ се лако могао оправдати. Поединце на непріятеля изилазити, не само да ніе было забранъно, но іюштъ свима силама было е ободравано. Я самъ могао быти окривлѣнъ за мою прекомѣрну наглость, а не за непослушность. Могао самъ и зато доћи у велико подозрѣнъ, ако доказано буде, што самъ се више пута съ Пугачевымъ састаю, а то су многи видели. На цѣломъ момъ путу мыслію самъ о чему ће ме пытати, и рѣшимъ се предъ судомъ исказати праву истину, надаюћи се, да ћу се текъ тимъ само единымъ начиномъ оправдати и спасти моћи.

Дођемъ у Казанъ, кои е быо опустошенъ и погорѣо. По улицама, у мѣсто домова, лежало е у гомилама углѣвлѣ, и подизали су се очађени идиови кућа безъ крова и прозора. Ово су были трагови, ков е Пугачевъ иза себе оставіо. Мене одведу у тврдиню, цѣлокупну, у средъ погорѣлогъ града. Хусари предаду ме стражарећему официру. Онъ заповѣди, да се ковачъ доведе. На ноге ми метну путо и окую ме. После ме одведу у тавницу и оставе ме самогъ у вдной тесной и мрачной собурини, међу голимъ стѣнама и съ вднымъ прозорчићемъ, затворенымъ гвозденомъ решеткомъ.

Таковий почетакъ ніе мени никакво добро предсказивао. Но я зато не изгубимъ надежду, и не дожемъ у очаянѣ. Я прибѣгнемъ къ утѣхи, коіой сви несреѣни прибѣгаваю: помолимъ се Богу съ чистымъ срцемъ и мирно заснимъ, не мыслиши шта ће са мною быти.

Сутраданъ тавничный стажаръ мене разбуди, и яви ми, да ме зову у комисію. Два войника одпрате ме преко авліе у командантову кућу, зауставе се у предсобици, а єданъ одъ нѣи оде унутра.

Я уѣмъ у салу доста широку. За столомъ, покривенымъ артіяма, сѣдила су два човѣка, старый ѣнераль, изгледа строогогъ и ладнокрвногъ, и младый гардійскій капетанъ, око двадесеть и осамъ година, лѣпе споляшности, хитаръ и слободанъ у саобраштено. Кодъ прозора сѣдіо є секретаръ за особитымъ столомъ съ перомъ за увомъ, нагнуть на артію, готовъ записивати мое рѣчи. Почне се испытъ. Мене запытаю како се зовемъ и шта самъ? Ѣнераль запыта, да ли самъ я сынъ Андриѣ Петровиѣа Гринева? И на мой одговоръ рече сурово: „Штета, што тако поштень отаць има тако не достойногъ сына!“ Я спокойно одговоримъ: да се, ма како да су тужбе противъ мене велике, надамъ, да ћу се истинитима одговорима моима оправдати и опрати. Увѣраванѣ мое нѣму се не допадне. „Ты си браатаць брзь,“ рече онъ мени намргоѣенъ; „но видили смо мы и таковы.“

Тада ме онай младый човѣкъ запыта: каквымъ случаємъ и у коє самъ доба стао у службу кодъ Пугачева, и у каквима є службама онъ мене употрелявао?

Я съ негодованѣмъ одговоримъ, да я као офицеръ и дворанинъ ни у какву службу кодъ Пугачева ступити и никакве дужности одъ нѣга примати нисамъ могао.

„Но како,“ прослови мой испытатель, „дворанинъ и офицеръ бы поштеѣенъ одъ самозванца, кадъ є онъ у исто време све нѣгове другове безсрамно потукао? Како се истый тай офицеръ и дворанинъ части съ бунтовницима, прима одъ главногъ злочинца дарове, бунду, коня и новце? Одъ куда є прои-

зишло тако страно пріятельство, и на чему е оно основано, е ли на издѣйству, или по крайной мѣри на гнусной и преступной малодушности?“

Я самъ было здраво ожалощѣнъ рѣчма гвардійскогъ офицера, и съ ватромъ поченемъ се правдати. Я самъ казиваю, како се почело мое познанство съ Пугачевымъ у пустыни, како ме е при узећу тврди-нѣ Бѣлогорске познао и поштедіо. Я покажемъ, да е истина, да самъ безсавѣстно учинію, што самъ бунду и коня примію, но да самъ тврдию Бѣлогорску до последнѣ крайности бранію. Найпосле, я се позводемъ и на мога ѣнерала, кои засвѣдожити може мою усрдность у време опасне обсаде Оренбурга.

Строгій стараць узме са стола отворено писмо и стане га на гласъ читати :

„На пытанъ ваше преузвышености у обзиру прапорщика Гринева, е ли онъ умѣшанъ у овдашнѣ побуне, и е ли одлазіо на састанакъ къ зликовцима, служби не дозвољный, и дужности заклетве противный, обяснити имамъ часть : истый прапорщикъ Гриневъ налазіо се у служби у Оренбургу одъ почетка Октября 1773. године до 24. Февраара ове године, у кои е данъ онъ изъ града отишао, и одъ то доба ніе се више у мојой команди появио. А чуе се одъ добѣгши, да е было кодъ Пугачева на селу, я съ нѣмъ да е одма отишао у тврдию Бѣлогорску, у којой е пре у служби налазіо се ; што се тиче нѣговогъ владаня, то я могу “ Ту прекине свое читанъ и рече ми сурово : „ Шта ћешъ садъ рећи на твое оправданъ ?“

Я самъ хотѣо продужити, као што самъ почео, и обяснити мою свезу съ Маріюмъ Ивановномъ, тако искрено, као и све остало. Но уедапуть сътимъ се, да то неће быти добро. Мени дође у главу, ако шо споменемъ, то ће и шо комисія позвати на одговоръ, име ће нѣно међу именима гнусны злочинаца записано быти и она ће сама съ нѣма очи на очи изићи морати — та ужасна мысао тако мене порази, да се смутимъ и забунимъ.

Судіе мое, почевши, чиняше ми се, саслушавати одговоре мое съ некомъ благонаклоности, буду на ново предубѣђени противъ мене, видећи мою смутню.

Гвардійскій офицеръ рече, да ме изведу очи на очи са главнымъ обтужителъмъ моимъ. Генераль заповѣди довести *синокливетъ злочинца*. Я се са живости окренемъ къ вратма, очекујући долазакъ мога тужителя. За неколико тренућа загрме окови, врата се отворе, и уђе — Швабринъ. Я се зачудимъ нѣговой промѣни. Онъ е быо страшно слабъ и бледъ. Коса нѣгова, не давно црна као смола, сасвимъ е осѣдила: широка брада нѣгова была е замршена. Онъ повтори обтуженя своя слабымъ но постояннымъ гласомъ. По нѣговимъ рѣчма, я самъ одъ Пугачева быо посланъ у Оренбургъ за шпіуна; да самъ свакій данъ изилазіо на битку и предавао му писмена извѣстіяо свему, шта се у граду ради; да самъ се наипосле явно предао самозванцу съ нѣмъ ишао изъ тврдинъ у тврдиню трудно се свакояко свое друштво у погибель довести, да бы нѣина мѣста заузети, и наградама, коя е самозванцаъ раздавао, ползовати се могао. Я самъ саслушао нѣга ѣутећи и быо самъ доволянъ єднымъ, што име Маріе Ивановне гнусный зликовацъ изустіо ніе; можда зато, што е у срцу нѣгово мѣ тиняла искра истогъ чувства, кое е и мене у ѣутаню задржавало, — но то ма како да е было, име кѣри бѣлогорскогъ команданта ніе было произнешено у присуству комисіе. Я се утвердимъ іоштъ болъ у момъ намѣреню, и кадь су ме судіе пытали: чимъ могу опровергнути доказиваня Швабрина, я одговоримъ, да се држимъ првога мога изяснѣня, и ништа друго за оправданъ мое казати не могу. Генераль заповѣди насъ извести. Мы изиѣмо одма. Я спокойно погледимъ на Швабрина, но не проговоримъ му ни рѣчи. Онъ се злобно насміе, прихвати свое окове, претече мене и ускори свое кораке. Мене опетъ одведу у тавницу, и одъ то доба нису ме више испытывали.

Я нисамъ быо очевидацъ свега, о чему бы ми требало читателя обавѣстити; но я самъ тако често о томъ приповѣдке слушао, да су се и найманъ подробности у мою память урезивале, и као да ми се чиняше, да самъ я свуда не видимо присуствовао.

Марію Ивановну са искренности, съ коіомъ су се люди стары времена одликовали, мои родительи приме. Они су видели благодать божію у томъ, што

су имали прилику усвоити и уродити несрећну сироту. Они се съ нѣомъ брзо сроде, зато, што нѣе можно было нѣо познавати, а не любити е. Моя любавь къ нѣой моме се отцу већ не чиняше да е лакомысленостъ — — а мати е то и желала, да се Пера нѣнь съ лѣпомъ капетановомъ ћеркомъ ожени.

Гласъ да су ме затворили, порази сву мою породу. Марія Ивановна тако е просто исказала момимъ родителѣма чудно познанство мое съ Пугачевымъ, да е то не само нѣи ублажило, већ су се они јоштъ томе изъ чистогъ срца сміяли. Отацъ нѣе могао вѣровати, да самъ се я могао у гнуно бунтовничко друштво умѣшати, кое е намѣрвало низвергнути престолъ и истребити племе дворанско. Онъ е строго испытывао Савельића. Старацъ нѣе утајо, да е нѣговъ младый господинъ бывао у гостима кодъ Емилька Пугачева, и да е зликовацъ милостивъ био према нѣму; но заклинао се, да онъ ни за какво издайство чуо нѣе. Стари се ублаже, и съ нестрплѣнѣмъ добаръ гласъ очекиваху. Марія Ивановна врло е была ожалощѣна, но ћутала е; ерѣ е одвећ была стѣдљива и пазљива.

Прође неколико недѣља Уѣданпутъ добѣе отацъ изъ Петрбурга писмо одъ нашегъ сродника кнеза * * *. Кнезъ е нѣму писао о мени. После обичногъ почетка, онъ му явля, да су подозрѣня на мене, да самъ се съ бунтовницима подразумѣвао, на несрећу, освѣдочена, да бы мене примѣрна казань постигла была, но да е государиня, уважавајући за слуге и године отца, рѣшила се помиловати преступногъ сына, и избавляјући нѣга одъ смртне казни, осудила га е само у удалѣный край Сибира на вѣчито заточенѣ.

Овай не очекиваный ударъ у мало што мога отца убио нѣе. Онъ изгуби обично свое постоянноство и тугованѣ нѣгово (обично нѣмо) изливало се у горкима уздисаима. „Шта!“ говораше онъ изванъ себе. „Сынъ мой учествовао у умышљаима Пугачева! Боже праведный, шта самъ дочекао! Государиня избавля га одъ казни! Е ли тимъ мени што лакше? Казань нѣе страшна: мой прадѣдъ умро е у битки, до последнѣгъ конца живота свога доказуюћи, да е по-

штовао своју савѣсть за светиню; и отаць мой пострадао є такође съ Волинскимъ и Хруштейвымъ. Но дворянинъ да нїе вѣранъ своіой заклетви, да се саєдини съ разбойницима, съ убицама, съ бѣгуначкимъ простацима! . . . Стыдъ и срамъ нашему роду! — Уплашена нѣговымъ очаянѣмъ мати нїе смѣла предъ нѣмъ плакати и старала се како ће га ободрити, говорећи да нїе истина што се о мени мысли и што се о мени говори. Отаць мой быо є неутѣшанъ.

Марія Ивановна мучила се вѣма одъ своіу. Будући увѣрена да самъ се я могао оправдати, да самъ само хотѣо, нагађала є она истину, и држала є себе са виновницу мое несреће. Она є сакривала одъ своіу свое сузе и страданя, а међутимъ непрестано мыслила є о средствима како ће мене спасти.

Єданпутъ у вече отаць є сѣдио на диванани, преврћући листове придворногъ календара, но мысли нѣгове быле су далеко, и садашнѣ читанѣ нїе производило надъ нѣмъ обичногъ свогъ дѣйства. Онъ є звияждуќао старинскій маршъ. Мати ћутећи плела є, сузе су кадкадъ капляле на пѣнъ посао. Уєданпутъ Марія Ивановна, коя є ту за своимъ посломъ сѣдила, рече, да є не обходима нужда приморава у Петербургъ ићи, и да моли да є каквомъ приликомъ тамо пошлаю. Мати се здраво ужасне и рече: „А шта ћешъ ты у Петербургу? . . . Заръ хоћенъ и ты Марію Ивановна да насъ оставишь?“ Марія Ивановна одговори, да сва будућа судбина нѣна зависи одъ овогъ пута, да она као кћи човѣка, кои є за вѣрность свою пострадао, иде искати покровительства и помоћи у силны людій.

Отаць мой спусти главу: свака рѣчь, коя є нѣга на мнѣму кривицу сына нѣговогъ опоминяла, была му є досадна, и као бичъ за нѣга. „Иди любезна!“ рече онъ нѣойзи, уздишући. „Мы твоіой срећи препоне правити нећемо. Дао ти Богъ за младожено доброго човѣка, а не обезчашћеногъ издаицу.“ Онъ устане и изиђе напољъ.

Марія Ивановна оставши сама съ матеромъ одъ чести одкрїє іой своя намѣреня. Мати є моя плакала, и молила є Бога да она срећно намѣру своіу ка кояцу приведе. Марію Ивановну съ потребнимъ

етварма снабдѣду, и после неколико дана крене се она на путъ съ вѣрномъ Палашомъ и вѣрнымъ Савелииѣмъ, кои, силомъ одъ мене раставлѣнъ, тѣшио се по крайной мѣри мысли, да служи нареченой мой невѣсти.

Марія Ивановна среѣно дође у Софию и дознавши, да се дворъ у то време у Царскомъ Селу налази, рѣши се ту остати. Ню одведу на конакъ у еданъ рогаль за преградкомъ. Жена надзирателя съ нѣомъ се одма упозна и каже їой да е она сродница придворногъ едногъ пеѣара и да се посветила у све тайне придворногъ живота. Она е казивала, у кои сатъ государиня обично устае, каву пиє, прохаѣа се, шта е изволила синоѣ сама за трапезомъ говорити; кога е у вече къ себи пуштала; еднимъ словомъ Ана Власѣвна была е одъ неколико листова списакъ историчкїй, кои бы драгоценъ за потомство быти могао. Марія Ивановна слушала е ню се вниманѣмъ. Оне оду у башту. Ана Власѣвна казивала е историю свакогъ редосада и свакога мостиѣа, и кадъ се доста находаю, оне се врате на станиште, една съ другомъ врло задовольна.

Другїй данъ у ютру рано Марія Ивановна устане, обуче се и полагаю оде у башту. Ютро е было льпо, сунце е освѣтлявало врхове липа, кое су веѣъ одъ ладнїегъ воздуха есенѣгъ жутити почеле. Широко езеро блистало се непокретно. Лабудови, покоемъ ноѣи одморни, гордо су запливали исподъ краемъ прекрасне шумице, у којой текъ што е дигнутъ бїо споменикъ у славу скорашнїи побѣда грофа Петра Александровїа Румянцева. Уеданпутъ едно бѣло мало англїйско псетанце залае и потрчи нѣой на суерѣтъ. Марія Ивановна уплаши се и стане. У то исто тренуѣе чу се прїятный женскїй гласъ: „Не бой се, неѣе уести.“ И Марія Ивановна види госпу сѣдеѣу на клупици спроѣу споменика. Марія Ивановна сѣдне на другїй край клупице. Госпа е ню милостиво погледала; а Марія Ивановна, одъ свое стране неколико путїй косо погледавши е, мѣрила е очима одъ ноге до главе. Она е имала на себи бѣлу хальину, спаваѣу капу и ѣуракъ. Виѣаше се да има око четрдесетъ година. Лице нѣно пуно и

румено изражавало е достоинство и спокойство, а плаве очи и лакій насмѣхъ имали су преластъ не изяснѣиву. Госпа прва прекине ѣутанѣ.

„Вы безъ сумнѣ нисте одавдѣ?“ рече она.

— Тако е: я самъ текъ синоѣ дошла изъ провинціе.

„Вы сте дошли съ вашимъ родительма?“

— Не. Я самъ дошла сама.

„Сама! Но вы сте юштѣ млада?“

— Я немамъ ни отца ни матере.

„Вы овдѣ безъ сумнѣ морате посла имати?“

— Имамъ. Я самъ дошла да поднесемъ прошию государинѣи.

„Вы сте сирота; безъ сумнѣ, вы се тужите на неправду и обиду.

— Не. Я самъ дошла милости молити, а не правосудіа.

„Дозволите ми пытати, ко сте вы?“

— Я самъ кѣи капетана Миронова.

„Капетана Миронова! онога истогъ, што е было командантомъ у одной одѣ оренбуржки тврдиня?“

— Тако е.

Госпа виѣаше се, да е была тронута. „Опростите ми,“ рече она юштѣ умилніимъ гласомъ, „што се я мѣшамъ у вашъ посао; но я се налазимъ при двору: изясните мени, у чему се састои ваша молба, и може быти да ѣу вамъ моѣи помоѣи.“

Марія Ивановна устане и съ поштованѣмъ благодари юѣи. Къ непознатой госпи привлачило е ню срце нѣно, и уливало повѣренѣ. Марія Ивановна извади изъ нѣдара смотану хартию и пружи е непознатой своѣой покровительниці, коя га стане читати за себе.

Съ почетка читала е она по видимомъ внимателно и съ благимъ срцемъ, но уеданцуть лице се нѣно промѣни — и Марія Ивановна, коя е очима на сва нѣна движеня сматрала, уплаши се одѣ строгогъ израженя лица тога, кое е пре едногъ тренуѣа тако приятно и спокойно было.

„Вы молитe за Гринева?“ рече госпа ладнокрвно. „Императрица не може нѣму опростити. Онѣ се придружіо къ самозванцу не изъ незнаня и лако-

мыслености, но као развращенный и опасный невалялецъ.“

— О, неправде! — рече мало яснѣ Марія Ивановна.

„Како, неправде!“ прослови госпа, сва зажарена.

— Неправда, Богъ е свѣдокъ, неправда! Я знамъ све, и све ѣу вамъ казати. Онъ се мене ради подвргао свему, што га е постигло. И што се онъ предъ судомъ оправдао нѣ, то се зато збыло, што мене нѣ хотѣо ту мѣшати. — Ту она съ ватромъ припоѣди све, што е веѣъ познато моме читателю.

Госпа е саслужала съ вниманѣмъ. „Гдѣ сте се настанили?“ запыта она после; и чувши, да кодъ Ане Власѣвне, проговори смѣшеѣи се: „А, знамъ! молимъ, не казуйте никомъ о нашемъ састанку. Я се надамъ, да вы неѣете за дуго очекивати одговора на ваше писмо.“

Съ тима рѣчма она устане и оде у густый редосадъ дрва, а Марія Ивановна врати се къ Ани Власѣвной, пуна радостне надежде.

Домаѣница е жалила ню, што е она тако рано изъ себе изишла, говореѣи, да е то убитачно за здравль млада дѣвојка, особито сада у есенъ време. Она донесе самоваръ, и после чаше чая, текъ што почне исторію безъ края и конца о двору, кадъ, уѣданпуть, дворске каруце стану предъ ходникомъ, и собный служитель уѣе съ обявлѣнѣмъ, да е государиня изволила къ себи позвати дѣвојку Миронову.

Ана Власѣвна зачуди се и насмѣе се. „Ахъ ты Господи!“ викне она. „Государиня зове васъ у дворъ. Како е она за васъ дознала? Како ѣете вы господична отиѣи предъ императрицу? Вы, я се плашимъ, ни уѣи неѣете знати по придворномъ обичаю Неѣу ли я съ вама иѣи? Тако да, я ѣу васъ буди у чему предохранити. И како ѣете вы иѣи у путномъ одѣлу? Хоѣемо ли послати бабици по нѣну жуту мараму?“ Служитель яви, да ѣе государинѣи угодно быти, ако Марія Ивановна оде сама, и у томъ, у чему се нашла. Другачѣе нѣ могло быти. Марія Ивановна сѣдне у каруце и поѣе у дворацъ, спровоѣена савѣтима и благословима Ане Власѣвне.

Марія Ивановна осећала в напредъ рѣшенъ наше судбе; срце в њно силно у грудима њѣнимъ было. За неколико минута каруце стану предъ дворцемъ. Марія Ивановна са страхомъ пође по степенима. Врата се предъ њомъ отворе на двое, она прође крозь многе празне великолѣпне собе, собный служитель показиваше іой путь. Наипосле дође она къ затворенымъ вратма, онъ іой каза, да ће в овай часъ пріавити, и остави в саму.

Мысао да ће видити императрицу и да ће предъ њо лично изићи, тако в уплаши, да се она едва на ногама држати могаше. За едно тренуће врата се отворе, и она у собу государинъ уђе.

Императрица сѣдила в за своимъ туалетомъ. Но су неколико одъ придворны великаша окружавали, кои съ почасті пропусте Марію Ивановну. Государиня іой се умилно окрене, и Марія Ивановна позна у њой ону госпу, којой се она онако искрено пре неколико магновеня исповѣдила. Государиня зовне в и рече іой: „Я се радуемъ, да самъ могла дану вамъ рѣчь одржати и испунити вашу прощню. Дѣло в ваше свршено. Я самъ извѣштена о невиности вашего младоженъ. Ето вамъ писмо, кое ћете сами морати однети вашему будућемъ свекру.“

Марія Ивановна прими писмо съ дрѣћућомъ рукомъ, и заплакавши се падне къ ногама императрице, коя в дигне и полюби. Государиня се съ њомъ дуго разговарала. „Знамъ да вы нисте богата“ рече она; „но я самъ дужна кѣри капетана Миронова. Не старайте се за будућность. Я ћу се старати да уредимъ ваше станъ.“

Излюбивши несрећну сироту, государиня в одпусти. Марія Ивановна врати се у истима придворнима каруцама. Ана Власѣвна нестрпљиво дочекавши да се поврати, загушивала в питаньима, на коя в Марія Ивановна одговарала ковако. Ана Власѣвна, ма да и ніе была задовольна съ њѣнимъ збунѣнимъ одговорима, но она в то приписивала провинціалной простоты, и праштала іой великодушнo. Истый данъ Марія Ивановна, не марећи да се по Петербургу прође, натрагъ се врати у село

Овдѣ престаю записци Петра Андрієвића Гринева. Изъ породичны преданія извѣстно є, да є онѣ быо пуштень изъ сужанства съ концемъ 1774. године, но и онѣ є морао по заповѣсти присуствовати при казни Пугачева, кои є нѣга у томили познао и главомъ на нѣга мануо, коя за магновенѣ мртва и окрвавлѣна показана є была народу. На скоро затимъ Петаръ Андрієвићъ вѣнча се съ Мариомъ Ивановномъ. Потомство є нѣгово срећно живило у симбирской губерни. На тридесетъ врстѣ одъ * * * налази се село, принадлежеће десеторици властелима. У єдномъ одъ боярски двораца чува се собственоручно писмо Екатерины II. подъ стакломъ у раму. Оно є писано отцу Петра Андрієвића и садржи у себи оправданѣ нѣговогъ сына и похвале ума и срца кѣри капетана Миронова.

